

А. Е. Криштопа

ДАГЕСТАН

в XIII - начале XV в. в.

instituteofhistory.ru

А.Е. Криштопа

Дубовозовскому Ш.
с искренним уважением
учесть в издании
РАИОН от автора
23.11.2009
А.Е. Криштопа

Дагестан в XIII – начале XV вв.

Очерк политической истории

Москва

Издательская группа «МАМОНТ»

2007

ББК 63.3 (2Рос.Даг)
К 82

**NOT FOR
PUBLIC RELEASE**

Криштопа, А.Е.

К 82 Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории. — М., «ТАУС», 2007. — 228 с.: ил.

Книга дагестанского исследователя А.Е. Криштопы посвящена событиям политической истории Дагестана периода монгольского нашествия и походов Тамерлана. Книга рассчитана как на специалистов, так и на всех тех, кто интересуется прошлым нашей Родины.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

DEPARTMENTAL

ISBN 978-5-903-011-17-9

© А.Е. Криштопа, 2007 г.
© Издательство «ТАУС», 2007 г.

Оглавление

Введение	5
Примечания	20
<i>Глава I</i>	
Дагестанские исторические источники (предварительная характеристика)	26
Примечания	51
<i>Глава II</i>	
Дагестан в XIII веке. Монгольское нашествие	56
§ 1. Дагестанские земли накануне прихода монголов: политическая карта	56
§ 2. Начало нашествия. Монголы в Дагестане	63
§ 3. Ордыно-ильханское соперничество и внутренняя жизнь Дагестана	73
Примечания	90
<i>Глава III</i>	
Соперничество за равнину и оживление Нагорья (первая половина XIV века)	102
§ 1. Ослабление военного противоборства на равнине. Перемены в Горном Дагестане и феодальная война начала XIV века	102
§ 2. Финал ордыно-ильханской борьбы и конец чингизидского присутствия в Дагестане (1319–1357 гг.)	113
Примечания	126

<i>Глава IV</i>	
Дагестан во второй половине XIV— начале XV вв.	131
§ 1. Обстановка в Дагестане 60—90 годов XIV века	131
§ 2. Нашествие Тимура (1395—1396 гг.)	164
<i>Примечания</i>	190
Заключение	209
<i>Примечания</i>	213
Список сокращений	214
Библиография	215

Введение

Из общего хода событий средневековой эпохи на огромном евразийско-переднеазиатском пространстве время монголо-татарских нашествий выделяется особо. Отпечаток исторической катастрофы явственно отличает его характер от предшествующих и последующих веков, давая тем самым объективную основу для выделения его в отдельный исторический период. К тому же период этот четко отграничен хронологически: его открывают чингизидские нашествия с начала XIII в., а завершают нашествия Тимура рубежа XIV—XV вв. — к этим двум продолжительным катастрофам следует прибавить и определенное время преодоления их последствий, и даже взаимной адаптации затронутых ими обществ. Такая периодизация распространяется, естественно, и на Дагестан, лежащий на границе евразийского и переднеазиатского пространств, которого не миновали катастрофические события XIII—XIV вв.

Данная работа является попыткой реконструкции одной из сторон исторического процесса в Дагестане в XIII — начале XV вв. При этом для историка не менее важно и то, что эти века до сих пор остаются наименее изученным периодом средневековой эпохи в Дагестане, в особенности ее социально-политической стороны¹. Вместе с тем, настоящая работа является естественным продолжением предыдущих работ автора².

Исследование конкретных путей развития доиндустриальных обществ, типологии их форм всегда признавалось в отечественной историографии одной из важнейших задач ис-

торической науки³ — без этого невозможно реконструировать ход исторического процесса во всей его конкретности и достоверности. В этом смысле всестороннее изучение средневековой эпохи истории Дагестана⁴ по своему значению и возможным результатам выходит далеко за пределы сугубо местной истории⁵.

Попытка реконструкции социально-политического развития Дагестана XIII—XIV вв. как связанного процесса стала возможной главным образом благодаря накоплению в последние полвека источникового материала и появлению серьезных источниковедческих работ по этой теме⁶. Наиболее важными и заметными нам представляются комментированные издания: эпиграфических источников — Л.И. Лавровым и А.Р. Шихсаидовым, историко-фольклорных и отчасти письменных материалов — Р.М. Магомедовым, местных письменных источников — А.Р. Шихсаидовым и Т.М. Айтберовым, причем, наряду с изданием новых материалов, следует особо отметить и новую интерпретацию на более высоком научном уровне и источников ранее известных. Из «внешних», т.е. иноземных, материалов такого рода наиболее интересны русское издание «Сказания о Железных Вратах» (XV в.), а также источниковедческие работы Ж. Ришара и Л. Тарди.

Первое упоминание топонима «Дагестан» в датированном тексте — это «Завещание Андуника» 1485 г. Гораздо раньше, однако, появилось представление о некоем историко-географическом целом, сложившемся между западным берегом Каспия и восточной частью Главного Кавказского хребта, с горным ядром по обе стороны Дербента (в авторском тексте используется это название, в цитируемых источниках — Дербенд. — *Прим. ред.*) (то есть водораздела рек Рубас и Уллучай) — первое письменное указание на него в иноземном историческом сочинении связано с событиями 1264 г., оно означено там как «Лекзистан»⁷. Образование этого историко-географического целого было, по-видимому, итогом достаточно длительного предшествующего процесса интеграции горных земель Северо-Восточного Кавказа. Глубинная опора и ареал этого процесса определялись единым, древним и

достаточно мощным историко-культурным субстратом, который оформился здесь не позднее эпохи ранней бронзы⁸. Проявлениями этого интеграционного процесса можно считать и общность исторических судеб дагестанских земель в период халифатской экспансии (VII—X вв.), и последующее их экономическое сближение — ал-Истахри, Йакут, Абу Хамид ал-Гарнати и другие авторы X—начала XIII вв. отмечают тяготение этих земель к Дербенту как региональному порту и рынку.

Тем не менее, характерный процесс, который можно проследить по политической карте Дагестана в тот же период, в особенности накануне монгольского нашествия, — его возрастающее удельное раздробление (при сохранении единства уже сформировавшихся этносов).

Следует отметить преимущественное внимание исследователей к социально-экономической стороне этого периода⁹. Между тем как важная составляющая общественно-исторической жизни — политическая изучена заметно слабее, хотя даже беглое знакомство с источниками XII—XV вв. по истории Дагестана убеждает, что в них факты политического характера преобладают.

Разработка общепринятой периодизации истории Дагестана пока не завершена. Рассматривая средневековый Дагестан как исторически сложившуюся систему политических образований (а не механическое их скопление), фиксируемую источниками уже в связи с событиями V—VI вв. н.э., нетрудно заметить, что система эта с конца XI в. обнаруживает признаки распада. Развитие этого процесса приводит к значительным переменам (даже ломке) и обновлению ее, начиная с первой половины XII в. Лишь в XV в. достигается определенная стабилизация политической системы Дагестана.

Процесс этот совпал с историческими катастрофами, нарушившими нормальный ход исторического развития центральных и восточных регионов Евразии, — мы имеем в виду, во-первых, монголо-татарское нашествие 20—40-х годов XIII в. и его последствия (иго) и, во-вторых, нашествие Тимура конца XIV вв. Отмеченный этими веками период отли-

чается не только своим крайне динамичным и кризисным характером — в XIII–XIV вв. оформляется политическая структура Дагестана, происходят качественные перемены в его политической жизни, что и является основным предметом исследования в данной работе. Однако невозможно приступить к изучению политической жизни непосредственно с кризисного ее момента, необходим хотя бы краткий очерк предшествующего ее состояния. Отсюда естественно начало исследования с рубежа XII–XIII вв., заканчивается оно рассмотрением ситуации до конца XIV века.

Локальные рамки работы определяются тем, что подлинно-исторический подход предполагает изучение не прошлого территорий, а прошлого исторически сложившихся человеческих обществ. Поэтому географические границы интересующей нас территории определяются пределами расселения дагестанских народностей и хозяйственно используемых земель. При таком подходе естественной восточной границей явится береговая линия Каспия, западная в основном совпадает с водоразделом Главного Кавказского хребта (но при этом включая северо-восточный склон Алазанской долины, Елису, верховье реки Турианчай), северным пределом явится долина Терека, а южный включит в себя территорию расселения шахдагских народностей, нагорную часть бассейнов рек Карачай, Кудиалчай, Кусарчай, а также нижнее течение реки Самур.

Первой попыткой последовательного изложения политической истории Дагестана следует признать работу (1841 г.) «Гюлистан-Ирам» полковника А.-К. Бакиханова¹⁰. Не отходя от принципов традиционной восточной историографии, он в то же время четко определил локальные рамки своего исследования («Ширван», куда включен также весь Южный Дагестан), наряду с известными трудами восточных историков, автор широко привлек дагестанские источники (как нарративные, так и эпиграфические, и устные). Однако слабость методологии исследования, скудость источников и отсутствие их критического анализа не способствовали научному раскрытию политической истории дагестанских земель. Ту же оценку можно распространить и на исторический труд

(1890 г.) Г.-Э. Алкадари¹¹, следовавшего (по его собственному признанию) за А.-К. Бакихановым¹².

Почти одновременно с «Гюлистан-Ирам» появилась работа академика Б. Дорна «К истории кавказских стран и народов по восточным источникам. Опыт истории ширваншахов»¹³. Будучи весьма близкой труду Бакиханова по теме, локальным рамкам, используемым источникам, работа Дорна выгодно отличается несравненно более строгой методикой, стоявшей на уровне европейской науки своего времени. Однако из местных источников им используется только «Дербенд-намэ», из всех дагестанских земель автор касается лишь Дербента.

Тот же характер носит освещение политических событий в Дагестане в труде Й. фон Хаммер-Пургшталя «История ильханов»¹⁴. Там дается лишь хроника борьбы ильханов и Золотой Орды в районе Дербента во второй половине XIII в. Вместе с тем оба этих труда дают первые попытки разработки интересующей нас темы в европейской научной традиции.

Значительным шагом вперед в ее исследовании стали работы академика В.В. Бартольда¹⁵, в особенности его статьи о Дагестане и Дербенде для «Энциклопедии ислама». Наряду с использовавшимися ранее восточными источниками, он впервые привлек сведения Н. Шами и Ш. Йезди, записки европейских средневековых путешественников (В. Рубрука, И. Барбаро, А. Контарини, а также Аф. Никитина). Бартольд существенно уточняет представления о действиях монголов и Тимура, о положении Дербенда, делает несколько глубоко верных выводов о политическом положении горных земель, а также закладывает основание для научной критики местных письменных источников.

Небольшая работа Б.Г. Малачиханова¹⁶, написанная в 30-е годы XX в., интересна перенесением центра тяжести исследования в глубинную, горную часть Дагестана, стремлением найти именно там источник его социально-политического развития. Отсюда внимание автора к местным источникам различных видов; некоторые положения этой работы получили дальнейшую разработку в исторических исследова-

дованиях (существование транзитного «великого пути через горы»).

Исторические события XIII–XV вв. в Дагестане были затронуты в монографии Р.М. Магомедова (1957 г.)¹⁷, где рассмотрению общественно-экономического и политического строя каждой дагестанской народности в XVIII–начале XIX вв. предпослан краткий очерк ее предшествующей истории. В работе Р.М. Магомедова «История Дагестана» (Махачкала, 1961 г., переиздана в 1968 г.), несмотря на сжатый характер изложения, всесторонне освещен период XIII–XV вв. с использованием основной массы введенных к тому времени в научный оборот источников. При этом значительное внимание уделено политической истории, социальной структуре и особенностям горных земель, то есть исторического ядра Дагестана. Некоторые положения этой работы, относящиеся к политической жизни Дагестана XIII–XV вв., получили дальнейшее широкое хождение в отечественной историографии.

В работе Р.М. Магомедова «Дагестан. Исторические этюды»¹⁸ отмечены существенные особенности развития феодализма в Дагестане; а его работа «По аулам Дагестана»¹⁹ содержит ценный историко-фольклорный материал.

Монография А.А. Али-заде (1956 г.)²⁰ по истории Азербайджана XIII–XV вв. содержит сводку военно-политических событий на равнинных землях Восточного Кавказа, а также раскрытие некоторых важных для истории Дагестана социально-политических терминов.

В первой обзорной работе по истории Дагестана (1957 г.)²¹, охватившей и средневековую эпоху, сделаны выводы предыдущих исследований его истории XIII–XV вв.

В работах А.Р. Шихсаидова, посвященных в основном эпиграфике, источниковедению и текстологии, а также социально-экономической истории, затронуты и важные вопросы политической жизни Дагестана XIII–XV вв. На основе анализа письменных источников и эпиграфики этого периода сделаны важные выводы о социально-политической жизни южнодагестанских земель²². Убедительна его интерпретация

сообщений Рашид ад-Дина о насаждении Газан-ханом мелких служилых феодалов в бассейне Самура²³. Прослежены пути и хронология распространения феодального влияния Кумуха (под флагом исламизации) в верхней части обширного бассейна Аварского Койсу²⁴. Автором предложена схема датировки политических событий в Аварии середины XIII–XIV вв.²⁵.

Вопросы истории Дагестана XIII–XIV вв. затронуты во многих работах Л.И. Лаврова. Его «Эпиграфические памятники Северного Кавказа»²⁶ являются не только собранием ценнейших источников: самостоятельное значение имеют вступительные разделы этого труда и комментарии к надписям. Таков, например, анализ сведений о Курахском обществе, о политическом положении Дербента в XIV в., о жизни обществ Верхнего Самура, а также подтверждение существования шамхальской власти уже в начале XIV в. в одной из статей автора²⁷.

Л.И. Лавров и А.Р. Шихсаидов дали подробный разбор похода монголов на Рича и Кумух в 1240 г.²⁸ (хотя некоторые моменты использованного ими материала допускают и иные толкования).

Связи Нагорного Дагестана с сопредельными землями, распространение здесь христианства (православия) вплоть до XIV в. рассмотрены в числе других вопросов в монографии Д.М. Атаева (1962 г.)²⁹, написанной в основном на археологическом материале.

Вопросам распространения в Дагестане христианства (католицизма) и связей Дагестана с Европой посвящена работа Ж. Ришара (1963 г.)³⁰, основанная на документах папской курии и монашеских орденов. Автор в основном ограничивается хронологическим и тематическим упорядочиванием их сообщений, а также сопоставлением этих сведений с общеисторическим фоном, не касаясь вопроса о степени их соответствия исторической реальности. Тем не менее, надо признать, что после краткой констатации В.В. Бартольдом наличия католиков в Кайтаге XV в.³¹ и лаконичных указаний Ф. Бруна на факт католической пропаганды в Дагестане в

XIV в. (с приведением отрывков из булл)³², статья Ж. Ришара представляет собой следующий шаг в исследовании малоизученного вопроса о дагестано-западноевропейских связях в XIV–XV вв.

Нашествие на Дагестан Тимура (1395–1396 гг.) — тема, которой в той или иной степени касались многие авторы, — стало предметом специального рассмотрения в статьях Б.Г. Алиева и Р.С. Шихсаидовой (1970 г.)³³, Э.В. Ртвеладзе (1976 г.)³⁴, Х.Г. Ичалова (1975 г.)³⁵ и другие. Основным их содержанием являются различные варианты реконструкции маршрута завоевателей. При этом в первых двух статьях осенний поход Тимура 1395 г. целиком отнесен к Центральному Предкавказью. Привлечение материалов дагестанских исторических преданий в статье Б.Г. Алиева и Р.С. Шихсаидовой позволило авторам внести убедительные, на наш взгляд, уточнения в маршрут и топонимику зимнего 1395 г. и весеннего 1396 г. походов Тимура в северо-западную и северо-восточную часть Горного Дагестана. Обоснование характера стратегии Тимура в статье Э.В. Ртвеладзе дало нам возможность определить более верную, по-нашему мнению, схему действий Тимура (разделение маршрутов «обоза» и «войска»). Статьи Г.Х. Ичалова, равно как и его диссертация, посвященные борьбе горцев с иноземными нашествиями в XIII–XIV вв.³⁶, своими основными положениями примыкают к работам его предшественников, однако дополняют их результатами полевых исследований.

На основании вышеизложенного краткого обзора состояния политической жизни Дагестана XIII–XIV вв. можно сделать следующие выводы:

1. Прослеживается резкая неравномерность в изучении разных частей Дагестана. Более всего исследован Дербент. Что касается равнинной части Дагестана, то здесь внимание исследователей в основном привлекала военно-политическая борьба двух монгольских держав. Наименее изученной доныне остается историческая жизнь основной, горной части Дагестана XIII–XIV вв.

2. При изучении эпохи средневековья в Дагестане наи-

большой интерес исследователей вызывала социально-экономическая сторона, что вполне закономерно. Политическое же развитие в этот период изучено заметно слабее, несмотря на то, что преобладающая часть сведений источников посвящена именно фактам его политической истории.

3. Вопросы истории средневекового Дагестана неоднократно затрагивались в исторических исследованиях либо как часть более обширной проблемы, либо как частный момент исторического процесса, однако политическое развитие Дагестана XIII–XIV вв. до сих пор не было предметом монографического изучения.

Что касается письменных источников, то для периода, предшествующего XIII–XV вв., их сохранилось значительное количество, в том числе свидетельств арабоязычной классической географии и историографии, подвергшихся тщательному источниковедческому изучению со стороны классиков русского и мирового востоковедения. Еще шире источниковедческая база последующего, позднесредневекового периода истории Дагестана (XVI–XVII вв.), представленная местной историографией, документальными нарративными источниками, а также довольно многочисленными иноземными сообщениями, — с этого периода фактически начинается непрерывная фиксация исторических событий в Дагестане.

Заметно более скуден с этой точки зрения период XII–XV вв.: свидетельства источников отрывочны, рассеяны по разнородным (нередко тенденциозным) сочинениям, появившимся в разное время, в разных странах и на разных языках. Ни одна группа письменных источников не представляет достаточно полной основы для изучения политической жизни Дагестана в XII–XV вв., поэтому соединение этих разбросанных во времени свидетельств становится первоочередной задачей при исследовании этого периода. Но это невозможно сделать без их критического сопоставления и анализа. Для создания достаточно надежного источниковедческого фундамента необходимо также использовать данные эпиграфики, археологии, нумизматики, исторического фольклора, искусствоведения.

Большинство использованных в исследовании источников письменные. Самая известная и значительная группа — сочинения, написанные в X—XV вв. на арабском и персидском языках в странах Ближнего и Среднего Востока. Наиболее ранние из них — источники X — начала XII в., в большинстве своем относящиеся к классическому периоду арабоязычной географической литературы (сочинения ал-Истахри³⁷, Ибн Хаукаля³⁸, Ибн ал-Факиха³⁹, Ибн Руста⁴⁰, Масуди⁴¹, Макдиси⁴²). Эти достоверные и источниковедчески хорошо изученные работы освещают канун интересующего нас периода и используются главным образом для сопоставления с более поздними данными, т.е. косвенно. К этой классической традиции примыкают более поздние сочинения Абу Хамида ал-Гарнати (XII в.)⁴³ и Йакута (XIII в.)⁴⁴. Записки Абу Хамида особенно интересны ввиду того, что в 1130 г. автор сам побывал в Дербенде.

Вторая группа источников — сочинения авторов, живших в интересующий нас период (XIII—XIV вв.). Особо могут быть выделены в ней труды ан-Насави⁴⁵ и Ибн ал-Асира⁴⁶, так как авторы их были свидетелями монгольского нашествия, обозначившего начало этого периода. Сообщения их относятся преимущественно к Дербенту и отличаются объективностью, несмотря на явную антимонгольскую позицию авторов. Тогда как другие авторы освещают период возникновения и развития государств, созданных монгольскими завоевателями (в большинстве своем этот материал был собран, переведен и обработан еще в XIX в. В.Г. Тизенгаузеном). При этом среди арабоязычных источников преобладают египетские. Их осведомленность о жизни Золотой Орды и их проордынская направленность объясняются союзными отношениями между Египтом и Ордой, основанными на общей вражде к Хулагидской державе. В сочинениях же персоязычных авторов XIV в. преобладает прохулагидская ориентация, что объясняет тенденциозность данных источников.

Необходимо отметить, что для арабоязычных авторов (аз-Захаби, Ибн Кесира, ал-Айни, Р. Бейбарса, Ибн Дукмака, Ибн Хальдуна, Ибн Баттута, Ибн ал-Варди)⁴⁷ дагестанские

земли — это всего лишь уголок огромного «Улуса Джучи», а самая важная их точка — это Дербенд. Основное внимание при этом уделяется военным акциям Орды; дается также хронологический материал. Для персоязычных же авторов (З. Казвини, Х. Казвини, Рашид ад-Дина, Вассафа, авторов «Продолжения сборника летописей» и «Тарих-и Шейх Увейс»)⁴⁸ земли к северу от Куры были не только важным рубежом их государства, но и представляли наибольшую угрозу, поэтому сведения о них довольно обширны.

Особенно велика ценность сообщений «Сборника летописей» Рашид ад-Дина⁴⁹. Автор, выдающийся историк своего времени, занимая высокое положение при хулагидском дворе, был в курсе всей его политики. Кроме того, он был связан родственными узами с ширваншахами и являлся либо владельцем, либо управляющим большого имения в Шеки⁵⁰ — это свидетельствует о его осведомленности в положении земель к северу от Куры, включая Южный Дагестан.

Сведения о Дагестане в «Анониме Искендера», а также в близких друг к другу трудах Низам ад-Дина Шами, Шараф ад-Дина Йезди и Абд ар-Раззака Самарканди⁵¹ относятся к концу XIV в. и связаны с нашествием Тимура. Написанные в XV в. придворными историками Тимуридов по дневникам и воспоминаниям участников походов, эти произведения отличаются явной протимуровской тенденциозностью, что следует учитывать. В дополнение к их переводам мы использовали также персидский текст Н. Шами (в издании Ф. Тауера)⁵² для корректировки терминов и топонимов.

Привлекаемые нами сведения из армянских источников освещают события в Дагестане лишь в 20—60-е годы XIII в., главным образом, вторжение Субудая и Джэбэ, Чормагуна и войну между Хулагидами и Джучидами в прикаспийской полосе. Наиболее содержательны сведения Киракоса Гандзакци⁵³, Григора Акнерци (инока Магакии)⁵⁴. Вардан Великий⁵⁵ касается начала вторжения, а Стефан Орбелиан⁵⁶ — упомянутой выше войны между монгольскими державами. Используются и отдельные сообщения историков XIII в.⁵⁷ — Степаноса епископа, Себастици, Мхитаря Айриванеци (к

тому же времени относятся и сведения из труда 1307 г. царя Гетума Патмича — он же Гайтон Армено)⁵⁸.

В грузинских источниках наиболее освещены события упомянутой войны 60-х годов XIII в. на территории Дагестана. О последующем времени там имеются лишь отрывочные упоминания о христианской пропаганде в горном Дагестане и о нашествии Тимура. Некоторые сведения о Дагестане XIV в. содержат родовые предания Чолокашвили и Церетели⁵⁹ (в поздней передаче XVIII—XIX вв. соответственно), а также «История царства Грузинского» Вахушти Багратиони⁶⁰.

События XIII—XIV вв. в Дагестане нашли некоторое отражение в западноевропейских источниках. Широко известные путевые записки Г. Рубрука⁶¹ содержат краткие и конкретные сведения о состоянии Дербента и Приморского Дагестана к осени 1254 г.

Еще одна группа западных источников содержит сведения о событиях в Дагестане на рубеже XIV—XV вв. Особенно интересны записки доминиканца Иоанна де Галонифонтибуса (он же Жан де Галифонтэн) — «*Libellus de notitia orbis*»⁶². Иоанн был назначен епископом Нахичевани (там он пребывал и в годы нашествия Тимура на Дагестан); с 1398 г. он — «Иоанн III, архиепископ Султаньи и всего Востока» (т.е. пределов бывшей державы Хулагидов). К моменту завершения своих записок (1404 г.) Иоанн прожил в Закавказье или в непосредственной близости от него (в г. Султаньи) 27 лет (не считая кратких отлучек в Европу), причем сбор информации для папской курии о Среднем Востоке, Малой Азии и Закавказье был его служебным долгом. Это предполагает высокую достоверность включенного в его записки материала.

Для обширной епархии Иоанна Дагестан был одним из небольших приграничных участков, видимо, поэтому он в своих записках относит дагестанские земли к «сферам влияния» того или иного государства, лишь кратко касаясь их природы, хозяйства, этнонимии. Но вместе с тем они дают весьма интересные сведения о борьбе дагестанцев против Тимура.

Л. Тарди, исследовавший и издавший кавказский материал на основе записок Иоанна, указал на их существенный недостаток — крайне недостоверные по содержанию вставки из схоластических сочинений (следствие «учености» автора). Отметим, однако, что это почти не отразилось на сведениях о Дагестане, быть может, именно вследствие их эпизодичности (исключение составляют лишь сведения о Дербенте).

К тому же времени относятся записки Р.Г. де Клавихо, кастильского посла при дворе Тимура в 1404 г. Его сообщение о Дербенте проливает свет на положение в Дагестане после нашествия Тимура⁶³.

Ценные сведения о связях Дагестана с Западной Европой и о деятельности здесь католических миссионеров во второй половине XIV—XV вв. содержатся в миссионерских отчетах и буллах пап. Их издания, однако, остались недоступны для нас, и нам пришлось использовать выдержки из этих источников в вышеупомянутых работах Ф. Бруна и Ж. Ришара.

Последние по времени западноевропейские источники, касающиеся событий в Дагестане XV в., — это записки венецианских дипломатов А. Контарини и И. Барбаро. Сведения Контарини⁶⁴ о Дербенте, где он находился с 12.XI.1475 г. по 6.IV.1476 г., равно как и скудные отрывки из записок И. Барбаро (в особенности его «Путешествие в Тану»⁶⁵ широко используются для характеристики экономического и политического положения Дербента, его внешних связей, религиозной и этнической ситуации.

Гораздо менее известно другое произведение И. Барбаро — «Путешествие в Персию», где даются личные впечатления автора о ситуации в Дербенте около 1479 г.; туда включены и более поздние сведения о Дагестане, полученные автором после 1487 г. Краткое сообщение о религиозной ситуации XV в. в Дагестане приводит В.В. Бартольд⁶⁶ (по изданию Рамузио), некоторые моменты этого сочинения использовались прежде выборочно и не вполне точно по английскому изданию 1873 г., однако этим и ограничивалось использование данного источника для изучения истории Дагестана.

Для ретроспективной характеристики последствий нашествия Тимура и судеб католицизма в Дагестане мы привлекаем полный текст «Путешествия в Персию» (в издании Рамузио, 1558–1559 гг.)⁶⁷, а также вышеназванные переводы «Путешествия в Тану» и записок А. Контарини.

Особым видом западноевропейских источников по истории Дагестана являются географические карты. В.В. Бартольд справедливо призывал к осторожности при использовании средневековых карт, обычно соединяющих сведения различных периодов, «притом без указания источников»⁶⁸. Однако привлекаемые нами данные Каталанской карты⁶⁹ 1375 г. и карты братьев Пиццигано 1367 г.⁷⁰ (обе основаны на генуэзских картах) относятся к Дербенту и прилегающей к нему полосе, которая как раз была хорошо известна генуэзцам, — следовательно, эти данные заслуживают доверия. Для определения границы между двумя чингизидскими державами, проходившей в Приморском Дагестане, использовались краткие легенды с карт, а также условные знаки Каталанской карты — флажки с тамгами, обозначающие владения каждой из этих держав (эти знаки, насколько нам известно, в прежних исследованиях не учитывались).

«Лесинская карта»⁷¹, составленная, очевидно, по венецианским данным XV в., помогла нам локализовать «острова балыкчиан», упомянутые у Н. Шами и Ш. Йезди. Насколько нам известно, для освещения истории Дагестана эта карта ранее не привлекалась.

Наиболее ранние сведения русских источников о Дагестане относятся к XV в. (если не считать упоминания о Железных Воротах в «Задонщине»)⁷². В литературе уже отмечались их краткость и отрывочность, с одной стороны, и высокая достоверность — с другой.

Анонимный русский источник, возникший между 1436 и 1447 гг. («Сказание о Железных Воротах»)⁷³, привлечен для характеристики последствий похода Тимура. Сведения из «Хожения»⁷⁴ Аф. Никитина (осень 1466 г.) использованы для уточнения границ кайтагских владений и для корректировки генеалогического списка уцмиев.

Во всех перечисленных выше иноземных источниках почти отсутствуют достоверные сведения о жизни основной, горной части Дагестана. Они основаны преимущественно на сообщениях транзитных путешественников, участников военных походов, купцов, дипломатов, знакомых лишь с узкой полосой равнинного Дагестана, прилегающей к международному пути, а также с морским побережьем и более всего — с Дербентом (некоторое исключение составляют сведения проникших в горную часть Дагестана христианских миссионеров и участников похода Тимура). Эти авторы большей частью получали свои сведения из вторых и третьих рук. Немногие же из них, посетившие Дагестан, как правило, ограничивались кратковременной поездкой по вышеупомянутым транзитным путям (редкими исключениями были Абу Хамид и А. Контарини, жившие некоторое время в Дербенте и, может быть, некоторые миссионеры). Поэтому их сообщениям присущ взгляд на Дагестан как бы «извне». По ним можно судить главным образом о военных и политических событиях на равнине и в Дербенте, а также о международных связях дагестанских земель. Об исторической жизни Горного Дагестана XIII–XV вв. они дают крайне скудные, единичные сведения (это может даже вызывать неверное впечатление, будто все факторы социальных и политических перемен в Дагестане находились за его пределами).

Столь внушительный пробел восполняется лишь местными дагестанскими источниками (эпиграфическими, актовыми, нарративными). Совокупность этих источников, однако, по-нашему мнению, составляет своеобразную и довольно целостную систему исторических сведений. Использование последних невозможно без источниковедческого разбора этой системы именно как целого (пусть даже разбор этот носит предварительный характер). Поэтому рассмотрение местных источников вынесено в следующую часть данной работы (часть I).

Как своеобразный вид письменных источников следует упомянуть записки офицеров русской службы XVIII в. — капитана И.Г. Гербера⁷⁵ и майора А.Г. Сереброва⁷⁶, — где

зафиксированы некоторые обстоятельства и свидетельства, проливающие свет на средневековый период в Дагестане, но утраченные впоследствии.

Наряду со сведениями письменных источников, были привлечены также некоторые археологические свидетельства, касающиеся темы данной работы, — наблюдения над материалом городищ Аркас (XI—XVI вв.) и Сенгаши (XIV—XV вв.)⁷⁷, в раскопках которых мы принимали участие, и результаты наших археологических разведок в среднем течении реки Каракойсу и в ущелье реки Беци-Гор⁷⁸. Были также привлечены ранее опубликованные археологические, этнографические, нумизматические, искусствоведческие и другие данные, касающиеся рассматриваемой темы.

Приводимые факты внешних связей Дагестана и их анализ позволяют точнее представить место средневекового Дагестана в общемировом историческом процессе.

Примечания

1. Монографические работы А.Р. Шихсаидова (Дагестан X—XIV вв. Махачкала, 1975) и А.Р. Магомедова (Хозяйственная жизнь и социальный строй Нагорного Дагестана в XV—XVII вв. Ростов-на-Дону, 1985), затрагивающие этот период, исследуют главным образом социально-экономическую его сторону.
2. См. в прилагаемом списке литературы.
3. Значительное своеобразие форм и путей исторического развития Северного Кавказа вызвало в свое время даже вопрос о «горском феодализме» как особой формационной ступени на историческом пути горских народов. — См. сб.: Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа (материалы региональной научной конференции). Махачкала, 1980.
4. Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Вып. II. Махачкала, 1975. С. 12—29.
5. Кушева Е.Н. О некоторых особенностях генезиса феодализма у

- народов Северного Кавказа. Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1960. С. 179—188; Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 12—28.
6. Полные библиографические ссылки на упомянутые ниже работы см. в списке литературы.
 7. См.: Рашид ад-Дин. Джамии ат-таварих. Т. III. Баку, 1957. С. 61. — Там упомянута разведывательная миссия некоего шейха Шарифа Тебризи, посланного Хулагидами в «горы Лекзистана за Дербент», дабы отследить возможное приближение туда с севера золотоордынских войск. Отсюда следует, что в отличие от прежнего ал-Лакза, в представлении образованных иноземцев XIII в. название «Лекзистан» охватывало теперь не только земли к югу от бассейна Гюльгерычая, но и горное пространство к северу от Дербента, входившее в «ордынскую» сферу влияния, то есть весь Нагорный Дагестан.
 8. Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Вып. I. Махачкала, 1971. С. 13—18; Вып. II. Махачкала, 1975. С. 45—49, 51—52, 61—69.
 9. Шихсаидов А.Р. Дагестан в X—XIV вв. (опыт социально-экономической характеристики). Махачкала, 1975.
 10. Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.
 11. Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929.
 12. Историкографическую оценку этих трудов А.-К. Бакиханова и Г.-Э. Алкадари см.: Магомедов Р.М. Дагестан. Вып. II. Махачкала, 1975. С. 133—138.
 13. Dorn B. Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen. Versuch einer Geschichte der Schirwanschache. — In: Mémoires de l'Académie imperial des sciences. De S.-Petersbourg, 6-me série, t. IV, SPb, 1840.
 14. Hammer-Purgstall von J. Geschichte der Ilchane, das ist der Mongolen in Persien. Darmstadt, 1842.
 15. Бартольд В.В. Дагестан // Соч. Т. III. М., 1965; его же: Дербенд. Соч. Т. III; его же: Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Соч. Т. II. Кн. I. М., 1963.
 16. Малачиханов Б.Г. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане (материалы по истории нагорного Дагестана) // УЗД. Т. XIV (серия историческая). Махачкала, 1965.

17. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 1957.
18. Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Вып. I. Махачкала, 1971; Вып. II. Махачкала, 1975.
19. Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1977; Вып. II. Махачкала, 1979.
20. Али-задэ А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956.
21. Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957.
22. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 49–70.
23. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969. С. 206–207.
24. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 57–58.
25. Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 208–210.
26. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 1. М., 1966; Ч. 2. М., 1968; Ч. 3. М., 1980 (далее — Лавров Ч. 1, Ч. 2, Ч. 3 соответственно).
27. Лавров Л.И. Новое о Зирих-Геране и кумухских шамхалах // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976.
28. Лавров Л.И. Ч. 1. С. 185–188.
29. Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
30. Richard J. Les missionaries latins chez les Kaitak du Daghestan (XIV–XV sc.) // Материалы XXV Международного конгресса востоковедов. Т. III. М., 1963.
31. Бартольд В.В. Дагестан. Соч. Т. III. М., 1965. С. 411.
32. (Брун Ф.) Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 гг. Одесса, 1866. С. 60, 138.
33. Алиев Б.Г., Шихсаидова Р.С. О маршруте похода Тимура в 1395–1396 гг. через Дагестан // УЗД. Т. XX (серия общественных наук). Махачкала, 1970.
34. Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Т. IV. Грозный, 1976.
35. Ичалов Г.Х. Борьба народов Дагестана против Тимура // Вопросы истории Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1975.

36. Ичалов Г.Х. Указ. соч.; его же: Борьба народов Дагестана с татаро-монголами в первой пол. XIII в. // Вопросы истории Дагестана. Вып. 1. Махачкала, 1974; его же: Дагестан — арена военных столкновений Хулагидов и ханов Золотой Орды // Вопросы истории Дагестана. Вып. 3. Махачкала, 1975; его же: Освободительная борьба народов Дагестана с иноземными захватчиками в XIII–XIV вв.: Дис. ... канд. ист. наук. — Махачкала, 1974.
37. Ал-Истахри. Книга путей и царств // СМОМПК 29, 1901.
38. Ибн Хаукаль. Книга путей и царств // СМОМПК 38, 1908.
39. Ибн ал-Факих. Книга стран // СМОМПК 31, 1902.
40. Ибн Руста. Книга драгоценностей // СМОМПК 32, 1903.
41. Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. Книга предупреждения и пересмотра // СМОМПК 38, 1908.
42. Ал-Мукаддасий. Лучшее из делений для познания климатов // СМОМПК 38, 1908.
43. (Ал-Гарнати) Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971.
44. Йакут. Алфавитный перечень стран // СМОМПК 29, 1901.
45. Ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Баку, 1973.
46. Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль. Баку, 1940.
47. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I (извлечения из сочинений арабских). СПб., 1884 (далее Тизенгаузен I); Т. II (извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным). М.-Л., 1941 (далее — Тизенгаузен II. Могут быть добавлены имя автора или название сочинения).
48. См.: Тизенгаузен II.
49. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. I. М.-Л., 1952; Т. I. Кн. 2. М.-Л., 1952; Т. II. М.-Л., 1960; Т. III. М.-Л., 1946; Рашид ад-Дин Фазлуллах. Джамии ат-таварих. Т. III. Баку, 1957.
50. Радиш ад-Дин. Переписка. М. 1971. С. 196, 270.
51. См.: Тизенгаузен II.
52. Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnama par Nizamuddin Sami... Edition critique par Felix Tauer. Т. I. Texte persan du Zafarnama. Praha, 1937.

53. История монголов по армянским источникам. Вып. 2, заключающий в себе извлечения по истории Киракоса Гандзакеци / Перевод и объяснения К.П. Патканова. СПб., 1874 (далее — Гандзакеци).
54. История монголов инока Магакии, XIII века / Перевод и объяснения К.П. Патканова. СПб., 1871 (далее Магакия).
55. История монголов по армянским источникам. Вып. I, заключающий в себе извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиана и коннетабля Сембата / Перевод и объяснения К.П. Патканова. СПб., 1873 (далее соответственно — Вардан, Ст. Орбелиан, Сембат).
56. Там же.
57. Армянские источники о монголах (извлечения из рукописей XIII–XIV вв.) / Перевод, предисловие и примечания А.Г. Галстяна. М., 1962.
58. Там же; см. также: Parte seconda dell'istoria del Signor Hayton Armeno... — In: Delle navigationi et viaggi, raccolte da M.Gio. Battista Ramusio et illustrate con molti vaghi Discorsi da lui dichiarati. T. II. Venetia, 1558–1559.
59. Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК 22, 1897.
60. Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Тбилиси, 1976.
61. Рубрук, Гильом де. Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
62. Tardy L. The Caucasian peoples and their neighbours in 1404. — Acta orientalia hungarica, t. XXXIII, fasc. 1. Budapest, 1978.
63. Клавихо, Рюи Гонзалес де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. // Сборник отделения русского языка и словесности ИАН. Т. XXVIII. СПб., 1881.
64. (Контарини А.) Путешествие Амвросия Контарини, ...посла светлейшей Венецианской республики, к знаменитому персидскому государю Узун-Хасану, совершенное в 1473 г. // Библиотека иностранных писателей о России. Отд. I. Т. I. СПб., 1836 (далее — Контарини, БИПР).
65. (Барбаро И.) Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, ...венецианского дворянина // Библиотека иностранных писателей о России. Отд. I. Т. I. СПб. 1836 (далее — Барбаро, БИПР).

66. Бартольд В.В. Дагестан // Соч. Т. III. М., 1965. С. 411.
67. Viaggio di Josafa Barbaro, gentilhuomo venetiano, nella Persia, parte seconda. — In: Delle navigationi et viaggi, raccolte da M.Gio. Battista Ramusio et illustratie con molti vaghi Discorsi da lui dichiarate. T. II. Venetia, 1558–1559.
68. Бартольд В.В. Рец. на кн.: Багров Л.С. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря // Соч. Т. III. М., 1965. С. 289.
69. Notice d'un Atlas en langue catalane, manuscript de l'an 1375, conserve parmi les manuscrits de la Bibliothègue Royale, sous le № 6816, fonds ancien, in-folio maximo; par mm. J.A.C. Buchon et J. Tastu. — In: Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothègue du Roi et autres Bibliothegues. T. XIV. Paris. MDCCCXLI.
70. Багров Л.С. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. СПб., 1912.
71. Goldschmidt E.P. The Lesina portolan chart of the Caspian Sea. — The Geographical Journal, vol. CIII, № 6, June 1944, The Royal Geographical Society, London.
72. Воинские повести Древней Руси. М.-Л. 1949. С. 36.
73. Бегунов Ю.К. Древнерусское описание Дербенда и Ширвана // Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом), XXI. М.-Л., 1965.
74. Хожение за три моря Афанасия Никитина. М.-Л., 1948.
75. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря (1728 г.) // История, география и этнография Дагестана. М., 1958.
76. Серебров А.Г. Историко-географическое описание Дагестана 1796 г. // История, география и этнография Дагестана. М., 1958.
77. Магомедов А.Р. Отчет археологической экспедиции ДГУ в 1978 г., Махачкала, 1979 (хранится на кафедре всеобщей истории ДГУ).
78. Криштопа А.Е. Средневековый очаг металлургии в бассейне Каракойсу // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.

Глава I

Дагестанские исторические источники (предварительная характеристика)

instituteofhistory.ru

Местные дагестанские исторические источники в двух отношениях существенно отличаются от иноземных письменных источников, о которых шла речь во Введении.

1. Сведения иноземных источников о средневековом Дагестане большей частью представлены отрывочными заметками, содержащимися в сочинениях, затрагивающих события в обширных регионах (включающих и Дагестан). Поэтому такие сообщения почти никогда не связаны между собой. Единственное, что объединяет их, — это отражение частных моментов многостороннего исторического процесса в Дагестане.

Напротив, дагестанские источники всех видов тесно связаны между собой. Так, эпиграфический материал нередко включается в памятные записи и в тексты нарративных сочинений, в свою очередь, памятные записи становятся иногда эпиграфическими надписями, а в эпитафии попадают фрагменты генеалогий из нарративных сочинений. Последние же включают в себя исторические предания, а в отдельных своих частях сами становятся основой устных преданий. В рамках же каждого вида источников такая связь еще теснее. Итак, если сведения иноземных источников о Дагестане XIII–XV вв. — это подборка разрозненных сообщений, то совокупность материала всех видов местных источников представляет собой своего рода систему исторических сведений, причем выявление ее внутренних связей есть необходимое условие правильного использования этого материала.

2. Иноземные письменные источники в большинстве своем являются предметом изучения уже не одного поколения исследователей. Основательная и всесторонняя научная критика, которой они подвергались, позволяет ныне с достаточной гарантией использовать их материал правильно для реконструкции фактов прошлого. Совсем иначе обстоит дело с дагестанскими источниками всех видов: их источниковедческое и в особенности текстологическое изучение пока далеко от завершения, равно как и их сбор. Поэтому если привлекаемые сведения иноземных источников вполне допустимо предварить общим беглым обзором, то использование местных источников возможно лишь после хотя бы предварительного критического их анализа.

§ 1. Эпиграфические материалы⁷⁹, относящиеся к событиям XIII–XV вв., собраны в бассейнах рек Самур, Чирагчай и Курагчай, Казикумухского Койсу, в Табасаране, Кайтаге; начиная с XIV в. их дает и Дербент. В последние годы весьма интересные памятники найдены во Внутреннем Дагестане (средняя часть Аварского Койсу). По характеру материала в нем можно выделить две большие группы: эпитафии и строительные надписи, остальной материал близок к памятным записям.

Эпиграфический материал дает наиболее достоверные сведения. Преобладают краткие констатации событий вскоре после их совершения — отсюда хронологическая определенность надписей: содержащиеся в них даты достоверны (за единичными, легко выявляемыми исключениями), а в случае их отсутствия надпись нередко можно датировать по другим признакам (палеография, упоминания известных лиц и деталей). Локальная определенность такого материала очевидна.

Вместе с тем эта лапидарность материала не отражает ход исторических событий, что не позволяет положить эпиграфический материал в основу реконструкции исторического процесса XIII–XIV веков в Дагестане. Данные эпиграфики мы используем как своего рода «опорную сеть» достоверных фактов и дат, к которой нередко можно привязать менее определенные сведения из других источников. Эпиграфика привлекается нами также для проверки и уточнения последних.

§ 2. Документальные (актовые) источники XIII–XIV вв. доньше не известны, однако для изучения этого периода могут быть ретроспективно использованы два документа XV века: «Завещание Андуника»⁸⁰ (1485 г.) и «Соглашение между тухумом эргенов сел. Кутиша и султаном Чупанила-вом»⁸¹ (1499–1500 гг.). Первый из них является по сути завещанием политическим и поэтому включает много собственно исторического материала, имеющего отношение и к более раннему времени (подробнее об этом говорится в гл. IV настоящей работы).

Второй документ, гласящий о передаче части земель кутишинского тухума для поселения рабов султана, имеет преамбулу, излагающую обстоятельства поселения основателей тухума на данной территории. Это позволяет уточнить прежние границы владений и ход феодальной экспансии, начавшейся в XIV веке. Кроме того, сведения в преамбуле имеют очевидную связь с устными историческими преданиями, бытующими поныне в сел. Кутиша, что подтверждает их историчность, таким образом, эти предания также уходят корнями в события XIV в.

В современной исторической литературе не высказывалось никаких сомнений в подлинности обоих документов.

§ 3. Дагестанские нарративные источники⁸² — единственный вид письменных источников, где исторические события в горных землях Дагестана отражены в их связи как единый процесс. Этого свойства лишены и эпиграфические, и актовые материалы, и памятные записи, несмотря на их бесспорно большую фактическую точность. Таким образом, никакая серьезная попытка разобраться в средневековой истории Дагестана невозможна без использования местных нарративных сочинений.

Дошедшие до нас редакции этих сочинений («Тарих Дербенд-намэ»⁸³, «Кайтахские рукописи» I и II⁸⁴, «Тарих Дагестан»⁸⁵, «Сказание об Аргвани»⁸⁶, «Тарих Абу Муслим»⁸⁷, «Хроника аула Ихран»⁸⁸, «Хроника Герей-хана»⁸⁹, «Аноним Муслима из Урады»⁹⁰) в основном оформились в XVI–VIII вв. В это время формирование основных княжеских ди-

настий не только было завершено, но и соперничество между ними углубилось, оно не ограничивалось уже лишь военно-политической сферой, а требовало и историко-правового обоснования своей власти, исключительных прав и преимуществ (как перед лицом других династий, так и своих, и чужих подданных). Это закономерно должно было вызвать появление особого рода публицистики, в которой для обоснования злободневных идеологических, политических и социальных целей использовались сведения о далеком прошлом, соответствующим образом отобранные и интерпретированные. Иногда те же средства использовались для обоснования независимости и исконности прав какой-либо сельской общины (например, независимость сел. Аргвани от хунзахских ханов мотивируется происхождением аргванинцев от «газиев из Шама», а ханов — от «нечестивца Сураки»). Таким образом, подобные источники лишь условно могут быть названы «летописями» и «хрониками»: по сути это историко-публицистические сочинения XVI–XVII веков. В том виде, в каком они дошли до нас, эти сочинения являются источниками не для средневековой истории Дагестана, а «для изучения только дагестанской историографии»⁹¹ (периода позднего средневековья).

Уже беглое знакомство с ними обнаруживает множество противоречий разного рода (внутри данного источника, между названными источниками, между их данными и установленными историческими фактами). Отсюда очевидна невозможность их использования без предварительной исторической критики. Это тем более необходимо, что в их составе в качестве материала для аргументации использованы сведения о более ранних исторических событиях. Судя по некоторым особенностям их изложения, характерным для фольклора (участие сверхъестественных сил, вещие сны, гиперболы, мифологические схемы)⁹², эти сведения до письменной фиксации какое-то время бытовали как устные исторические предания и успели подвергнуться фольклоризации, пока не были частично (и тенденциозно) записаны в XVI–XVII вв. Если учесть при этом крайне низкий уровень историографи-

ческих представлений в средние века, то становится понятно, что хронологическая последовательность фактов, точность их фиксации и т.п. критерии играли для составителей лишь подчиненную роль, всецело определяясь их субъективными представлениями и произволом. Вполне понятно поэтому, что сведениями таких источников нельзя пользоваться без основательной критической источниковедческой обработки.

Принимая во внимание такой характер местных нарративных источников, мы постарались выявить в них сходные по содержанию и изложению отрывки текста — «темы», по терминологии профессора Б.Н. Заходера, характеризующего их как «отрывки, представляющие собой законченное повествование, неизменно повторяемое в разных текстах в различного рода сочетаниях с различными дополнениями, опущениями, искажениями... «тема» — сравнительно мало изменяющийся материал и значительно более надежный, чем, например, целый отрывок или раздел того или иного автора, представляющий собой сочетание «тем» разного происхождения и времени»⁹³. В рассматриваемых источниках нам удалось выявить пять таких «тем»:

1. О серебряном (золотом) и медном рудниках на Терекке, в Кизляре, в Эндери («Тарих Дербенд-намэ», «Хроника аула Ихран», упоминания — в «Сказании об Аргвани»).

2. Об отравлении газами-арабами 700 000 (7000) местных «кафиров» («Хроника аула Ихран», «Тарих Дагестан»).

3. Приход в Дагестан газиев-арабов из Шама («Сказание об Аргвани», «Кайтахская рукопись I», «Тарих Дагестан», упоминания — в «Тарих Абу Муслим» и в позднем сочинении «История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков»).

4. Исламский поход по Кайтагу, Кумуху и Табасарану (в разных версиях — «Тарих Дербенд-намэ», «Кайтахская рукопись I», «Тарих Дагестан», а также «История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков», упоминания — в «Хронике аула Ихран»).

5. Исламизаторская деятельность Абу Муслима в Дагестане («Тарих Дагестан», «Сказание об Аргвани», «Тарих Абу Муслим»).

Очевидно, что несмотря на свою устную основу, отрывки этих текстов будут обладать всеми свойствами охарактеризованных выше тем. Кроме того, единство материала в рамках каждого из них подтверждается, во-первых, последовательным развитием событий сюжета и, во-вторых, достаточным и несомненным сходством изложения в различных источниках. Все это в какой-то степени гарантирует близость каждой из этих пяти тем к первоначальному (т.е. наиболее близкому к исторической основе) варианту соответствующего предания.

С другой стороны, само повторение каждой из этих тем в нескольких сочинениях указывает на то, что лежащий в их основе устный исторический материал, оформлявшийся значительно раньше этих сочинений, можно рассматривать как своеобразный «свод устных исторических преданий» о разных периодах истории Дагестана — в том же смысле, в каком Б.Н. Заходер объединил в «Каспийский свод» сведения арабо-персидских источников IX—XI веков.⁹⁴

Из перечисленных нами пяти тем первые две невозможно пока датировать даже приблизительно, так как параллели им отсутствуют как в местных источниках, так и в других видах исторических материалов.

Третья тема существует в двух вариантах: 1) потомки сейида Али аш-Шама появляются в Дагестане, проходя по маршруту Шам — Нахшаван — Центральный Кавказ — Чечня и далее в Гумбет; 2) потомки дядей пророка Хамзы и Аббаса, выйдя из Мекки и Медины и обойдя чуть ли не все границы исламского мира (при этом Шам — лишь один из этапов их пути), начинают исламизацию Дагестана (в различных версиях называются ее исходным пунктом Дербенд, Табасаран, Кайтаг или Кумух)⁹⁵.

Оба варианта, очевидно, своеобразно отразили период походов на различные земли Дагестана газийских ополчений, набравшихся на Ближнем и Среднем Востоке. Датировать первый вариант пока не представляется возможным. Упоминания же Кайтага и Кумуха позволяют сопоставить второй вариант с реальными датами их исламизации (возникновение газийских центров в Кайтаге — X—XI вв., исламизация

Кумуха — рубеж XI—XII вв.), что дает верхний хронологический предел для событий, лежащих в основе этого варианта. Нижним пределом для них, очевидно, будет начало IX в. (к нему относятся первые достоверные свидетельства о походах газийских ополчений в земли к северо-западу от Дербента). Таким образом, рассмотренный здесь второй вариант третьей темы оказывается вне хронологических рамок данной работы.

Четвертая тема также существует в двух основных вариантах: 1) исламизация Абу Муслимом Кумуха, Кайтага, Табасарана (исходная точка джихада — Дербент) и 2) исламизация Кайтага газиями (исходная точка — «Черкесские пределы»), а затем продолжение джихада Амир-Чупаном в Табасаране и Кумухе.

Итак, первый вариант, изложенный в «Тарих Дербенд-намэ», называет главой исламского похода Абу Муслима, исламизация здесь начинается с Кумуха — лишь оттуда ислам переносится в Кайтаг и Табасаран; родоначальник шамхалов назначается в Кумухе лично Абу Муслимом из числа потомков Аббаса — «дяди пророка», в Кайтаг же назначается «некто Хамза»⁹⁶.

Во втором варианте, изложенном в «Кайтахской рукописи I»⁹⁷, в «Тарих Дагестан»⁹⁸ и в «Истории происхождения рода уцмиев и кайтагских беков»⁹⁹, напротив, начинается исламизация с Кайтага, поход возглавляет потомок Хамзы — «дяди пророка» — Амир-Чобан, который принес ислам сначала в Табасаран (где он же «утвердил» майсума), а затем в Кумух, где назначил «одного султана из своих родственников» — некоего Шамхала.

Однако если отвлечься от тенденциозных наслоений (причины которых были указаны выше), нетрудно заметить, что оба варианта имеют общую основу¹⁰⁰ — схему предания (очевидно более древнего, чем любой из этих вариантов) о газийском походе с целью исламизации земель Среднего Дагестана (Табасаран, Кайтаг, Кумух). Поэтому лежащие в его основе события следует точно так же, как и историческую основу третьей темы, поместить между IX и началом XII вв., то есть вне рамок данной работы.

При этом, однако, следует выделить особо конец второго варианта четвертой темы (о «деяниях Амир-Чобана»), повествующей о подвигах его героя в Южном Дагестане¹⁰¹. Столь резкое перенесение театра военных (и политических) действий заставляет предполагать, что здесь мы имеем дело с контаминацией старого предания о газийских войнах и какого-то нового сюжета¹⁰². Таким образом, этот вариант заслуживает особого рассмотрения, и к нему мы вернемся ниже.

Пятая тема — об исламизаторской деятельности Абу Муслима — также имеет варианты. Заметим, что здесь излишне рассматривать «Тарих Дербенд-намэ», так как выше приведены доводы за отнесение его к четвертой теме (с пятой ее сближает лишь имя героя, замененное в других сочинениях именами «Амир-Чобана», либо «Калантара»¹⁰³).

«Тарих Абу Муслим» повествует об исламизации Абу Муслимом Южного Дагестана. Его вступительная часть представляет собой беллетризованную биографию известного политического деятеля VIII в. Абу Муслима Абд ар-Рахмана Хорасанского¹⁰⁴. После упоминания о вступлении героя из Шама в Кухистан действие внезапно переносится в Дагестан, далее заметны элементы «Ахты-намэ» и предания о шамских газиях (третья тема). Сочинение заканчивается сведениями о расселении потомства некоего «Михтар Санджаба, сына Абу Муслима» (и брата «Султана Ибрахима вали Ширвана») — это показывает, что если эти сведения имеют какую-либо историческую основу, то эта рукопись не может быть древнее правления ширваншаха Шейх-Ибрахима (1382—1417 гг.).

Наиболее интересен вариант темы об исламизации Аварии Абу Муслимом, излагаемый в «Тарих Дагестан»¹⁰⁵ и в «Сказании об Аргвани»¹⁰⁶. Сравнение этих сочинений не оставляет сомнений в том, что это один и тот же сюжет, подвергшийся искажениям в результате контаминации (в первом случае пострадало начало сюжета, во втором — его конец). Таким образом, очевидна возможность его полной реконструкции.

Эпиграфические данные позволяют отнести начало исламизации Аварии не позднее чем к XIII в.¹⁰⁷. И если в основе предания об исламизации Аварии Абу Муслимом лежат

реальные исторические события, то они входят в хронологические рамки нашей работы.

Итак, разбор выявленных пяти тем, оказавшихся общими для дагестанских историко-публицистических сочинений, показывает, что:

1. Одну группу сочинений можно рассматривать как части некоего «свода дагестанских исторических преданий», корректирующие друг друга, следовательно, каждое из этих сочинений в значительной мере является частью более общего целого и должно изучаться только в сопоставлении с ним; попытки же каких-либо исторических выводов из любого отдельно взятого сочинения (принимаемого за последовательное изложение событий) заведомо будут ошибочны;

2. Лишь второй вариант четвертой темы («деяния Амир-Чупана» в долине Самура) и последний вариант пятой темы (исламизация Аварии Абу Муслимом) могут иметь в своей основе события XIII–XIV веков.

Однако, помимо указанных повторяющихся тем, каждое из этих сочинений содержит значительное количество неповторяющегося исторического материала. Большая часть его либо не может быть датирована и локализована¹⁰⁸, либо лежит вне хронологических рамок XIII–XIV вв. (а подчас и вне Дагестана). Но, кроме этих случаев, «неповторяемый» материал сочинений содержит моменты, органически связанные со сквозными темами (в том числе и со вторым вариантом четвертой и последним вариантом пятой темы). Весьма вероятно, что здесь отражена связь реальных исторических событий, лежавших в основе этих произведений, и потому эти моменты также следует выявить.

§ 4. В этом смысле привлекает внимание «Кайтахская рукопись II». Она не содержит ни одной из повторяющихся тем и, таким образом, является совершенно самостоятельным сочинением. Тем более примечательно наличие у нее общих моментов с «деяниями Амир-Чупана». Так, главный герой «Кайтахской рукописи II» Ильча-Ахмед является сыном кайтагского князя Султан-Мухаммеда и сводным братом Султан-Алибека (он же Бек-Киши-хан), занявшего престол

Кайтага. Имя Амир-Чупана при этом не названо. Но в генеалогии кайтагского уцмья Рустем-хана, открывающей «Кайтахскую рукопись I», Амир-Чупан показан сыном Султан-Алибека и внуком Султан-Мухаммеда. Все это убеждает в том, что оба источника независимо друг от друга отражают события, связанные с членами кайтагского княжеского дома — близкими родственниками. Синхронность событий, лежащих в основе обоих сочинений, подтверждает еще одна деталь «Кайтахской рукописи II»: там отмечено, что ширваншах смог назначить коменданта в крепость Ихир в бассейне Самура, лишь добившись предварительного согласия уцмья Кайтага¹⁰⁹, — косвенно это подтверждает сообщение «Кайтахской рукописи I» об успешных завоеваниях Амир-Чупана в долине Самура.

Опираясь на содержащиеся в этих сочинениях родословные и учитывая порядок следования персонажей, можно установить и относительную хронологию связанных с ними событий. Очевидно, что женитьба Султан-Мухаммеда на сестре шамхала Кумуха и на сестре ширваншаха Кершасиба (матерях сводных братьев), а затем его смерть предшествовали междоусобной борьбе Султан-Алибека и Ильча-Ахмеда и бегству последнего в Ширван; несколько позднее происходили завоевания Амир-Чупана в бассейне Самура и далее к югу; к концу цепочки этих событий следует отнести назначение Мухаммед-бека (двоюродного брата Амир-Чупана) комендантом и владельцем Ихира.

Следующим шагом в исследовании должна стать попытка установить абсолютную датировку событий, отраженных в «Кайтахских рукописях» I и II. Некоторые из них датируются. Так, «Кайтахская рукопись I» относит захват газиями будущей столицы Амир-Чупана — Кала-Корейша — ко II в.х. (IX в. н.э.)¹¹⁰, а первую письменную фиксацию «деяний Амир-Чупана» — к 310 г.х. (922 г. н.э.)¹¹¹. «Кайтахская рукопись II» начинается с даты её составления — 1456 г. н.э. и завершается «копией фирмана персидского шаха Султан-Мухаммеда Сефевидского» с датой 1466 г. н.э.¹¹². Но все эти даты, очевидно, весьма сомнительны.

1. Если походы газиев в Кайтаг еще могли бы иметь место в IX в. н.э., то последующее завоевание теми же лицами долины Самура и земель к югу от нее противоречит всем установленным фактам истории Южного Дагестана этого времени.

2. Составитель «Кайтахской рукописи II», называющий себя Махмудом Хиналугским, утверждает, что содержащуюся там родословную он получил из рук Касим-бека в 1456 г. Прямой предок последнего по имени Ильча-Ахмед, согласно этому же сочинению, беседовал с Тимуром накануне Анкарского похода (1402 г.)¹¹³. Согласно же родословной, имя «Ильча-Ахмед» носили три прямых предка Касим-бека, отстоявшие от него соответственно на 11, 9, 7 поколений¹¹⁴. Невозможность смены 11, 9, 7 поколений за 54 года очевидна.

3. «Фирман персидского шаха Султан-Мухаммеда Сефевидского» с датой 1466 г. н.э. выписан на имя отца Касим-бека — Мухаммед-бека сына Афрасим-бек¹¹⁵. Если даже отвлечься от того, что Касим-бек фигурирует в сочинении на 10 лет раньше собственного отца, то все же остается серьезное противоречие: до 1501 г. Сефевиды не были шахами и не издавали фирманов, тем более для Ширвана. К тому же представитель сефевидской династии в 1466 г. носил иное имя (шейх Хайдар).

В то же время сами элементы сходства этих двух независимых сочинений, отмеченные выше, заставляют предполагать наличие реальной исторической основы у использованных там преданий. В этом смысле весьма справедлива характеристика, данная А.Н. Генко «Кайтахской рукописи II»: «Этот документ полуисторический. Тут мы имеем дело с некоторой фикцией, но фикцией исторической, которая опирается на детальное знание местных условий, местной среды, и в этом смысле представляет собою первоклассный исторический источник»¹¹⁶. Таким образом, отвергнув предлагаемые в сочинениях даты, необходимо искать другие методы абсолютной датировки отраженных там событий.

Здесь следует обратить внимание на генеалогические списки, входящие в состав обеих «Кайтахских рукописей». В «Кайтахской рукописи I» дана родословная исторического

лица Рустем-хана, кайтагского удмия¹¹⁷. Поэтому вполне можно согласиться с предлагаемой в источнике датой составления списка — 1620 г., которую мы примем за отправную точку наших хронологических подсчетов. Остальные члены этой родословной представляют собой последовательный ряд прямых предков Рустем-хана.

Каждому члену этого ряда соответствует отрезок времени от его рождения до появления у него сына (следующего члена ряда) — условно назовем этот отрезок «поколением» и примем его за «хронологический модуль». Его среднюю величину Б.Г. Малачиханов предложил принимать за 25 лет (для феодальных родов)¹¹⁸. Допустимые колебания очень индивидуальны (видимо, до полувека). Но чем более длинный период (и тем самым большее число членов ряда) мы берем, тем больше будет его соответствие среднему значению модуля и тем менее будет влияние индивидуальных отклонений.

Следовательно, в принципе можно установить (с точностью до четверти века) время жизни интересующих нас лиц и тем самым приблизительно датировать по абсолютной шкале связанные с ними исторические события.

Однако насколько можно доверять этим родословным? Ведь значительная часть их (например, родословные Сураки, Шамхала, «потомков Мавсум-бека и Абу Муслима» в «Тарих Дагестан»)¹¹⁹ заведомо фиктивны, да и «древняя» часть родословной Рустем-хана, восходящая прямиком к Адаму, явно фиктивна. В какой же степени (до какого поколения) она может давать верные имена и последовательность предков Рустем-хана?

Прежде всего отметим, что в заведомо фиктивных родословных последние поколения (Сурака, Шамхал) едва ли не столь же легендарны, как и их «предки». Между тем и Рустем-хан, и его отец Хан-Мухаммед, и дед Султан-Ахмед — бесспорно исторические лица, а потому данная родословная не может быть отвергнута целиком. К сожалению, нам известно лишь одно свидетельство независимого источника, которое можно использовать для проверки более ранних поколений этой генеалогии, — это сообщение Афанасия Ники-

тина об «Алиль-беке Кайтаческом князе» (осень 1466 г.)¹²⁰. Воспользовавшись предложенным выше методом хронологического использования родословных (одно поколение \approx 25 лет), получаем: (1620—466 г.): $25 = 154 : 25 \approx 6$ поколений. Итак, «Алиль-бек» должен отстоять от Рустем-хана на шесть поколений. Рассматриваемая родословная называет его предком в шестом поколении Уллу-бея (Уллу-бека) — это имя, по нашему мнению, достаточно близко соответствует «Алиль-беку».

Таким образом, эта проверка показывает как применимость данного метода, так и правильность родословной Рустем-хана по крайней мере до 6-го поколения. Это повышает вероятность датировок, которые могут быть получены тем же методом, опираясь на родословную, для 11 и 12 поколений (соответственно: Амир-Чупан и его отец Султан-Алибек б. Султан-Мухаммед, тем более, что два последних имени зафиксированы независимым источником — «Кайтахской рукописью I»).

Итак, попытаемся датировать время жизни Султан-Алибека. Оно предшествует Рустем-хану (а равно и времени составления родословной — 1620 г.) в 12-м поколении, отцу Рустем-хана Мухаммеду (умер в 1596/7 г.) — в 11-м и Уллу-беку («Алиль-беку», 1466 г.) — в 6-м. Примем указанные даты за точки отсчета (взаимная корректировка уменьшит роль случайности):

$$1620 \text{ г.} - (25 \times 12) = 1320 \text{ г.}$$

$$1596/7 \text{ г.} - (25 \times 11) = 1321/2 \text{ г.}$$

$$1466 \text{ г.} - (25 \times 6) = 1316 \text{ г.}$$

Так, усредненный результат дает второе десятилетие XIV в. — наиболее вероятное время начала «поколения» Султан-Алибека. Очевидно, что его брат Ильча-Ахмед относится к тому же поколению, их отец и оба дяди (шамхал Кумуха и «султан Кершасп, ширванский владетель») — к предыдущему (последняя четверть XIII — начало XIV вв.), а сыновья Султан-Алибека и Ильча-Ахмеда (Амир-Чупан, Мухаммед-бек, Теймур-бек, Гамза, Абдулкадыр) — к последующему поколению (вторая четверть XIV — середина XIV вв.).

Датировки эти получены как вероятные. Однако, на наш взгляд, надежность их сильно возрастает, если сопоставить их с нумизматическими данными: ширваншах Гаршасп II б. Ахсатан упоминается в качестве правителя Ширвана в 693/1293—4 гг.¹²¹, что позволяет сопоставить его с «султаном Кершаспом», относимым, по нашим расчетам, примерно к тому же времени.

Следует, правда, отметить, что его племянник Ильча-Ахмед, прибывший к нему уже взрослым человеком, согласно тому же источнику, беседовал с Тимуром незадолго до Анкарской битвы (1402 г.) и был называем «молодым человеком»¹²². Такое противоречие может быть объяснено тем, что, согласно родословной, внук Ильча-Ахмеда I носил то же имя. Внук человека, жившего в первой четверти XIV в., бесспорно мог быть современником Тимура, а совпадение имен могло облегчить контаминацию преданий о них обоих, возможно, еще на стадии их устного бытования, то есть до фиксации их в письменном сочинении. Таким образом, современником Гершаспа II был Ильча-Ахмед I б. Султан-Мухаммед, а современником Тимура и ширваншаха Шейх Ибрахима — Ильча-Ахмед II б. Мухаммед-бек¹²³.

Подтверждения наших датировок независимыми источниками и нумизматическими материалами позволяют нам считать их доказанными.

§ 5. Другая из отмеченных нами тем (исламизация Аварии Абу Муслимом) может быть полностью реконструирована по ее изложению в двух сочинениях — «Тарих Дагестан»¹²⁴ и «Сказание об Аргвани»¹²⁵, где в целостном виде и последовательно представлены предания о событиях в Аварии на протяжении трех поколений нуцалов — Сураки (современника Абу Муслима), Байара и Амир-Султана. Далее необходимо выяснить прослеживаются ли какие-нибудь связи этой темы с другим материалом сочинений? Здесь следует обратить внимание на «кунья» одного из потомков нуцалов — Сурхая б. Гебека (убит в 1834 г.), помещенную в его эпитафии¹²⁶. Исследователь ее Л.И. Лавров показал, что после имени Дугри-нуцала последовательность изложения в

эпитафии перепутана и есть пропуски. Наиболее же древнюю ее часть составляет «Канонизированный список легендарных нуцалов», имена которых известны по «хронике, приписываемой Мухаммеду Рафии»¹²⁷ («Тарих Дагестан»), то есть этот список следует рассматривать как отдельное включение внутри данной эпитафии, восходящую к тем же источникам, что и названное сочинение. Заметим также, что в указанной эпитафии, наряду с Суракой, Байаром и Амир-Султаном, названы также отец Сураки и сын Амир-Султана — оба носят имя Сартан, причем среди более поздних поколений нуцалов имя это неизвестно.

Чтобы выяснить появление этого имени в эпитафии, необходимо вновь обратиться к заключительной части «Тарих Дагестан», повествующей о разгроме Кумуха. Там его носит «сын царя» Аварии¹²⁸. В «Тарих Дагестан» обычно подчеркивается «неверие» того или иного персонажа — относительно Сартана и его войска таких упоминаний нет. Все это указывает на его исламскую принадлежность и не позволяет отождествлять его с Сартаном — отцом Сураки (заведомым «кафиром»). Сартан б. Амир-Султан, упомянутый в эпитафии, является мусульманином, так как, согласно «Тарих Дагестан», ислам восторжествовал в Аварии окончательно именно при его отце. Следовательно, основываясь на указанной эпитафии, Сартана — «сына царя» Аварии следует считать сыном Амир-Султана; в таком случае связанные с ним события (союз с кайтагскими князьями против Кумуха и разгром последнего) должны были произойти вскоре после завершения 24-летней войны Амир-Султана с соседями-мусульманами и окончательного утверждения ислама в Аварии (тогда слова «прошло много времени»¹²⁹, разъединяющие оба отрывка, следует признать не чем иным, как художественным добавлением).

§ 6. Если рассмотреть заключительную часть «Тарих Дагестан», содержащую имя Сартана, то она является сложным и достаточно самостоятельным текстом. В ней говорится о междоусобной войне, охватившей Кумухское, Кайтагское и Аварское княжества, закончившейся тем, что объединенные силы Аварии и Кайтага в союзе с «тюрьками Каутар-шаха»

взяли Кумух¹³⁰. Ряд деталей этого описания вызывает сомнения: 1) крайне неясны личность «Каутар-шаха» и все связанные с ним обстоятельства; 2) маловероятно сопротивление одного селения крупным объединенным силам в течение почти шести месяцев (от рамадана до сафара); 3) при сверке с подлинниками в описании обстоятельств падения Кумуха весьма заметны бессвязность и неясность текста¹³¹. Кроме того, разные списки позволяют по-разному датировать все эти события.

Например, А.Р. Шихсаидовым обнаружены варианты этого отрывка, позволяющие более ясно понять его. Наиболее интересна запись в дагестанской рукописи на арабском языке, хранящейся в ЛО ИВ АН СССР № 1009, которая буквально переводится:

«Разрушение Кумуха от рук турок в понедельник первого рамадана в период Наджм ад-Дина, и не погибло за веру все войско Гумука, кроме 1033-х, в 637 г.х.

— Построил эту крепость, то есть крепость, которая была выше над мечетью Киккулийи, Кавтар — сын М-к-ч, и погибли за веру в ней 70 юношей, и пожертвовали имущество, душу и тело, и дали клятву сражаться на пути Аллаха великого, и уже окончена была крепость в месяце сафаре 715 г. (х)»¹³².

Приведенный отрывок четко разделяется на две части. Первая — есть не что иное как историческая запись, даваемая с незначительными вариациями в нескольких независимых источниках¹³³. Вторая часть встречена пока только в данной рукописи. Весьма вероятно, что она имеет эпиграфическую основу с добавленным при переписке комментарием: начало ее («Построил эту крепость...») весьма типично для строительных надписей. В таком случае большего доверия заслуживает и содержащаяся там дата постройки крепости — 715 г.х. Фактически же эта запись свидетельствует о двух событиях: постройке крепости над мечетью Кекели (Киккулийи) и последующей гибели в ней 70-ти добровольцев.

Этот отрывок повествует о трех одновременных и последовательных событиях: 1) разгроме Кумуха «тюрьками» в 637/1239–1240 гг.; 2) постройке крепости (сафар 715/май

1315 г.); 3) гибели в ней 70-ти добровольцев вскоре после ее постройки¹³⁴. Предложенный выше анализ показывает, что обе эти исторические записи послужили материалом для соответствующей части «Тарих Дагестан», а не наоборот. В работе Т.М. Айтберова показано, каким путем произошла эта трансформация: две памятных записи (в основе которых, вероятнее всего, эпиграфика. — А.К.) были внесены в конец предыдущей части «Тарих Дагестан» в хронологическом порядке, образовав своеобразный небольшой «хронограф», который затем был механически соединен с преданием о разгроме Кумуха, входившем в основной текст сочинения, причем в целях достижения единства текста он подвергся грубой правке: были опущены даты и некоторые части текста¹³⁵.

Все это позволяет снять отмеченные выше противоречия в заключительной части «Тарих Дагестан»:

1) Имя «Каутар-шах» связано с именем строителя крепости Кавтара б. М-к-ч, а слово «тюрки» взято из предыдущей памятной записи. История с двойным династическим браком, закрепившим договор между Кавтаром и правителем Аварии, — это вариация отрывка из «Кайтахской рукописи I» (имена правителей заменены, но сохранено имя сына — «Кейкобад»)¹³⁶; 2) исчезает и невероятное предположение о шестимесячной осаде значительными силами маленького гарнизона из 70-ти человек в разрушенной крепости, так как сообщения о «начале» и «конце» военных действий оказываются разделены почти вековой дистанцией; 3) становится ясней и причина путаницы во второй части отрывка, она возникла из-за произвольного сокращения второй памятной записи¹³⁷, в то же время появляется возможность действительной реконструкции события на основании неповрежденной части ее текста. Наконец, объясняется разнობой с датами — они попросту относятся к разным событиям.

Таким образом, последовательность изложения событий в разбираемой части «Тарих Дагестан» не отражает их реальной исторической связи — свидетельства разных источников в значительной мере соединены искусственно и имеют литературный характер. Если же отбросить эту связь и отвлечься

от материала использованных там двух памятных записей, то остается лаконичное сообщение о войне между знатью Кайтага и Кумуха, в которую вступил аварский правитель, следствием чего был поход войск султанов Кайтага и правителя Аварии на Кумух. Историчность этого сообщения в «Тарих Дагестан» в какой-то степени гарантируется именем командовавшего войсками Аварии Сартана (оно подтверждено эпиграфией Сурхая б. Гебека). Конечно, весьма вероятно, что поход значительных объединенных сил на изнуренный предыдущей войной Кумух закончился разгромом последнего. В таком случае с каким же из исторических нашествий на Кумух можно отождествить эти события?

Ныне известно несколько нашествий на Кумух:

1. Нашествие татаро-монголов в 637/1240 г. (отражено в упоминавшейся уже памятной записи).

2. Разорение Кумуха, закончившееся гибелью 70-ти добровольцев в его крепости (вероятно, вскоре после 1315 г.).

3. Захват Кумуха «руками турок и крымцев»¹³⁸ (П.К. Услар говорит о походе отряда Джафар-паши из Дербенда около 1582 г. на Кумух, но, к сожалению, не приводит источника этих сведений)¹³⁹.

Последний вариант отпадает сразу: среди аварских нуцалов XVI в. «Амир-Султан и его сын Саратан» неизвестны, равно как и какой-либо союз их с турками против Кумуха с участием Кайтага.

Сопоставление с первым вариантом — событиями 1240 г. — тоже маловероятно: в то время аварские князья не были мусульманами, а Сартан изображен уже мусульманином во втором поколении.

Напротив, это же обстоятельство говорит в пользу отождествления похода Сартана и «султанов Хайдака» на Кумух и с захватом его в начале XIV в., что следует считать наиболее вероятной датировкой этих событий.

§ 7. Материалы «Тарих Дагестан» и «Сказания об Аргвани» позволяют восстановить предания о последовательности четырех поколений династии нуцалов (Сурака — Байар — Амир-Султан — Сартан) и о связанных с ними событиях. Из-

ложение этих сведений не содержит внутренних противоречий за единственным исключением: по «Тарих Дагестан», престол бежавшего Байара занял Мавсум-бек, а вернувшемуся сыну Байара (Амир-Султану) приходится свергать Амир Ахмеда б. Чуфана б. Султана б. Мавсум-бека¹⁴⁰. Иными словами, согласно версии «Тарих Дагестан», за время смены одного поколения нуцалов (или несколько больше) успело смениться 4 поколения потомков первого мусульманского правителя Хунзаха — Мавсум-бека. Маловероятность этого очевидна.

К тому же сами имена «Чуфан» и «Мавсум-бек» (принадлежащие, по сути, Кайтагскому и Табасаранскому владетелям — см.: «Кайтахскую рукопись I») заимствованы здесь из «деяний Амир-Чупана». Их начальный отрывок включен в текст «Тарих Дагестан», механически примыкая к отрывку об исламизации Аварии. «Соединительный шов» ясно заметен даже в переводах: это слова о движении газиев «к южным горам», весьма понятные в «деяниях Амир-Чупана» (идушего к Самуру), но совершенно неуместные по отношению к Аварии. Из этого следует, что имена «Чуфан» и «Мавсум-бек» в тексте «Тарих Дагестан» были «распространены» из предыдущего отрывка в последующий. Версия же «Сказания об Аргвани» не сообщает для этого периода никаких имен, кроме «Абул-Муслима»; время его правления в Хунзахе «Сказание» определяет «примерно в 30 лет», а затем власть возвращается в руки «амиров Хунзаха из рода Сураката»¹⁴¹. Таким образом, сведения «Тарих Дагестан» о Байаре и Амир-Султане вполне согласуются с данными «Сказания об Аргвани», в то время как версия о «потомках Мавсума» подтверждений не находит. Напротив, вполне ясно, что она сконструирована искусственно, поэтому не отражает никакой исторической реальности и не относится к преданиям о князьях Хунзаха. Первоначальный же материал этих преданий внутренних противоречий не содержит.

Теперь следует выяснить: в какой мере он согласуется с установленными историческими фактами? Можно ли датировать реальные исторические события, лежащие в его основе? Оба эти вопроса тесно связаны между собой.

В свое время А.Р. Шихсаидов датировал этот материал следующим образом: указав, что сведения Н. Шами и Ш. Йезди о степени исламизации Аварского княжества к 1396 г. (наличие кадиев, газийские традиции) — «это итог проникновения религии, а не его начало»¹⁴², он предположительно отнес официальное принятие ислама в Хунзахе к началу XIV в. Согласно «Тарих Дагестан», это был итог 24-летней войны, начавшейся переворотом Байара и реставрацией «неверия», события эти, следовательно, относятся к 80-м годам XIII в. Им предшествовали примерно 30 лет правления газиев в Хунзахе, начавшегося вторжением дружины Абу Муслима, — последнее событие относится к середине XIII в. Попутно Шихсаидов А.Р. замечает, что такому расчету соответствует и дата, приводимая в одном из вариантов «Сказания об Аргвани», — 654/1256 г.¹⁴³

Накопленный за последние годы фактический материал полностью укладывается в схему Шихсаидова и несколько уточняет ее. находка в Хунзахе эпитафии Сафилава б. Аликилича 1388 г.¹⁴⁴ свидетельствует о том, что этой дате предшествовали в Хунзахе не менее двух поколений мусульман. Таким образом, вероятная верхняя граница принятия ислама устанавливается никак не позднее 30-х годов XIV в.

Найденные там же куфические надписи (примерная палеографическая датировка XII–XIII вв.) могли бы указать на нижний предел исламизации. Исследователи допускают возможную их связь с деятельностью газиев — сподвижников Абу Муслима¹⁴⁵.

Для более полного представления картины происходящих событий приведем доводы, на которые обратил наше внимание Р.М. Магомедов. В конце XIII — начале XIV в. ислам стал государственной религией в двух огромных державах, примыкавших к Дагестану с севера и с юга (держава Хулагу — 1295 г., Золотая Орда — 1313 г.), — это должно было усилить исламскую активность и в Дагестане. Такой вывод подкрепляется обнаруженной в сел. Шири эпитафией с датой гибели шейха Хасана, связанной с исламизацией Зирихгерана — 706/1306 г.¹⁴⁶ Возможно, исламизация Хунзаха имела место около того же времени.

Итак, вероятность датировки А.Р. Шихсаидова повысилась, хотя схема его сохраняет гипотетический характер. Показательно, что в эту схему, основанную на объективных эпиграфических и общеисторических данных, хорошо укладываются и изложенные в преданиях события в Хунзахе. Это говорит о том, что материал преданий не только не противоречит объективным историческим данным, но и косвенно свидетельствует о его реальной исторической основе. Тем самым появляется и возможность, приняв за основу схему А.Р. Шихсаидова, датировать все эти события, включая и поход Сартана на Кумух. В последнем случае следует принять во внимание, что, согласно «Тарих Дагестан», Кумух захвачен усилиями Сартана, но во время правления его отца. Источник косвенно указывает на то, что захват Кумуха произошел во всяком случае после исламизации Хунзаха: 1) уже отмечено нами отсутствие указания в «Тарих Дагестан» на «неверие» Сартана и его отца; 2) в то время как, согласно тому же источнику, до принятия ислама Аварское княжество противостояло всем мусульманам, а поход на Кумух совершен Сартаном в союзе с «султанами Хайдака». Дата же исламизации Хунзаха, как показано выше, лежит в начале XIV в. (первое – второе десятилетия).

Если вторжение в Кумух произошло после исламизации Хунзаха, то на сколько позже? На это косвенно может указывать возраст отца Сартана. К моменту возвращения сына в Хунзах Амир-Султан был уже немолодым человеком. Но если бы поход на Кумух произошел спустя значительное время после исламизации Хунзаха, то Амир-Султан к этому времени был бы глубоким стариком, между тем источник свидетельствует о том, что он продолжал править Аварией, хотя и имел взрослого сына. Следовательно, с момента принятия ислама и до похода на Кумух должно было пройти немного времени. В таком случае этот поход следует отнести, вероятнее всего, ко второму десятилетию XIV века.

Итак, приведенный анализ позволяет нам датировать по абсолютной хронологической шкале события, излагаемые в преданиях о нуцалах, следующим образом:

1. Захват газиями Хунзаха и бегство Сураки — середина XIII века.

2. Реставрация прежней династии (Амир-Султана) и начало 24-летней войны — 80-е годы XIII века.

3. Официальное принятие ислама в Хунзахе — начало XIV века (в пределах первого двадцатилетия).

4. Поход Сартана на Кумух — вскоре после отмеченной выше даты (наиболее вероятно — второе десятилетие XIV в.).

§ 8. В §§ 4 и 7 нами прослежены два ряда событий, связанных с историей двух княжеских домов Дагестана — Кайтагского (конец XIII — начало XV вв.) и Хунзахского (середина XIII — первое двадцатилетие XIV вв.). Таким образом, эти два хронологических ряда в значительной своей части перекрывают друг друга (конец XIII — первое двадцатилетие XIV вв.), и одновременные события в них могут быть сопоставлены.

Так, первый ряд содержит сообщение о поддержке шамхалом Кумуха одной из кайтагских феодальных группировок и о бегстве лидера другой группировки (Ильча-Ахмеда); второй — содержит просьбу бежавших «султанов Хайдака» к «аварским правителям» о помощи против Кумуха, что завершилось походом с участием Сартана.

Оба эти сообщения одинаково датируются началом XIV в. Закономерен вывод о том, что оба они отражают одно и то же событие: **феодалную войну***, начавшуюся междоусобицей двух претендентов на кайтагский престол и закончившуюся

* Этот термин употребителен в отечественной историографии, обозначая войны, чаще всего ради политических целей, между принадлежащими к одной стране феодальными домами-династиями (примером может служить феодальная фойна на Руси 1425–1453 гг.) — в том же смысле этот термин используется в данной работе.

Вокруг содержания, объема, правомерности употребления самого термина «феодализм» в последние два десятилетия идут споры. В настоящей работе им обозначается общество с аграрной хозяйственной основой, с поземельной рентой, взимаемой привилегированными рентополучателями с неполноправных рентоплательщиков, с сословно-иерархической общественной структурой.

разгромом Кумуха объединенными силами «султанов Хайдака» и войска нуцала. Таким образом, в этой войне приняли участие все крупные княжества Дагестана XIV в.

§ 9. Рассмотрение местных исторических сочинений, которые находятся ныне в научном обороте, приводит к выводу, что их сведения, относящиеся к XIII–XIV вв., бесспорно содержатся лишь в «Кайтахских рукописях» I и II, в «Сказании об Аргвани» и в «Тарих Дагестан». Но эти же источники вместе с тем содержат материал и по другим периодам истории Дагестана и Кавказа.

Так, «Кайтахская рукопись I», наряду с описанием деяний Амир-Чупана в долине Самура (третья четверть XIV в.), содержит генеалогию кайтагских уцмиев до XVII в., предания о газийских походах (IX–XII вв.). «Кайтахская рукопись II» («Хроника Махмуда Хиналугского») дает сведения по феодальной войне в Дагестане, кайтаго-ширванским связям и истории потомков Ильча-Ахмеда вплоть до XVII в. «Сказание об Аргвани», давая описание борьбы нуцалов-«кафиров» с гумбетовскими общинами и историю газийского завоевания Хунзаха, включает также и материалы, касающиеся других областей Кавказа и полуфантастическую хронику событий конца XIV–XVIII вв.

«Тарих Дагестан» — самый обширный сводный источник — содержит материалы, относящиеся к разным историческим периодам. К XIII–XIV вв. относятся разделы о газийском захвате Хунзаха и последующем возвращении нуцалов, а также о походе Сартана на Кумух. Предание об отравлении «кафиров» содержит след событий VII в., предания о приходе газиев во главе с потомками Хамзы и Аббаса, а также об исламизации Хайдака, Табасарана и Гумика — основаны на событиях IX–XII вв. Кроме того, заключительная часть этого сочинения обнаруживает знакомство с классическим трудом историка X в. ат-Табари.

Труднее датировать первую часть «Тарих Дагестан» — историю Сураки (некоторые ее детали сопоставимы со сведениями о Сарире X–XI вв.)¹⁴⁷.

Весьма содержательный раздел о податях шамхалу, неоднократно использовавшийся в нашей историографии, до сих пор не получил убедительной датировки. Поэтому, признавая всю ценность содержащихся там сведений, мы тем не менее не сочли возможным использовать его в данной работе.

§ 10. Устные исторические предания являются особым видом источников по истории средневекового Дагестана. Научный интерес к ним наблюдается с XVIII века (Гербер, 1727 г.)¹⁴⁸. Здесь уместно отметить, что сведения о походах Тимура в Дагестан, содержащиеся в сочинениях А.-К. Бакиханова и Г.-Э. Алкадари, в основном являются, по сути дела, записями местных исторических преданий, сделанными (соответственно) в начале и в конце XIX в.

Однако правомерен вопрос: насколько достоверны эти свидетельства, передаваемые изустно от поколения к поколению о событиях 400–600-летней давности? Каждый исследователь, сталкиваясь со свидетельствами устных исторических преданий, непременно относится к ним с большей или меньшей критичностью¹⁴⁹.

Признавая необходимость этого, следует однако учитывать два характерных для условий Дагестана фактора, которые должны, вероятно, несколько повышать «устойчивость» местного исторического фольклора:

1. Значительная изолированность горцев Северо-Восточного Кавказа: влияние извне на их историческую жизнь до недавнего времени оказывали лишь исключительно крупные исторические события, которых было немного. Географическая изоляция, видимо, создает более благоприятные условия для сохранения таких событий в народной памяти. Так, в дагестанском фольклоре мы встречаем имя Тимура, в чеченском — имена Менгу-хана и Субедея¹⁵⁰ вместе с описанием событий тех лет, не содержащим значительных противоречий с письменными источниками.

2. Повышение «живучести» фольклорного сюжета при литературной фиксации какого-либо его элемента — подобное явление достаточно характерно и для Дагестана. Во время полевых сборов мы нередко сталкивались с тем, что инфор-

маторы излагали в качестве местных преданий отдельные сюжеты из «Хроники Герей-хана» (Аркас, 1965 г.) и «Дербенд-намэ» (район Старого Каякента, 1972 г.), причем, хотя информаторам и было известно о существовании письменных прототипов, они не только не читали их, но не знали даже их названий.

Но чаще всего исторические предания связаны с письменными источниками, не дошедшими до нас. При сборе исторического фольклорного материала исследователи узнают от информаторов о существовании в прошлом локальных рукописных сочинений, содержащих более полную первоначальную версию излагаемых преданий¹⁵¹.

В § 3 мы отмечали, что устные исторические предания послужили основным материалом для большинства местных письменных источников, очевидно, процесс этот был двусторонним: письменная фиксация способствовала продолжительному бытованию некоторых исторических преданий без значительных изменений. В то же время переписчики, знакомые с устными преданиями, могли вносить соответствующие изменения в текст источников в процессе переписки, создавая таким образом позднейшие их редакции со следами влияния исторического фольклора.

Для значительной части устных исторических преданий письменные аналоги не выявлены, и, вероятнее всего, их не существовало. Но и здесь обычно присутствует какая-либо зафиксированная в источниках деталь: чаще всего подобные предания связаны с местной топонимикой или происхождением (генеалогией) местных родственных групп. Оба эти обстоятельства способствуют фиксации (малой изменчивости) исторического содержания таких преданий, препятствуя их художественной трансформации.

Исторические песни мы считаем особым видом устных исторических преданий, обладающим всеми особенностями последних, причем стихотворная организация текста придает этому виду источников большую устойчивость по сравнению с устным прозаическим повествованием. Исследователи не раз обращались в своих работах к известной лакской народ-

ной поэме «Парту Патима»¹⁵² о борьбе с вторжением Тимура. Следует отметить, что со временем это произведение претерпело вполне понятные изменения, — некоторой гарантией его историчности является сравнительно недавнее существование «могилы Парту Патимы» как места поклонения¹⁵³. Не внушает серьезных сомнений также историчность песни «Бурхай-Изажа»¹⁵⁴, свидетельствующей о несомненных связях Кумуха с Поволжьем в рассматриваемый период (кстати, финал песни связан с существующим донныне в окрестностях Кумуха микротопонимом «Бурхяялу») ¹⁵⁵.

Сопоставляя материал местных письменных источников и устных исторических преданий, мы видим, что последние уступают первым в хронологической определенности и фактической точности, но нередко обнаруживают большую локальную определенность, богатство деталей, отсутствие феодально-клерикальной тенденциозности¹⁵⁶.

Примечания

79. Всесторонняя характеристика дагестанской эпиграфики как исторического источника содержится во вводных разделах обеих частей работы: Лавров Ч. 1, 2, а также в работе: Шихсаидов А.Р. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969; его же: Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984.
80. Айтберов Т.М. Материалы по истории Дагестана XV–XVII вв. // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980 (перевод документа и комментарий).
81. Магомедов Р.М. Дагестан. Вып. II. С. 204; Шихабудинов М.Ш., Айтберов Т.М. Документы по истории средневекового Дагестана (нач. XV – кон. XVI вв.) // Вопросы истории Дагестана. Вып. II. Махачкала, 1975.
82. Более детальный их разбор см.: Криштопа А.Е. К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. VII. Махачкала, 1976.

83. Тарих Дербенд-намэ / Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898.
84. Берже А. Кайтагские рукописи // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. II. Тифлис, 1868 (далее — Берже I и Берже II).
85. Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом Рафии // ССКГ. Тифлис, 1871; Шихсаидов А.Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммеда Рафии // ППВ 1972. М., 1977 (далее — Шихсаидов // ППВ 1972).
86. Сказание об основании аула Аргвани / Перевод, вступительные пояснения и комментарии А.Р. Шихсаидова // Рук. Фонд ИИЯЛ. Ф. 3, оп. I, д. № 158/3704 (далее — Сказание об Аргвани). См. также: Предание о происхождении чеченцев // Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.
87. Тарих Абу Муслим / Перевод, вступительные пояснения и комментарии А.Р. Шихсаидова // Рук. Фонд ИИЯЛ. Ф. 3, оп. I, д. № 158/3703.
88. Хроника аула Ихран / Перевод и вступительные пояснения А.Р. Шихсаидова // Рук. Фонд ИИЯЛ. Ф. 3, оп. I, д. № 168/3938.
89. Хроника Герей-хана / Перевод и вступительные пояснения А.Р. Шихсаидова // Рук. Фонд ИИЯЛ. Ф. 3, оп. I, д. № 168/3938.
90. Айтберов Т.М. Аноним Муслима из Урады (X—XVI вв.) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: Доклады и сообщения по арабистике. М., 1978.
91. Айтберов Т.М. О хронике «Тарих Дагестан» // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений (май 1978). Л., 1978. С. 14.
92. Более обстоятельный разбор этой стороны их содержания см.: Криштопа А.Е. Указ. раб. С. 169.
93. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. С. 7.
94. Заходер Б.Н. Указ. соч. С. 7.
95. Тарих Абу Муслим. С. 19; Тарих Дербенд-намэ. С. 79—80; Берже I. С. 1073.
96. Тарих Дербенд-намэ. С. 79—80, 112—113.
97. Берже I. С. 1073. Существует вариант этого предания, где

- вместо имени «Амир-Чупан» стоит имя «Калантар». См.: Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969. С. 170—171.
98. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 108.
 99. История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков // РФ ИИЯЛ. Ф. I, оп. I, д. № 286 (1645), л. 3.
 100. Очевидность этого даже позволила Т.М. Айтберову считать древнейшее предание (т.е. его предполагаемую запись) первоначальным вариантом «Тарих Дагестан», а ее позднейшими редакциями — оба варианта четвертой темы: I-й — «Тарих Дагестан шамхальская» и 2-ой — «Тарих Дагестан уцмийская». См.: Т.М. Айтберов. Еще раз о монгольском нашествии на Дагестан // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (кр. сообщ.). Ч. I. М., 1977. С. 99—100.
 101. Берже I. С. 1073.
 102. Подробнее об этом см.: Криштопа А.Е. К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана (сборник научных сообщений). Вып. VII. Махачкала, 1976. С. 161, сн. 20.
 103. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. С. 170—171.
 104. Возможно, что начало взято из какого-либо средневекового романа об Абу Муслиме (о них см.: Бартольд В.В. Абу Муслим. Соч. Т. VII. С. 480).
 105. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 108—111.
 106. Сказание об основании аула Аргвани. С. 17—20.
 107. Айтберов Т.М., Иванов А.А., Казанбиев А.Д. Новые эпиграфические памятники с территории Аварии // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976—1977 гг.: (тезисы докладов). Махачкала, 1978. С. 45.
 108. Весьма содержательный раздел «Тарих Дагестан» о податях шамхалу (см.: Шихсаидов А.Р. Указ. раб. С. 109—110), неоднократно привлекавшийся в исторических работах, до сих пор не получил убедительной датировки. Поэтому, признавая всю ценность содержащихся там сведений, мы тем не менее не сочли возможным использовать его в данной работе.
 109. Берже II. С. 1075—1076.

110. Берже I. С. 1073.
111. Там же.
112. Берже II. С. 1077.
113. Там же. С. 1075.
114. Там же. С. 1076–1077.
115. Там же. С. 1077.
116. См.: Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 66.
117. В качестве правителя Кайтага Рустем-хан упоминается в источниках с 1616 по 1645 гг. — См.: Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Т. 2. Махачкала, 1999. С. 13–31.
118. Малачиханов Б.Г. Указ. соч. С. 195.
119. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 104, 107, 110. Т.М. Айтберов уже обращал внимание на то, что «родословные» Сураки и Шамхала составлены соответственно из имен, взятых из родословных шаха Аббаса I Сефевиды и уцмий Рустем-хана. — См. его: О хронике «Тарих Дагестан». С. 14.
120. Хожение за три моря Афанасия Никитина. М.-Л., 1948. С. 11.
121. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 179.
122. Берже II. С. 1075.
123. «Султан Кершасп», персонаж того же предания, имеющий черты обоих названных ширваншахов, — очевидно, результат той же контаминации.
124. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 108–111.
125. Сказание об основании аула Аргвани. С. 17–20.
126. Лавров. Ч. 2. С. 98, № 641.
127. Там же. С. 169.
128. Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 111.
129. Там же.
130. Там же. С. 111–112.
131. Айтберов Т.М. Еще раз о монгольском нашествии на Дагестан. С. 102 (араб. текст «ТДШ»).
132. Там же (текст «памятных записей В-1009»).
133. Подборку их дал А.Р. Шихсаидов. См.: Указ. соч. С. 98.
134. Криштопа А.Е. Указ. раб. С. 159; Айтберов Т.М. Указ. раб. С. 102.
135. Айтберов Т.М. Указ. раб. С. 100–102.
136. Ср.: Берже I. С. 1073 и Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 111.
137. Айтберов Т.М. Указ. раб. С. 101 — ср. оба публикуемых текста.

138. Шихсаидов А.Р. Новые данные по средневековой истории Дагестана // УЗД. Т. IX. 1961.
139. Извлечение из истории Дагестана... // ССКГ V. Тифлис, 1871. С. 6 («Вступление» П.К. Услара).
140. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 110.
141. Сказание об основании аула Аргвани. С. 19.
142. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. С. 207.
143. Там же. С. 206.
144. Айтберов Т.М., Иванов А.А., Казанбиев А.Д. Указ. соч. С. 45.
145. Там же.
146. Любезное сообщение Айтберова Т.М.
147. Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 97.
148. Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 78.
149. «Если исходить из материалов, которые мне доступны, то, кажется, можно склониться к выводу, что фольклор способен сохранить память о событиях и исторических деталях не дольше трехсот лет» (см.: Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в. // Кавказский этнографический сборник, IV. М., 1969. С. 71–72).
150. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I. Грозный, 1967. С. 46.
151. Магомедов Р.М. Дагестан... Вып. II. С. 226 (сообщение о записи относительно Хочбара); его же: По аулам Дагестана. Вып. I. С. 16 (книга «Коча» с. Ишкарты), с. 20 (рукопись предания об основании с. Чиркей), с. 77 (рукопись о доисламской истории Аварии в с. Тануси). Х. Магомедов, бывший сотрудник ИЭМ ДГУ, узнал от информатора И. Жантемирова (1898 г. р., с. Алмак) о существовании в прошлом рукописи об истории этого селения.
152. Лакские эпические песни. Махачкала, 1969. С. 23–35, 125–136.
153. Там же. С. 236; Габиев С. Лаки, их прошлое и быт // СМОМПК 36, 1906. С. 105
154. Лакские эпические песни. С. 89–92, 197–201.
155. Там же. С. 254–255
156. О принципах использования устных исторических преданий как специфического источника по истории Дагестана см.: Магомедов Р.М., Дагестан... Вып. II. С. 121–123.

Глава II

Дагестан в XIII веке.
Монгольское нашествие§ 1. Дагестанские земли накануне прихода монголов:
политическая карта

Политическая карта Дагестана XII — начала XIII вв., значительно отличаясь от картины, зафиксированной в классических трудах арабоязычных географов X—XI вв., все же обнаруживает следы этой картины (окончательно их стерло лишь монгольское нашествие).

Дербентский эмират с XII в. входил в состав Ширвана. Правивший здесь в 1222 г. Рашид, по свидетельству Ибн ал-Асира, носил титул «ширваншах». Поскольку достоверно известно, что ширваншахский престол в Шемахе в это время занимали либо Фаррухзад б. Манучихр, либо его сын Гаршасп¹⁵⁷, то, вероятнее всего, титул Рашида указывает лишь на его принадлежность к дому Кесранидов. С этим хорошо согласуется и сообщение Якута о Шемахе: «Это (т.е. Шемаха. — А.К.) — главное место Ширвана в районе Аррана. Оно считается округом Баб ал-Абваба, и его властитель Ширваншах является братом властителя Дербенда»¹⁵⁸. Такая характеристика вместе с фактом поручения управления городом члену династии указывает на исключительно важную роль Дербента в составе Ширвана и известную его самостоятельность.

Что касается Южного Дагестана, то ал-Лакз давно уже утратил былое политическое единство. Слова Якута о лакзах «...над ними стоят малики...»¹⁵⁹ указывают на то, что оно к

XIII в. сменилось правлением многих мелких феодальных властителей. Примечательно, однако, что лакзы продолжают рассматриваться как единая народность.

Эпиграфика этой местности указывает на наличие в ал-Лакзе таких центров, как Рутул, Цахур, менее определенно — Ахты. В труде З. Казвини 1275 г. (отражающем и более ранние сведения) говорится о возделывании в Цахуре злаков, о занятии овцеводством, об отсутствии феодального правителя у жителей Цахура — «главного города страны Лакзан», о давнем существовании там медресе и факихов, о переводе на местный язык книг аш-Шафеи и Музани¹⁶⁰. Эпиграфические источники свидетельствуют о довольно широком и давнем распространении грамотности не только на местном, но и на арабском и персидском языках в верховьях долины Самура, о наличии в Рутуле с 1150 г. ханаки (при ханаках, как правило, были медресе)¹⁶¹; сохранилось три поддающихся датировке свидетельства о капитальном строительстве здесь в начале XIII в. (Зрых — 1218/19 г.¹⁶², Рутул — 1226 г.¹⁶³, Хнов — около того же времени¹⁶⁴). З. Казвини, со слов своего информатора — факиха Юсуфа ибн Мухаммеда Гянджинского, указывает и на существенный фактор такого экономического и культурного процветания: прохождение из Гянджи по долине Самура торгового пути, очевидно, в Дербенд и в нагорный Дагестан¹⁶⁵. М. Агларов приводит убедительные данные этнографического характера о древнем освоении цахурами елисуйских и кахских земель¹⁶⁶ — очевидно, транзитный маршрут между Гянджой и Дербендом в верхнесамурской своей части играл важную связующую роль для цахурцев по обе стороны Главного Кавказского хребта.

Относительно шахдагской группы народностей дает некоторые сведения словарь Якута: в сообщении о Хиналуге отражено его тяготение к Дербенду (при этом, кстати, упомянут шафиитский факих Хаким ал-Лакзи ал-Хиналуги ад-Дербенди, учившийся в Багдаде у ал-Газали и умерший в 1142 г. в Бухаре)¹⁶⁷.

Ретроспективно используя более поздние эпиграфические данные¹⁶⁸, можно уверенно говорить о существовании

сильных центров — Рича и Тпиг — на «великом пути через горы»¹⁶⁹ в верховьях реки Чирагчай, вблизи от важного Кокмадагского перевала, ведущего из Южного Дагестана в долину Казикумухского Койсу и далее на север и запад.

Табасаран почти не упомянут в письменных источниках, относящихся к рубежу XII—XIII вв. Последнее свидетельство о нем относится к 1130 г.: «В стране Дербенда Баб ал-Абваба есть народность, которую называют табарсалан, у них 24 рустака, в каждом рустаке имеется большой военачальник, подобный эмиру»¹⁷⁰. Итак, налицо картина феодальной раздробленности, подобная соседнему ал-Лакзу.

Тот же источник свидетельствует о **Зирихгеране**: в двух его деревнях жители занимаются исключительно металлообработкой, придерживаются зороастрийского похоронного обряда и отстаивают свою независимость от газийских походов дербентского эмира, к которому в таких случаях присоединяются «народы с гор: лакзан, филан и другие»¹⁷¹. Но при этом ремесленный Зирихгеран отнюдь не был отрезан от внешнего мира: в одной из касид Хакани (1121—1199 гг.) говорится: «Баку, по своему существованию, требует бадж у хазар, Рея и Зирихгерана»¹⁷². Так как «бадж» — это торговая пошлина, взимавшаяся у городских ворот¹⁷³, то отсюда следует, что зирихгеранские изделия во второй половине XII в. вывозились по меньшей мере до Баку.

Страна Зирихгеран в то время «захватывала теперешнюю Даргинскую область вокруг с. Кубачи и простиралась еще на восток в направлении к Дербенду»¹⁷⁴. Наряду с нынешним сел. Кубачи и несколькими (от 7 до 12 по разным сведениям) небольшими древними аулами, в нее входили также селения Амузги, Сулевкент, Шири¹⁷⁵, — кроме преданий, это подтверждается их лингвистической близостью.

Е.М. Шиллинг относит начало сооружения кубачинских укреплений ко времени не ранее XII в., а оформление исторического центра нынешнего сел. Кубачи (квартала Дубшиля-куат в его южной части) — к XII—XIII вв.¹⁷⁶. С последним Е.М. Шиллинг связывает и появление совета выборных старейшин (чине)¹⁷⁷ и подчиненных ему общинной дружины (батирте) и ополчения (чабкуните — баханте).

Следует отметить предположение Е.М. Шиллинга о появлении Кала-Курайша именно как военной базы мусульман (т.е. газийского центра) для контроля и сдерживания воинствующих иноверцев Зирихгерана¹⁷⁸. Из письменных источников XII — начала XIII вв. исчезают навсегда Шандан, К-р-х, Хамрин, но в записках того же Абу-Хамида ал-Гарнати фигурируют либо «народы филан, и хайдак, и за'клан...»¹⁷⁹, либо языки «филанский, и закаланский (варианты: рукланский, гьуркланский), и хайдакский»¹⁸⁰ (среди перечисленных им языков, 8 дагестанских). В приведенном выше свидетельстве Йакута о народах, пользующихся Дербентским портом, также упомянуты хайдаки («хайзан»), шанданы («шензан») и рукланы¹⁸¹.

В отличие от **хайдаков**, локализация остальных упомянутых выше народностей не столь очевидна. Весьма убедительным кажется нам мнение Шихсаидова: за'клан (или руклан) = гьуркилан (или гуркилан) = позднее «ХГуркила хГуреба», то есть территория хюрклинского (урахинского) диалекта даргинского языка и соответствующий ей союз сельских обществ¹⁸². Что касается положения Шандана, то наиболее обоснована гипотеза Минорского, помещающего последний в верховьях реки Артузен (район селений Дибгаши и Чишили)¹⁸³. Локализация Филана наименее ясна. Есть основания считать Шандан союзом нескольких племенных групп¹⁸⁴. Распад его, начавшийся еще в XI в., к концу XII в., видимо, был уже завершен.

Итак, замена на политической карте этой части Дагестана нескольких политических единиц X—XI вв. соответствующими этнонимами, наряду с появлением новых этнонимов и более мелких владений, указывает на распад прежних, сравнительно крупных политических единиц и союзов при одновременном сохранении оформившихся ранее в их рамках этнических групп. Любопытно и то, что у некоторых из этих групп давно укоренился ислам (хайдаки) и даже отмечается участие в газийских походах (филан), в то время как остальные в массе своей исповедуют доисламские религии (зирихгиран, гьуркилан).

Гумик как политическая единица упомянут в письмах ширваншаха Ферибурза обществу Гумика, обществам ал-Лакза¹⁸⁵ между 1097 и 1099 гг. Из них явствует, что: 1) это был момент установления ислама в качестве господствующей религии в Гумике; 2) Гумик остался независим («нет у нас жажды ни к хараджу их, ни надежды на налоги их»); 3) во главе Гумика не было какой-либо династии.

Сарир как государство или страна не упоминается в письменных источниках в связи с какими-либо событиями позднее второй половины XI в. Упоминания Сарира у Йакута (начало XIII в.) или даже у Бакуви (XV в.)¹⁸⁶ свидетельствует лишь о книжной эрудиции этих авторов.

Исчезновение Сарира с международной арены связано, видимо, с распадом этого государства. Ввиду почти полного отсутствия письменных свидетельств о Внутреннем Дагестане и лишь единичных пока раскопок поселений XII–XIII вв. (городище Аркас), внимание привлекают встречающиеся во Внутреннем Дагестане остатки элементов христианства, бывшего здесь в то время господствующей религией. Выявление локальной группировки последних указало бы местонахождение центров этой религии во Внутреннем Дагестане, которые в феодальных обществах обычно связаны и с центрами политическими (хотя не всегда географически точно совпадают с ними).

Если сосредоточиться на памятниках XII–XIII вв., то получится следующая картина:

1. Хунзахская группа: христианские могильники в Тад Раал (X–XII вв.)¹⁸⁷ и Галла (не позже XIII в.)¹⁸⁸; известный крест с аваро-грузинской билингвой (XII–XIV вв.)¹⁸⁹ и крест с надписью XII в. на лицевой стороне — из Хунзаха¹⁹⁰; наконец, церковь X — начала XI вв. в Датуне¹⁹¹, функционировавшая в XII–XIII вв. и позже.

2. Группа в средней части бассейна реки Каракойсу: фрагменты монументальных крестов и т.п. К этой группе тяготеют с запада — памятники Гидатля (несколько более ранние, по долине Урадинского притока Аварского Койсу); с востока — грузинская надпись у с. Вачи (недатированная, но

не позднее XI в.). Ниже мы попытаемся обосновать роль западного ответвления «великого пути через горы» для развития этих центров, для связей их между собой и проникновения христианства из Грузии до Гумика¹⁹².

3. Христианский культовый центр на горе Зуберха, близ с. Кудутль: 2 креста-монумента (XII–XIII вв.) и фрагменты аналогичных им крестов (XII–XIV вв.)¹⁹³.

Исторические предания подтверждают, что по крайней мере первым двум группам памятников соответствовали политические образования.

Предания о владетеле Хунзаха — «неверном» амуре Сураке¹⁹⁴ (из князей рода нуцалов, издревле правивших здесь) — в основе своей имеют реальную историческую действительность середины XIII в. Они повествуют о резиденции нуцалов в с. Танус, о подворных натуральных податях и даже денежном налоге, о неподатном сословии Аварского¹⁹⁵ княжества — жителях Акаро¹⁹⁶ и т.п. О степени аутентичности этих сведений судить пока невозможно.

Добавим, однако, замечание о титуле аварских князей (нуцал). Ввиду отсутствия общепринятого мнения о происхождении этого титула, укажем на сходство его с грузинским феодальным термином «нацвал» (букв. «заместивший»)¹⁹⁷ — то есть наместник. Их связь хорошо согласовывалась бы с фактом появления этого титула в источниках лишь начиная с XIII в. — ведь максимум внешнеполитического и культурного влияния Грузии на Кавказе приходится как раз на канун монгольского нашествия. Естественно, это объясняло бы отсутствие термина «нуцал» в более ранних источниках и на более отдаленных от Грузии территориях.

Предания, вошедшие в «Сказание об Аргвани», повествуют о существовании самостоятельных (притом мусульманских) сельских общин Глоха, Инхо, Эмильта, Тлярота и несколько позже — Аргвани, еще до появления Сураки¹⁹⁸, то есть не позже первой половины XIII в.

Городище Аркас к этому времени было уже значительным населенным пунктом, однако какие-либо определенные сведения о его политическом статусе неизвестны.

Сведения источников о Высокогорном Дагестане рубежа XII–XIII вв. относятся к Дидо. В последние годы правления Тамары, то есть незадолго до 1213 г. дидойцы и пховцы вышли из подчинения. На усмирение восставших был послан один из самых значительных сановников амирспасалар и атабек Иванэ Мхаргрдзели. С помощью «князей дурдзукских», после трехмесячной борьбы, ему удалось усмирить горцев, взять заложников и обязать их платить дань¹⁹⁹. Ныне дидойцами называют народность, населяющую часть Цунтинского района по северо-западному склону Богосского хребта. В «Географии Вахушти», однако, пределы «Дидоэти» даются от Тушетии и далее к востоку от рек Лапати и до Чиаури, т.е. весь ряд котловин в верховьях Аварского и Андийского Койсу между Водораздельным и Боковым Кавказскими хребтами²⁰⁰. В таком случае известие о «восстании в Дидо», а следовательно, и о предыдущем подчинении Дидо грузинскому трону, видимо, можно отнести ко всему Высокогорному Дагестану. Ведь находки христианских могильников и каменных крестов у селений Кванада и Тинди²⁰¹, предание о церкви в Хуштада, сообщение письменного источника о церкви в Анцухе²⁰², находка остатков часовни близ с. Камилух²⁰³ могут свидетельствовать лишь о значительном религиозном влиянии Грузии в Высокогорном Дагестане. Заслуживает внимания характеристика грузино-дагестанских экономических отношений, данная В.Н. Гамрекели²⁰⁴. Это был прямой сезонный продуктообмен между непосредственными производителями: горцами и населением долин, без денег и без посредничества торговцев. Обе стороны такого обмена являются двумя взаимозависимыми частями единого хозяйственного комплекса.

Земли Внутреннего Дагестана примыкали частью к долинам Восточной Грузии, частью — к Прикаспийской равнине: линия размежевания проходила примерно по северо-восточным отрогам Бокового хребта. Таким образом, в эпоху господства натурального хозяйства Высокогорный Дагестан был частью экономического организма Грузии. Следствие (и наглядное подтверждение) этого — «освобождение издревле» жителей дагестанского Высокогорья от пошлин в Грузии.

Это экономическое единство легло в основу и политического, и культурно-идеологического влияния²⁰⁵ Грузии в Высокогорном Дагестане.

Сведения о равнинном Дагестане рассматриваемого периода крайне скудны (можно отметить сообщение о нескольких тюркских племенах²⁰⁶ — возможно, тюркизированных автохтонах). Последующие события показывают, что наиболее значительной силой здесь постепенно становятся кипчаки²⁰⁷. Действовавшие здесь в XI–XII вв. на свой страх и риск отряды «аланов, хазар и руссов»²⁰⁸ с 70-х годов XII в. уже не упоминаются источниками. Некоторый след в топонимике равнинного Дагестана они все же оставили («Аланский замок» недалеко от Дербенда)²⁰⁹.

Закончив этот краткий обзор политической карты Дагестана XII — начала XIII вв., отметим некоторые общие черты: 1) Заметное сокращение «внедагестанских» связей для горной зоны Дагестана, а также повсеместное исчезновение там прежних политических единиц одновременно с возникновением более мелких владений на фоне сохранения прежних этнических групп можно рассматривать как последствия развития процесса феодализации с характерным для нее политическим раздроблением; 2) Рассказ ал-Гарнати о разъяснении им книги по фикху в Дербенде можно понимать в смысле присутствия на этой встрече, наряду с представителями исламизированных народностей, также и сарирцев, гьуркиланцев, зарихкранцев²¹⁰ — это можно расценить как свидетельство начавшегося проникновения ислама уже в начале XII в. к дагестанским народностям, исповедовавшим в массе христианство либо язычество; это свидетельствует также о сохранении постоянных связей почти всех горных земель с Дербентом²¹¹.

§ 2. Начало нашествия. Монголы в Дагестане

Появление войск Субудай (Субэтай)-бахадур и Джэбэ (Йеке)-нойона явилось для народов Кавказа первым соприкосновением с монгольскими завоевателями. Они появились

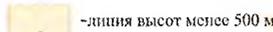
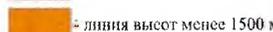
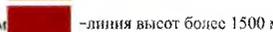
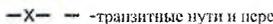
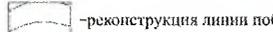
здесь, выполняя приказ Чингизхана о преследовании хорезмшаха Мухаммада и о проведении стратегической разведки западных земель для их последующего завоевания²¹². Для выполнения этой задачи Чингизхан еще во время осады Самарканда (март 1220 г.)²¹³ отрядил тумены Субудая, Джэбэ и Тогучара (итого — 30 000 всадников)²¹⁴. Поздней осенью 1220 г. монголы достигли Кавказа. Разгромив в течение года войска тамошних государств и владетелей Закавказья, монголы после захвата Шемахи подошли в начале 1222 г. к Дербенду²¹⁵. Ведя без малого два года постоянные бои, монгольское войско не могло не понести значительных потерь (в числе убитых был и Тогучар). Однако численность его почти не уменьшилась: еще в декабре 1220 г. к ним примкнул один из военачальников атабека Узбека Ильдегизида-Акуш, с огромным конным отрядом²¹⁶.

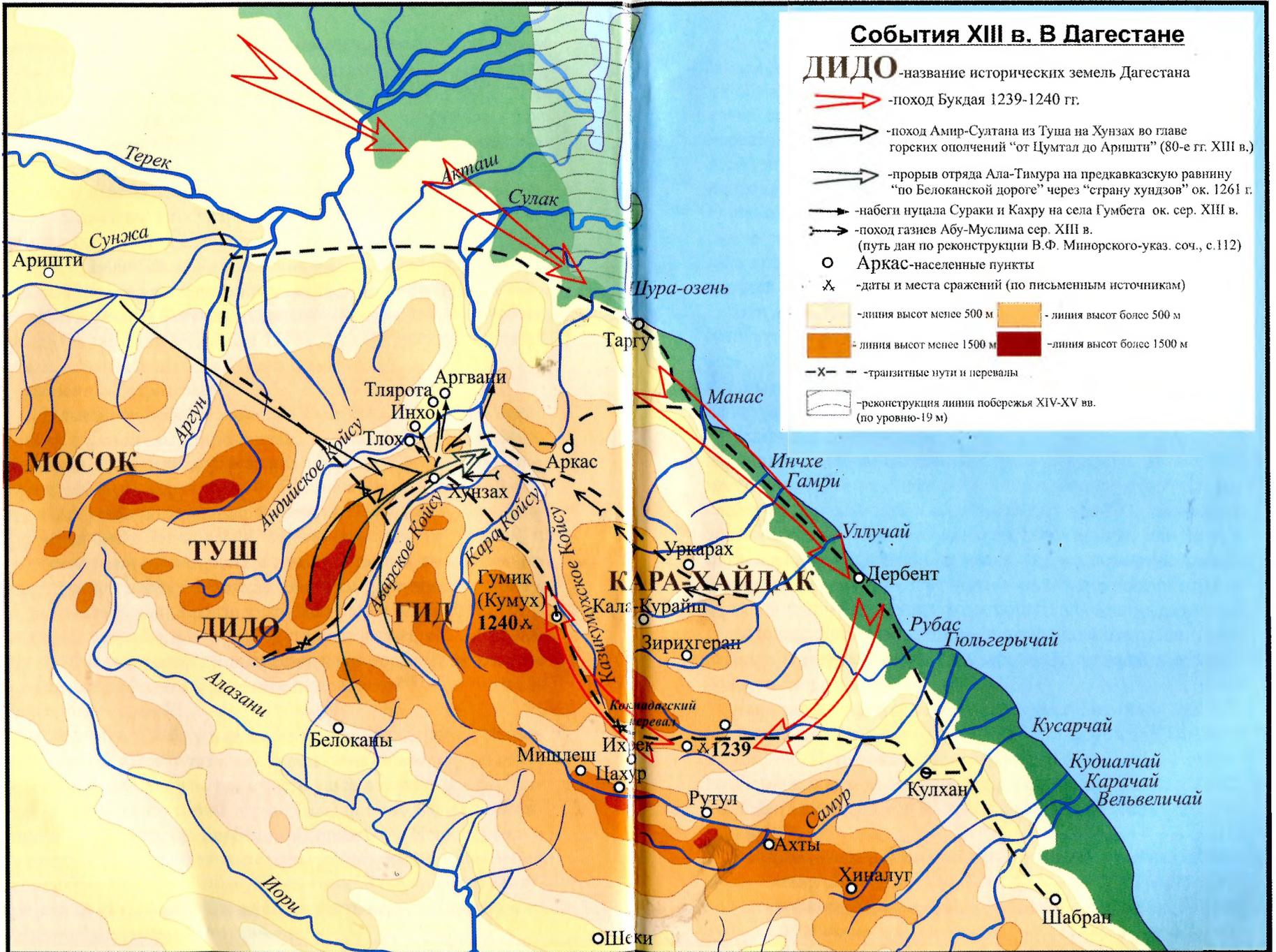
Дальнейшее хорошо известно из почти одинакового изложения в различных источниках: не в силах взять Дербенд, монголы вынудили дербендских парламентаров указать им обходной путь через горы²¹⁷. Примечательны два момента: 1) хотя установить маршрут войска Субудая и Джэбэ не представляется возможным, однако описание трудностей, с которыми они столкнулись в пути («...татары по местам неприступным перешли Кавказские горы, заваливая пропасти деревом, камнями, бросая туда свой багаж, даже лошадей и военные снаряды...»²¹⁸), как будто показывает, что их маршрут лежал вне традиционных путей через горы; 2) источники сообщают не только о жестокости монголов²¹⁹, но и о сопротивлении горцев²²⁰.

Субудай и Джэбэ ушли на северо-запад, разгромив аланов и кипчаков. «После того, как татары заняли землю кипчаков, последние рассеялись: одна часть ушла в страну русов, другая рассеялась по своим горам, большинство же их, собравшись, направилось к Дербенду Ширвана»²²¹. Итак, по горам рассеялась довольно значительная масса кипчаков, численно соизмеримая с другими двумя частями. В научной литературе уже отмечалась необходимость учитывать при выявлении этногенеза кумыков этот элемент²²².

События XIII в. В Дагестане

ДИДО - название исторических земель Дагестана

- - поход Букдая 1239-1240 гг.
- - поход Амир-Султана из Туша на Хунзах во главе горских ополчений "от Цумгал до Аришти" (80-е гг. XIII в.)
- - прорыв отряда Ала-Тимура на предкавказскую равнину "по Белоканской дороге" через "страну хундзов" ок. 1261 г.
- - набеги нуцала Сураки и Кахру на села Гумбега ок. сер. XIII в.
- - поход газиев Абу-Муслима сер. XIII в. (путь дан по реконструкции В.Ф. Минорского-указ. соч., с.112)
- Аркас-населенные пункты
- - даты и места сражений (по письменным источникам)
- - линия высот менее 500 м
- - линия высот более 500 м
- - линия высот менее 1500 м
- - линия высот более 1500 м
- - транзитные пути и перевалы
- - реконструкция линии побережья XIV-XV вв. (по уровню-19 м)

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Что же касается «большинства» кипчаков, направившихся к Дербенту, то из сообщений Ибн ал-Асира известно их обманное проникновение в Дербент, а оттуда — в Закавказье, вследствие чего произошло восстание всего местного населения против них в феврале 1222 г. Примечателен конец этой кипчакской авантюры: «Испугавшись, кипчаки ушли по направлению к Ширвану, а потом перешли в сторону лакзов. Однако мусульмане, курджи, лакзы и другие, почувствовав смелость по отношению к ним, уничтожили их, убили, грабили и захватили в плен, так что кипчакский раб (мамлюк) продавался в Дербенд-Ширване по (самой) низкой цене»²²³.

Эти события имели еще одно негативное последствие. Кипчаки были известны как союзники хорезмшахов²²⁴. Поэтому когда сын хорезмшаха Джалаладдин только приступил к попытке вовлечь Кавказ в антимонгольскую коалицию, то он встретил в Дагестане враждебное отношение, которое усугубили и дальнейшие действия Джалаладдина.

Борьба дагестанцев против Джалаладдина. По общему мнению своих современников, Джалаладдин «был гораздо слабее в политике, чем в военном искусстве»²²⁵ — наследник хорезмшаха пытался, опираясь на свою армию, насадить в Закавказье и сопредельных землях ту же порочную разновидность феодализма, которую только что постиг крах в Средней Азии²²⁶. Его неудачные попытки создания антимонгольской коалиции обрекли на поражение и этот план Джалаладдина и подорвали в дальнейшем возможность объединенного сопротивления монголам.

Дагестанцы, наряду с другими горцами, приняли участие на стороне грузин в боях против Джалаладдина под Тбилиси в 1226 г.²²⁷. Источники называют «лакзов» в составе грузинских войск и в неудачной битве у Болниси в начале 1229 г., что было самой серьезной попыткой сопротивления Джалаладдину²²⁸.

Коварна и недальновидна была и политика Джалаладдина в отношении Дербента. Потерпев 25.VIII.1228 г. поражение под Исфаханом, Джалаладдин обратился к кипчакам. Те двинулись на помощь традиционному союзнику, но войско их

(50 000 шатров) было остановлено Дербентской преградой. Атабек ал-Асад, бывший регентом при малолетнем правителе Дербента, видимо, хорошо помнил инцидент шестилетней давности с кипчаками. Но Джалаладдин поначалу удачно обманул ал-Асада милостивым письмом, и в начале весны 1229 г. тот даже прибыл ко двору хорезмшаха. Назад он отправился с пожалованным «на его имя и на имя ребенка, его государя, икта, рядом с которым Дербенд казался ничтожно малым, но при условии, что он (ал-Асад) будет сопровожден лицом, назначенным султаном для передачи Дербенда ему»; и в сопровождении 6000 всадников Джалаладдина. Те вероломно арестовали ал-Асада по дороге, но ему удалось бежать в Дербент. После этого для Джалаладдина «на его (Дербенда) взятие не осталось надежды»²²⁹.

Следует отметить, что наличие в Дербенте «государя-ребенка» явно свидетельствует о существовании там отдельной правящей династии, неясна лишь степень ее независимости. Отметим также намек ан-Насави на пребывание в течение какого-то времени в Дербенте вазира Джалаладдина Шараф ал-Мулка²³⁰.

Вторая волна монгольских завоевателей обрушилась на Кавказ в начале 1231 г.²³¹. Захват Чормагуном Закавказья был в общем завершен в 1236 г.²³² (некоторые местности держались до 1239 г.). Не имеется, однако, никаких сведений о проникновении частей Чормагуна в Дагестан²³³.

Завоевательные действия монголов и начало борьбы двух чингизидских держав на Северо-Восточном Кавказе. Третья волна монгольских завоеваний, общее руководство которыми осуществлял Бату сын Джучи, не миновала Дагестана. Об этом бесспорно свидетельствуют эпиграфические памятники с. Рича, где сообщается о приходе «войска татар» к «Баб ал-Кист Риджа» 20–21.X.1239 г. и о сопротивлении жителей им до середины ноября²³⁴. Из одной надписи следует, что были разрушены два селения данного общества — Баб ал-Кист Рича и Курд-Рича²³⁵.

Контаминированное в тексте «Тарих Дагестан» известие, существующее и как отдельная запись, в наиболее полном

своем варианте сообщает: «Разрушение Кумуха от рук турок в понедельник первого рамадана в период Наджм ад-Дина, и не погибло за веру все войско Гумика, кроме 1033-х [воинов] в 637 г.х.»²³⁶. Первый понедельник рамадана 637 г.х. — 26.III.1240 г.

Еще одна запись, в которой Рашид ад-Дин сообщает, что Гуюк-хан, его брат Кадан, Бури и Менгу-каан, после захвата города Минкас (Магас) зимой 1239–1240 гг., снарядили весной 1240 г. войско, поставили во главе его Букдая (или Кукдая) «и послали его к Тимур-Кахалка с тем, чтобы он занял и область Авир(?)»²³⁷. Принято считать, что наиболее вероятна идентификация Тимур-Кахалка с Дербентом, а Авира — с Аварией.

Вполне объяснимы попытки исследователей установить соотношение между сообщениями письменных и эпиграфических, местных и иноземных источников о хронологически близких событиях в Дагестане. Многие из них относят оба эти местные свидетельства к походу Букдая, дополняя их другими материалами из местных хроник и делая соответствующие выводы²³⁸. Это тем более допустимо, что у Рашид ад-Дина встречаются хронологические неточности. Кроме того, его сообщение сформулировано так, что допускает отнесение похода Букдая и к предыдущему году. К тому же пребывание монголов в с. Рича в конце 1239 г. бесспорно; известий о каком-либо еще походе войск Бату или Чормагуна в этот момент источники не дают.

Признавая такую интерпретацию допустимой (хотя и не единственно возможной), мы не согласны лишь с отнесением к 1240 г. сообщения «Тарих Дагестан» о штурме Кумуха «аварским царем» и Кауташахом и гибели 70 кумухцев в цитадели²³⁹ с вытекающими отсюда предположениями о внутриполитической ситуации в Дагестане и монголо-нуцальском союзе.

Неизвестны какие-либо сообщения о том, когда именно Дербент попал в руки монголов, однако, говоря о событиях 1243 г. (отправка царицей Русудан послов к Бату с просьбой утвердить ее сына Давида царем), Киракос Гандзакети име-

нует Бату «властителем тех армий, которые стояли на Руси, в Дербенде и Осетии»²⁴⁰. Отметим, что и царь Гетум I предпочел перед посещением великого хана засвидетельствовать свое почтение Бату (1254 г.)²⁴¹, к которому шел через Дербент (март — апрель 1254 г.). Рубрук, сообщая о том, что выходы из ущелий Алании караулят люди Сартаха (сына Бату)²⁴², тем самым свидетельствует и о контроле Бату над этими землями (декабрь 1254 г.).

Эти источники свидетельствуют не только о контроле Бату над равнинными областями и Дербентом, но и о действительном его влиянии в Закавказье.

Впрочем, тот же Рубрук сообщает о том, что «между морем и горами живут некие сараины (т.е. мусульмане. — А.К.), по имени лесги, горцы, которые также не покорены»²⁴³ (как и черкесы, и аланы), — этим и объясняется необходимость выделения ему конвоя для проезда через Приморский Дагестан. То же говорится в преамбуле договора Гетума I с Мункэ-ханом: некий татарский военачальник, встреченный Гетумом в Закавказье, «принял его с почестями и дал ему стражу, чтобы сопровождала его в полной безопасности до Куманского царства через страну, называемую Железные Ворота»²⁴⁴ (Гетум проезжал здесь в марте — апреле 1254 г.)²⁴⁵. С этими сообщениями письменных источников хорошо согласуется строка вторая упоминавшейся выше надписи на минарете с. Рича, призывающая божью помощь против татар: «Да будет им пределом не кто иной как бог!» (فلا غير حد لهم الله) — такая надпись не могла бы появиться при наличии монгольского контроля.

Итак, хотя пределы «Усула Джучи» выходили за границы Дербента, а сферы его влияния охватывали и Закавказье, монголы не имели реальной власти не только в горной части Дагестана, но и на Северном Кавказе вообще. Военные акции монголов в горах, подобные походу 1240 г., не смогли изменить положения — недаром уже в 1241 г.²⁴⁶ и 1242 гг.²⁴⁷ в с. Рича были выстроены крепости (соборная мечеть восстановлена лишь в 1250 г.)²⁴⁸. Равнина оказалась в их руках, очевидно, также не без сопротивления: Рубрук сообщает о

разрушенных татарами верхушках башен и бойницах стен Дербенда, то есть о следах его штурма²⁴⁹.

Таким образом, перепись, которую проводил во всех завоеванных землях, в том числе и на Кавказе в 1251 г., по поручению великого хана Менгу его наместник Аргун-ака²⁵⁰, могла коснуться в Дагестане лишь контролируемой монголами территории²⁵¹.

Последняя волна завоеваний монголов, руководимых Хулагу, не коснулась Дагестана. Однако по приказу великого каана (Менгу) все монгольские силы были обязаны выделить в помощь Хулагу «по два человека с десятка»²⁵² (т.е. 20% от всего состава) или «от каждого улуса по одному царевичу с войском»²⁵³.

Огромное конное войско во главе с царевичами — племянниками Бату двинулось в январе 1256 г. через равнину Дагестана, Дербент и Закавказье в Иран. Вот описание очевидца (Киракоса Гандзакеци): «...Из удела Бату и Сартаха шли с несметным войском через Дербендские ворота родственники его — Балаха, Тутхар, Кули, внуки Чингиз-хана, называемые сыновьями бога. Мы видели их сами. Имея обыкновение передвигаться в повозках, они выровняли, выгладили все неровности дороги, по которой проезжали; но своими вымогательствами, грабежом и ненасытными требованиями пищи и питья они причиняли жителям невыразимые притеснения и довели их до края гибели»²⁵⁴.

Мы не располагаем прямыми свидетельствами источников об отношении монголов-завоевателей к жителям Дагестана. Однако есть все основания считать, что оно было аналогично их действиям в других завоеванных ими землях. О сопредельном Закавказье сохранилось много красноречивых (точнее вопиющих) свидетельств источников²⁵⁵. При малейшем сопротивлении население попросту полностью уничтожалось, иногда делалось исключение для женщин, детей и ремесленников — их угоняли в рабство. Имущество, которое захватчики могли унести с собой, становилось их добычей, остальное уничтожалось. Покорность завоевателям также не гарантировала населению безопасности: угонялся весь скот и

отбирались все вещи и припасы, которые могли унести захватчики. Более-менее здоровые мужчины в количестве, определенном монголами, тут же забирались в «ополчение», которое в бою завоеватели гнали перед собой, дабы уменьшить свои потери. Сохранившееся население продолжало подвергаться ограблению каждым проходившим мимо отрядом или гонцом; мобилизации мужчин для войны или принудительных работ сменялись насильственными наборами женщин для распределения среди монгольского командного состава (вплоть до командиров десятка)²⁵⁶.

На оставшихся жителей (если таковые оказывались) обрушивались многочисленные налоги и повинности (45 их разновидностей насчитал для XIII в. И.П. Петрушевский²⁵⁷), причем, наряду с ними, свирепствовал многообразный произвол. Нередко та или иная территория попросту отдавалась на откуп, и откупщики «по праву» дочиста грабили уцелевшее еще население. Таковы общие черты режима, установленного монголо-татарами.

Сами завоеватели, пока они полностью оставались в рамках кочевого хозяйства и быта, рассматривали запустение завоеванных земель как явление положительное, приводящее к расширению пастбищ и охотничьих угодий.

Это действительно вскоре приводило к запустению ранее заселенных земель, к бегству населения. В Дагестане особенно должны были пострадать равнина, доступная часть предгорий и город Дербент.

Возникновение противоречий между Ордой²⁵⁸ и Хулагидами на Восточном Кавказе. Обоюдные претензии на Восточное Закавказье стали причиной конфронтации между Хулагу и Ордой. Вскоре представился и повод для открытой вражды: в улусе Хулагу при разных обстоятельствах были умерщвлены упоминавшиеся выше командиры ордынских отрядов — царевичи:²⁵⁹ «...когда родственников его (Берке. — А.К.): Тутара, Балагу и Кули, постигла беда (смерть), то между ними (Хулагу и Берке) появились вражда и озлобление, которые с каждым днем все усиливались»²⁶⁰.

Вследствие этого ордынские отряды, принимавшие участие в завоевании Ирана, покинули ряды армии Хулагу. Часть их прорвалась в «Улус Джучи» — либо через Хоросан, либо через Кавказ. Домочадцам Балакана и Кули удалось из Ирана бежать морем в Дербенд, на территорию Орды²⁶¹.

В этой связи интересны два сообщения закавказских источников: «В это же царствование (Давида, 1243–1270 гг. — А.К.) предводитель монголов Ала-Тимур по Белоканской дороге вступил в Гундзетию, царь гундзов (гундзи = хундзи, хунзахцы) преградили ему путь, но монголы победили, прошли гундзкую страну и пришли к монгольскому хакану»²⁶²; «(повествуется об истреблении мятежных ордынцев в войске Хулагу). Только двое из предводителей — Нухакуун и Арагамур, проведав заблаговременно об опасности, взяли с собой сокровища, золото, превосходных лошадей сколько могли и бежали с двенадцатью всадниками. Переправившись через великую реку Кур, они воротились в свою сторону...»²⁶³.

Разумеется, это могут быть сообщения о единичных фактах бегства ордынцев. Но еще Патканов указывал²⁶⁴ на сходство имен и сюжетов в этих двух отрывках и обосновал тождество Нуха-куна с Ногаем. К тому же Ногай был сыном одного из погибших царевичей (Тутара)²⁶⁵, что хорошо согласуется и с пребыванием его в улусе Хулагу в это время, и с последующей его активностью в войнах с Хулагидами.

Факт прорыва монгольского отряда во главе с Ногаем и Ала-Тимуром (Ара-Тамуром) по долине Аварского Койсу из Грузии на дагестанскую равнину не столь уж невероятен. Маршрут этот вполне логичен, так как наиболее удобные пути — Дербентский и Дарьяльский — наверняка были перекрыты, а южнодагестанские перевалы блокированы не только войсками Хулагу, но и сильными верхнесамурскими обществами. Небольшой первоначально отряд, скорее всего, значительно пополнился ордынцами, которых было довольно много в Арране.

Положение во Внутреннем Дагестане тоже, видимо, благоприятствовало такому прорыву. Согласно приводившимся выше хронологическим расчетам²⁶⁶, правление нуцала Сура-

ки в Хунзахе приходилось примерно на первую половину — середину XIII в. — таким образом, связанные с этим правителем сведения местных источников (записи исторических преданий) следует отнести к тому же времени²⁶⁷. Там повествуется о войнах Сураки вместе с его вассалами — общинами селений Тлох и Инхо и его братом Кахру против гумбетовских мусульманских общин селений Эмильга, Тлярота, Аргвани (последнее село, незадолго перед тем возникшее, выступает как главный противник Сураки).

Но сам характер источника (средневековая запись устного предания) и многие разночтения в его списках заставляют поставить под сомнение многие детали повествования. Зато во всех вариантах этого сочинения сохранена единая общая тенденция: усиление к середине XIII в. экспансии нуцалов в северном и северо-западном направлениях. Условия для этого были тогда благоприятны: после разгрома монголами Грузии, Кумуха, Дербента нуцалу Хунзаха уже нечего было опасаться ударов с юго-западного и юго-восточного направлений. Аварское княжество, не будучи затронуто монгольским нашествием, оказалось на тот момент самой сильной из земель Нагорного Дагестана. Без всяких опасений оно могло двинуть все свои силы на север — на разобщенные и малолюдные общины Гумбета, — однако там войска нуцала оказались связаны их отчаянным сопротивлением. Это может объяснить и сравнительно слабое прикрытие княжества со стороны Грузии, что могло способствовать успеху прорыва через земли «хундзов» отступавших ордынцев на соединение с их основными силами на Предкавказской равнине.

Состояние источников позволяет пока лишь допустить возможность (но отнюдь не утверждать правильность) предлагаемого здесь истолкования. Однако если бы предположение К. Патканова и наши допущения оказались верны, то, кроме предлагаемой реконструкции исторической картины Внутреннего Дагестана XIII в., появилась бы возможность гораздо точнее датировать и события, связанные с Суракой, и время проникновения туда ислама. Дело в том, что «прорыв Ала-Тимура» источники связывают с гибелью ордынских

царевичей в стане Хулагу. Согласно Рашид ад-Дину, ранее всех погиб Балага (Балакан): 654 г.х. (1256 г. н.э.)²⁶⁸, Тутар был убит 2.ИИ.1260 г., а «затем скончался и Кули», — добавляет Рашид ад-Дин²⁶⁹. Следовательно, к этому времени, вероятно, относятся и прорыв Ала-Тимура, и конец правления Сураки, и нападение газиев во главе с Абу-Муслимом на Хунзах.

§ 3. Ордыно-ильханское соперничество и внутренняя жизнь Дагестана

С 1261—1262 гг. между обеими чингизидскими державами начинается полоса враждебных отношений, прерывавшихся периодами непрочного мира. Соответственно переходу военной и политической инициативы от одного из соперников к другому на протяжении почти столетия (1262—1359 гг.) можно выделить три периода:

1. 1262—70-ые годы XIII в. — инициатива в руках Золотой Орды.
2. 70-е годы XIII в. — 1318 г. — переход инициативы к Хулагидам.
3. 1319—1359 гг. — инициатива вновь у Золотой Орды.

Проявления этой инициативы со стороны Золотой Орды носили в основном военный характер (походы с целью захвата Восточного Закавказья — как правило, неудачные) ввиду претензий Джучидов на эту территорию. Активизация здесь Хулагидов находила выражение не только в военных, но и в политических и экономических мероприятиях.

Первым актом войны армянские источники считают упомянутый выше прорыв отряда Ала-Тимура²⁷⁰. «Эта война продолжалась пять лет, начиная от 710 и по 715 гг. армянской эры (с 1262 по 1267 гг.). Ежегодно собирались войска и происходили битвы в течение зимних месяцев, потому что летом жара и выступавшие из берегов реки удерживали их на месте»²⁷¹. Особенно ожесточенными были кампании 1262—63 и 1265 гг., когда боевые действия выходили далеко за пределы прилегающих к Дербентскому проходу земель.

В августе 1262 г.²⁷² через весь равнинный Дагестан двинулся за Дербент 30-тысячный отряд под командованием Ногая. В декабре разбитый в Ширване отряд Ногая отступил к Дербенту, преследуемый армией Хулагу, который послал в погоню за Ногаем войско во главе с сыном Абагой.

Абаге были подчинены отряды семи эмиров. Судя по источникам этого периода, эмир чаще всего командовал туменом: в таком случае приблизительная численность ильханской армии, перешедшей Терек, — около 70 000 всадников. Кроме того, в армию Хулагу входили и войска армянских князей.

За Терекком хулагидское войско разграбило ордынские кочевья, но в феврале 1263 г. оно столкнулось уже с огромной ордынской армией. В битве на Тереке были истреблены тысячи воинов ильхана, уцелевшие поспешно отступили. Все же армию Берке, дошедшую до Куры, удалось вскоре отгеснить, и положение стабилизировалось у Дербента: «(Хулагу) воротился за Дербендский проход и, поставив сильную стражу для охраны прохода, сам отправился на зимовку в степи Муганские»²⁷³. У Рашид ад-Дина также есть сообщение о поручении Абагой своему брату Юшумуту охраны «Дербенда, Ширвана и Мугана»²⁷⁴.

Однако все это свидетельствует не столько о пределах государства ильханов, сколько об их претензиях. После понесенного ими поражения Дербент остался в руках Орды. Об этом свидетельствуют и обстоятельства миссии шейха Шерифа Тебризи: в 1264 г. Хулагу послал его проверить, действительно ли Ногай снова «решился выйти за Дербенд»²⁷⁵.

Следующая крупная кампания²⁷⁶ началась в 1265 г. Берке двинул через дагестанскую плоскость за Дербенд авангард Ногая (не менее тумена) и Ясунтая (около 50 000 всадников)²⁷⁷. Вскоре тем же путем проследовала основная армия Берке в 300 000 всадников²⁷⁸. Потерпев неудачу в Ширване и Арране, уцелевшая часть ордынских войск возвратилась через Приморский Дагестан (по некоторым сведениям²⁷⁹ — вместе с большим Берке, умершим близ Терека). Однако военные действия продолжались (по Гандзакеци) до 1267 г.,

причем Ст. Орбелиан сообщает об упорных боях под Дербентом²⁸⁰.

Несмотря на неудачу ордынцев, Дербент, по-видимому, остался за ними. Во всяком случае, Абага-хану пришлось организовать строительство на левом берегу Куры оборонительной стены «сибех» (валы и рвы)²⁸¹ — вряд ли в этом была бы необходимость, если бы Хулагиды укрепились в Дербенте. К тому же египетские авторы, перечисляя владения, унаследованные Менгу-Тимуром от Берке, единогласно относят к ним и «Железные Ворота с тем, что к ним прилегает»²⁸².

Итак, хотя во время войны 1262–1267 гг. борьба между обеими монгольскими державами велась за Арран и Ширван, однако плоскостная и отчасти предгорная зоны Дагестана сделались плацдармом Орды. В 1262–63 гг. на всем протяжении этой части Дагестана велись ожесточенные бои, причем битва на Тереке в феврале 1263 г. была крупнейшая за все время ордыно-ильханской борьбы. За пять лет войны указанную территорию многократно пересекали многотысячные конные армии обеих воюющих сторон (по сути, равно враждебные коренному местному населению). Крупнейший экономический центр Кавказа — Дербент — стал местом постоянных боев, не раз переходившим из рук в руки. Все эти разрушительные действия сказались на жизни и городского, и сельского населения плоскости и предгорий Северо-Восточного Кавказа. Население этой его части, по-видимому, практически исчезло (было истреблено или бежало) — такой вывод в наибольшей степени согласуется с полным отсутствием упоминания о нем в источниках.

После 1267 г. сообщения о борьбе ильханов и Орды становятся противоречивыми²⁸³. Судя по египетским источникам, война закончилась при Менгу-Тимуре; далее сообщается о нескольких стычках (последнюю относят к 1271 г.)²⁸⁴ с переменным успехом. «...Они (Менгу-Тимур и Абага. — А. К.) несколько раз сражались, и Абага-хан одерживал победы. В конце концов в году... в силу крайней необходимости заключили мир... С той поры они оставили споры до времен Аргун-хана»²⁸⁵. Вассаф добавляет: «Эта вражда была посто-

янной и продолжительной, а избегание между обеими сторонами оставалось до времени царствования Гейхату-хана» (1291–1295 гг.)²⁸⁶.

С 70-х годов XIII в. заметно ослабление активности Орды на восточном Кавказе. В значительной мере это объясняется переброской ее сил на другие направления: в 1270 г. Менгу-Тимур предпринимает поход на Константинополь²⁸⁷, в 1277–78 гг. — поход на аланский город Деяков²⁸⁸, пытаясь овладеть выходом другого важного транскавказского прохода — Дарьяльского ущелья. Кстати, в связи с действиями ильхана Аргуна (1284–1291 гг.) в этом районе, источники упоминают об участии «лакзов» в снабжении «войска» (видимо, ильханского) ежедневно в течение двух месяцев. Очевидно, это первое свидетельство привлечения дагестанцев в качестве вспомогательных сил хулагидских войск²⁸⁹.

Начало перехода инициативы на Восточном Кавказе в руки Хулагидов. Положение на дагестанской плоскости и в Дербенте (последняя треть XIII в.). Источники свидетельствуют, что оборонительное значение Дербентского прохода учитывалось ордынской стороной со времен Берке. «Берке сын Туши сына Чингиз-хана, монгол, царь Кипчака... Между ним и Азербайджаном находятся Железные Ворота в известном ущелье (Дербендском. — *Прим. Тизенгаузена*). Это большие закрывающиеся ворота между двумя государствами, вверенные охране знатного эмира»²⁹⁰.

Более подробно об охраняющем Дербент эмире сообщает Рашид ад-Дин. Перечисляя потомков Джучи, он говорит о сыне Балакана Токдае (Токтае): «Этого Токдая называют (также) Мурат-Токдай (Мурид-Токдай) и Тама-Токдай; зимовья его находятся около реки Терека, у Дербенда. Уже долгое время, как он состоит во главе сторожевой рати...»²⁹¹. Итак, охрана Дербента поручена сыну Балакана (Балаги) — одного из царевичей — Джучидов. Из этого следует:

1. Не исключена возможность, что слова аз-Захаби о «знатном эмире», которому вверена охрана Железных Ворот, относятся к Токдаю, — в этом случае пришлось бы допустить, что он был направлен в равнинный Дагестан еще при Берке

(с этим хорошо согласуется указание Рашид ад-Дина на «долгое время» его службы у Дербента), т.е. до 1265 г. Если учесть, что это могло произойти после того, как его родственникам (возможно, и ему самому) пришлось бежать из Ирана (1261 г.), где был умерщвлен его отец, то поручение Токдаю охраны Дербента становится еще более понятным: он является кровником Хулагидов, что гарантирует его преданность Орде, не говоря уже о том, что он является еще и родственником правящей династии (правнуком Джучи, сына Чингиз-хана). Кроме того, семья убитого Балаги вернулась в Орду спустя двадцать лет после завоевания Джучидами ее основной территории, когда лучшие владения были давно поделены между другими членами «золотого рода» чингизидов и военными предводителями. Поэтому понятна передача в лен Токдаю территории плоскостного Дагестана, пограничное положение которого обязывало к военной бдительности, но едва ли сулило значительные доходы из-за постоянных разорительных нашествий.

Любопытны прозвища Токдая — Тама-Токтай и Муртад (Мирид, Мурид)-Токдай. «Тама» — монгольский термин, означающий отряды, несущие гарнизонную службу²⁹². Весьма вероятно, что прозвище это связано с ролью Токдая как командующего Дербентскими укреплениями (до перехода их под контроль ильханов).

2. Как указывал академик Б.Я. Владимирцов, монгольская феодальная верхушка состояла из двух ступеней: «царевичей» (чингизидов) и «ноянов» (нойонов)²⁹³. Если в нойоны можно было выдвинуться в процессе службы, то чингизидом можно было только родиться²⁹⁴. Таким образом, Токдай принадлежал к «царевичам», которые, в отличие от ноянов, пользовались правом относительного иммунитета²⁹⁵. Как проявление этого права со стороны Токдая можно рассматривать походы-набеги 1288 и 1290 гг., обладающие яркими чертами самостоятельного (негосударственного) феодального военного предприятия и возглавленные в обоих случаях Тама-Токдаем.

Походы 1288 и 1290 гг. были набегами, предпринятыми сравнительно небольшими силами (5 000.– менее 10 000 вои-

нов) с целью захвата добычи; их не возглавляли члены царствующего дома (хотя в походе 1290 г. участвовал один из сыновей хана), опирались они на ограниченную локальную базу равнинного Дагестана (последнее мы постараемся обосновать).

В исторической литературе высказывались мнения о том, что инициатива обоих названных походов принадлежала «золотоордынским ханам», стремившимся воспользоваться неурядицами в Улусе Хулагу и захватить Азербайджан, а возглавившего их Токдая отождествляли то с Токта-ханом²⁹⁶, то с Ногаем²⁹⁷. После разбора сведений о личности Токдая и обстоятельствах походов 1288 и 1290 гг. подобные предположения отпадают.

Отметим, кстати, что роль Тама-Токдая в ликвидации политического кризиса в Орде (выступление в конце XIII в. Ногай против Токта-хана) ясно показывает, что этот страж Дербентского прохода занимал в ордынских феодальных верхах довольно значительное место. В 1298 г. накануне междоусобицы, Ногай называл Тама-Токту в числе трех своих злейших врагов, выдачи которых он ультимативно требовал у Токта-хана, несмотря на происхождение Тама-Токты от Джучи и родство его как с ханом, так и с самим Ногаем (они были троюродными братьями; два других врага Ногай были простолюдины — «караджу», выслужившиеся в эмиры)²⁹⁸. С другой стороны, Токта-хан расценивал участие монгольского наместника плоскостного Дагестана Тама-Токты в борьбе на его стороне как значительный фактор победы: «Токтай потребовал к себе Тама-Токту, сына Балаги, который долгое время был защитником и хранителем Дербенда, снова двинул в поход большое войско и пошел войной на Ногай»²⁹⁹, — сообщает Рашид ад-Дин.

Итак, в последней трети XIII в. ордынские ханы создали на дагестанской плоскости (между Дербентом и рекой Терек) владение, напоминающее пограничный округ, а для охраны Дербентского прохода выделили особую «сторожевую рать» (лашкар-и-караул). Во главе этого округа долгое время стоял влиятельный член ханского рода Джучидов Тама-Токдай,

связанный с правящим домом родственными и социальными узами и неоднократно доказавший свою преданность ему. Он обладал относительным иммунитетом (включая право вести самостоятельные военные действия с соседним государством) и владел ленными пастбищами на дагестанской плоскости.

Примечательно, что на землях Улуса Хулагу, прилегающих к Дербентскому проходу, сложилась аналогичная ситуация: еще при Хулагу-хане Ширван и Арран были переданы его сыну Юшумуту с обязательством охранять выход из Дербентского прохода. При Абаге Юшумут сохранил свое положение. Несколько позже (1298 г.) туда же был назначен один из самых видных ильханских эмиров — Нурин³⁰⁰. Однако в отличие от равнинного Дагестана, Ширван в XIII в. не лишился своего населения. Ширваншахи, став вассалами ильханов, также сохраняли некоторый политический иммунитет и при Нурине (чеканка монеты³⁰¹, свидетельства исторических преданий).

Что касается Дербента, то Рубрук, сообщая в конце 1254 г. о разрушениях, виденных там, ни слова не говорит о населении города, хотя о жителях лежащего южнее Шабирана («Самарона») он упоминает³⁰². После многократного прохода через Дербент огромных вражеских армий во время войны 1262–1267 гг., а также штурма его с юга 17.XII. 1262 г.³⁰³ там вряд ли уцелели даже остатки первоначального населения.

Есть сведения, что после окончания постройки стены «сибех» в Ширване (начата не позже осени 1265 г., окончена предположительно к зиме 1266–67 гг.)³⁰⁴ возобновилась караванная торговля по Дербентскому проходу. В 1288 г. там отмечено если и не постоянное население, то «уртаки и купцы»³⁰⁵. Ограбление последних Тама-Токдаем, а также занятие ильханским войском в 1290 г. части Приморского Дагестана до Уллу-чая³⁰⁶ свидетельствует о том, что еще до набега 1288 г. Дербент перешел в руки Хулагидов. Сообщение Рашид ад-Дина за сентябрь — октябрь 1298 г. — «Эмира Нурина (Газан-хан. — А.К.) отправил в Арран для защиты области Дербенд»³⁰⁷ — подкрепляет это положение.

Вместе с тем следует отметить, что во всем эпиграфическом материале Дербента, находящемся ныне в научном обороте и насчитывающем сотни надписей, нет ни одной, поддающейся датировке и относящейся к XIII в., в то время как от предыдущего XII в., несмотря на все последующие разрушительные события, таких надписей известно не менее 27³⁰⁸. По-нашему мнению, это косвенно может свидетельствовать об отсутствии постоянного населения в Дербенте в XIII в.

Сведения о Южном Дагестане во второй половине XIII в. Прежде всего нам хочется отметить важную особенность письменных источников о Дагестане, начиная с XIII в., которой не наблюдалось в XI–XII вв. Иноземные источники описывают преимущественно события на плоскости и у Дербента, почти не касаясь горной зоны, а местные исторические предания о событиях XIII–XV вв., зафиксированные в дагестанских письменных источниках, почти не упоминают равнину и всецело посвящены событиям в горных землях. То же заметно и в эпиграфике. Безусловно, это отличие не случайно: оно отражает объективное явление нарушения связей всякого рода между горной и плоскостной частями Северо-Восточного Кавказа, начиная с этого периода.

Внутренняя часть Южного Дагестана имеет довольно богатый эпиграфический материал по XIII в., который при сопоставлении с другими местными и иноземными источниками дает достаточно цельное представление об исторической жизни этого района. Однако если учитывать лишь эпиграфический материал, содержащий сведения социально-экономического и политического характера, то целесообразно разбить его на две группы: агульскую и самурскую.

В надписях агульской группы примечательно частое упоминание феодальной титулатуры и «приказывающих» лиц: в с. Рича 1241 г. — «построить эту крепость приказал Сабадж (Басадж) б. Сулейман»³⁰⁹; 1242 г. — «приказал построить эту крепость эмир прославленный, великий шейх И-г-р-л-з б. Бек»³¹⁰; 1250 г. — «эмир преславный, великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже, венец мира и религии Адам б. Абд ал-Малик б. Му-

Земли Дагестана в XIII-нач. XV вв.

ДИДО - название исторических земель Дагестана

● **Анди** - населенные пункты, совпадающие с названиями соответствующих политических единиц (владений или общинных союзов)

⊕ Гала-места находок христианской эпитафии или остатков культовых сооружений ("Христианские древности" - по Д.М. Атаеву)

Рубас- реки

↔ -- переправы

✕ -- транзитные пути и перевалы

○ Шеки - населенные пункты

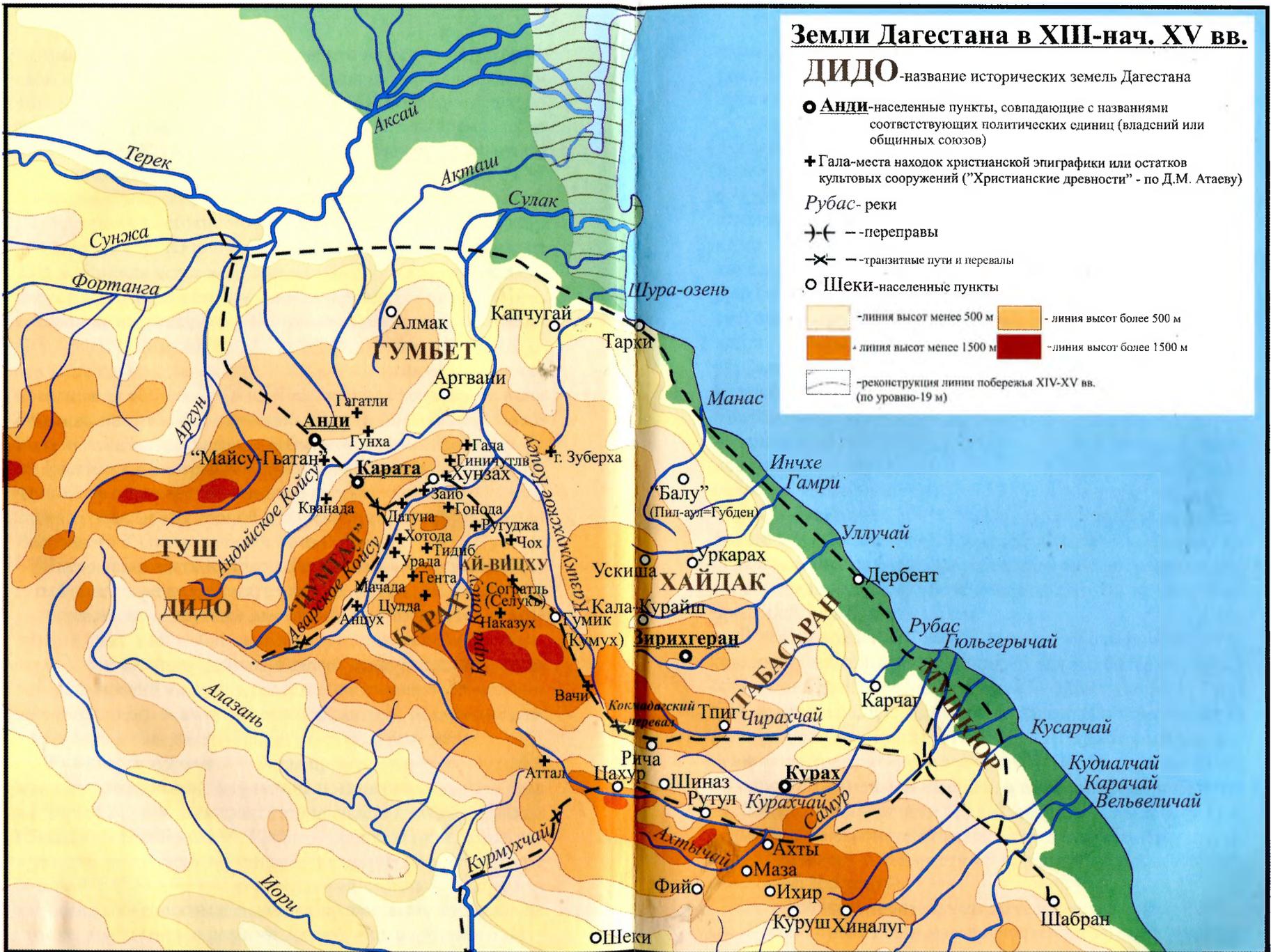
□ - линия высот менее 500 м

□ - линия высот более 500 м

□ - линия высот менее 1500 м

□ - линия высот более 1500 м

— — реконструкция линии побережья XIV-XV вв. (по уровню-19 м)

хаммад... приказал построить эту мечеть»³¹¹; 1280 г. — «построил эту мечеть М-р-х-д-л б. Басадж, а приказала ему... дочь Хусама»³¹².

Следует отметить также: 1) одновременное наличие 3–4-х титулованных и «приказывающих» лиц; 2) реальность их права приказывать подтверждена постройкой капитальных сооружений: мечетей, крепостей; 3) отсутствие в «кунья» этих лиц указаний на какую-либо степень родства между ними. Это заставляет предполагать наличие в с. Рича олигархической формы правления, осуществляемого феодализирующейся верхушкой, которая уже оформилась в высшее сословие, но еще не успела сделать свою власть наследственной и сложиться в стройную иерархическую группу.

Селение Рича сумело оправиться после монгольского нашествия. Что же касается двух других крупных селений в верховьях реки Чирагчай — Тпиг и Зулера-хуьр, существование которых в XIII в. известно по эпиграфическим источникам, то об отношениях их с селением Рича ничего не известно. Нет никаких сообщений и о политической жизни Тпига, а Зулера-хуьр³¹³ в XIII в., судя по археологическим данным, был основательно разрушен (скорее всего, тем же отрядом монголов). Однако это селение не смогло возродиться. К середине XIV в. последние его жители, по местному преданию, переехали в Тпиг.

В верхнее течение Самура, судя по эпиграфическим источникам, монголы не проникли. В год наиболее активных боевых действий против монголов — 1239 г., когда с. Рича было разрушено, в с. Цахур было завершено строительство (или ремонт) минарета³¹⁴. Вообще XIII в., который в признанном центре каменного зодчества — Дербенте — не ставил ни одной строительной надписи, в верхнем течении Самура, напротив, изобилует ими. Если говорить только о фактах капитального строительства, надежно датированных начиная с 1239 г., то до сих пор известно 8 таковых (в Рутуле, Ихреке, Мишлеше, Цахуре)³¹⁵.

Интенсивная строительная деятельность в верхнесамурском высокогорье после начавшегося монгольского нашествия

вия делает допустимым даже предположение, что это связано с притоком туда населения, т.е. беженцев, с плоскости и с предгорий, хотя в содержании надписей нет на это никаких прямых указаний.

Сведения о политической жизни Рутула и Цахура показывают, что общинные традиции оказались здесь гораздо сильнее, чем в верховьях реки Чирагчай (хотя к концу XIII в. и здесь заметно некоторое усиление феодализации). Так, во всей эпиграфике Рутула по XIII в. включительно глагол «приказал» встречен лишь дважды³¹⁶, причем в первый раз он употреблен в надписи 1150 г., касающейся постройки ханака³¹⁷, — очевидно, приказавший был не светским феодалом, а духовным лицом.

Второй случай употребления глагола «приказал» — в надписи 1284 г. из Рутула. Там он использовался в весьма любопытном контексте: первая часть надписи почти дословно повторяет вышеупомянутую надпись 1228 г.³¹⁸, но там, где прежде говорилось о «поручении джамаата», в 1284 г. появляется: «по приказу X-р-кар сына С-г-м». Это допускает предположение об усилении к концу XIII в. тенденций к феодализации в Рутуле, хотя «приказывающий» не имеет какого-либо титула и, возможно, является духовным или даже частным лицом (надпись говорит о постройке стены мечети).

Титул «амир» не встречен в описываемых надписях ни разу. Титул «бек» встречен лишь один раз³¹⁹ (в весьма скромной форме — как часть личного имени), без упоминания о «приказах» и т.п. В остальных же рутульских селениях (Амсаре, Ихреке, Лучеке и — судя по сообщению З. Казвини — в Шиназе)³²⁰ никаких свидетельств о сословном расслоении для этого времени нет.

В другом крупном центре верхнесамурских земель — Цахуре — эпиграфика по XIII в. включительно дает такую же картину. Лишь один раз упомянут «владелец минарета» (указанная выше надпись 1239 г.)³²¹.

Напротив, в с. Мишлеш надпись 1247 г. гласит, что местную мечеть «приказал построить амир величайший, амир

Бадал б. Малах» (в надпись внесена и его жена)³²². О взаимоотношениях Цахура и Мишлеша в этот период ничего не известно.

Итак, хотя верхнесамурские общества знают имущественное расслоение и социальную дифференциацию, однако, в отличие от Рича, в источниках нет свидетельств о юридическом закреплении местной верхушкой за собой в какой-либо форме своих социальных преимуществ. Единственное исключение — упоминание «амира» в одной из мишлешских надписей. Зато в качестве влиятельной силы в эпиграфике иногда фигурирует «джамаат» (Рутул).

Поэтому, на наш взгляд, данные верхнесамурской эпиграфики вовсе не противоречат сведениям З. Казвини, свидетельствующим о положении в «главном городе страны лакзов» — Цахуре, видимо, около середины XIII в. и ранее (ибо его сочинение было окончено в 1275 г.): «И нет главы у них, а есть хатиб, который молится с ними, и кадий, который разбирает тяжбы между ними по учению имама аш-Шафи'и...»³²³.

Источники XIII в. не дают никаких сведений о существовании в верхнем бассейне Самура союзов сельских общин, фиксируемых в позднейших сообщениях. Напротив, каждое селение фигурирует в сообщениях XIII в. как существующее само по себе. Правда, З. Казвини называет Цахур «главным городом», но скорее всего он имеет в виду не центр политического объединения, а просто самое крупное селение данной территории, что вполне соответствовало действительности. Обособленность, однако, не мешала взаимному общению сёл. Так, культовое сооружение в Ихреке в XIII в. воздвигли выходцы из с. Цахур — муж и жена паломники³²⁴ («хаджи»). В то же время общение с внешним миром, судя по сведениям З. Казвини, сводится к минимуму. Он извещает о дороге из Цахура в Гянджу, до которой всего 6 переходов, однако здесь же категорически подчеркивается: «Нет торговли у них...», и далее следует убедительное описание натурального хозяйства в Цахуре³²⁵. Казалось бы это плохо согласуется как с регулярным торговым путем, так и полуторавековым существованием центров образования и книжной культуры в Рутуле

и Цахуре, распространенностью арабской (и даже местной) грамотности, специализацией ремесел (металлообработка, строительное дело и т.п.) и относительным экономическим благополучием. Однако противоречия здесь, по сути, нет: З. Казвини получил свои сведения около середины XIII в., когда верхнесамурские земли были одним из редких островков стабильности в бурном море бедствий, принесенных монгольским нашествием. Очевидно, общины Верхнего Самура сознательно приняли меры к самоизоляции, дабы пережить тяжелые времена. Показательно, что ниже с. Ахты по Самуру (судя по отсутствию эпиграфики XIII в.) жизнь также замирает.

Стратегия жителей Верхнего Самура вовсе не была чем-то исключительным: примечательно, что если прежде «лакзы», нередко упоминались как участники многих военно-политических событий на Кавказе (в Тифлисе, Болниси³²⁶ и других отдаленных местах), то после 40-х годов XIII в. этот этноним фигурирует в письменных источниках лишь в связи с внутридагестанскими событиями. Встречается он, в частности, при упоминании мероприятий сахиб-дивана (самая высшая должность при ильханском дворе) Шамсуддина Джувейни, который в 1278 г. «направился в Дербенд, к горе Эльбруз и Лекзистан, и добрыми мероприятиями привел в повиновение те народы, которые никогда никому не подчинялись»³²⁷. Из этого источника видно, что, добиваясь усиления своего влияния в пограничных горных областях Кавказа (бассейнах рек Самур, Кудиалчай, Кусарчай, Гюльгерычай), государство ильханов в 70-х годах XIII в. в самом начале своей активизации на Северо-Восточном Кавказе прибегло к чисто дипломатическим средствам. Это было своего рода признание силы горных общин. Проломить их оборону в какой-то мере удалось лишь Газан-хану в 1301–1302 гг.

Внешний Дагестан во второй половине XIII в. Положение этой территории во многом определялось тем, что она примыкала к равнине, полностью контролируемой монгольскими захватчиками. Источники показывают, что наибольшую военную активность монголы проявляли в районах

обоих главных транскавказских проходов — Дарьяльского и Дербентского. Во внешнем Дагестане это подтверждается материалом его средневековых городищ, на которых велись стационарные археологические работы (Аркас, Охли, Ниж. Чогли).

Затухание жизни на Охлинском³²⁸ и Нижнее-Чоглинском³²⁹ городищах относится к XIII–XIV вв. «При нынешнем состоянии изученности пока трудно судить, были ли они разрушены во время одного из походов монгольских войск в глубь горного Дагестана или же были покинуты местными жителями и заброшены в результате нарушения экономической жизни, вызванного монгольскими завоевателями»³³⁰. В обоих случаях их запустение было следствием действий монголов.

О том, что это были лишь отдельные их набеги, а не установление устойчивого контроля, свидетельствует продолжающееся существование Аркаса, хотя монголы достигали его стен (что показывают наконечники монгольских стрел в материале XIII в. с этого городища)³³¹. Несомненным, но все же относительным, прикрытием от угрозы с плоскости была первая (Нара-Тюбинская) горная гряда, протянувшаяся от Верхнего Чирьюрта на реке Сулак до реки Гамри-озень и покрытая в то время лесами. Опираясь на этот рубеж, усиливая его фортификационными сооружениями (главным образом в проломах, образуемых выходами рек Внешнего Дагестана на плоскость)³³², население могло предотвратить установление постоянного монгольского контроля над северо-восточной частью Внешнего Дагестана и обеспечить себе этим возможность существования. Но этот своего рода «первый эшелон» обороны не всегда предотвращал прорывы сюда монголов. Более эффективной линией обороны горцев от угрозы с плоскости являлись водораздельные хребты, прикрывавшие бассейны рек Сулак и Уллучай (Гимринский хребет и южная часть хребта Лес с их отрогами). Примечательно, что какие-либо следы присутствия монголов к юго-западу от этой линии (после 1240 г.) пока неизвестны.

Отметим также, что письменные источники не дают почти никаких сведений о контактах татаро-монголов с горцами до конца XIII в., а археологические материалы свидетельствуют лишь об использовании некоторых деталей монгольского вооружения (защитные роговые кольца, более мощные составные луки³³³, возможно, и кожаные панцири). Примерно к этому же периоду большинство исследователей относит и начало строительства оборонительных башен в Чечне, Ингушетии (широко развернулось в XIV–XV вв.)³³⁴. Исторически оправданное в этот период стремление жителей горной части Дагестана изолироваться от вторжений с плоскости оказало впоследствии заметное влияние на многие стороны исторического бытия горцев.

Итак, существование оседлого населения во Внешнем Дагестане было возможно, но безопасность его от угрозы с плоскости не гарантировалась — это была своеобразная форма того «угнетения издалека», которое считалось характерным для татарских ханов. Такая ситуация закономерно вела к крайней скудности источников о жизни этой части Дагестана в рассматриваемый период. Однако о жизни его более защищенной юго-западной части все же есть некоторые свидетельства.

Для Гумика они довольно косвенны. В сообщениях местных источников, отнесенных нами к рубежу XIII–XIV вв., фигурирует сестра Кумухского шамхала (одна из жен уцмия Султан-Мухаммада и мать уцмия Султан-Алибека)³³⁵, а в надписи из с. Ашты, сделанной вскоре после перехода Зирихгерана в ислам (т.е. около 1305 г.)³³⁶ фигурирует шамхал³³⁷. Это указывает на наличие в Кумухе шамхала со времени не позднее конца XIII в. Однако надпись 1318 г. из с. Худуц показывает, что власть шамхала была серьезно ограничена «старшинами» и знатными «домами». Фактически они распоряжались владениями Гумика (вплоть до передачи доходов с зависимого аула Худуц общине Андж.б.к. — видимо, зирихгеранского с. Анчибачи)³³⁸. Олигархическое правление в Гумике, имевшее весьма давние традиции³³⁹, сохранялось, таким образом, и в XIV в.

Зирихгеран накануне исламизации, очевидно, переживал политический кризис. Согласно преданию, которое мы относим к концу XIII в., среди жителей главного селения Зирихгерана происходит раскол, причем меньшая часть жителей основывает с. Ашты³⁴⁰.

Вскоре от Зирихгерана отпадает и с. Шири, став базой «газийских походов» шейха Хасана на его столицу³⁴¹. Эти факты внутреннего и внешнего кризиса Зирихгерана к концу XIII в. согласуются с мнением Е.М. Шиллинга о времени строительства крепостных стен с башнями-фортами (их остатки сохранились донныне вокруг главного селения «страны Зирихгеран», что дает основание исследователю отнести их «по крайней мере к XIII–XIV вв.»³⁴²).

Внутренний Дагестан во второй половине XIII в. В канун захвата отрядом газиев Хунзаха, т.е. в начале второй половины XIII в., арванинское историческое предание отмечает продолжающуюся активную экспансию Сураки в гумбетовских землях³⁴³. «Тарих Дагестан» указывает на наличие райатов Сураки к этому времени в Тушетии³⁴⁴.

Очевидно, что продолжающееся отвлечение военных сил нуцала вновь оказалось благоприятным для удара газиев по Хунзахскому княжеству — на этот раз с юго-востока. В составе «Сказания об Аргвани» и «Тарих Дагестан» уцелели части предания об этом вторжении, по которым можно восстановить ход событий:

— Однажды (называются даты от 654³⁴⁵ до 900³⁴⁶ г.х., т.е. от 1256 до 1494 гг. н.э.) войско газиев под руководством шейхов Ахмада, Абдуллы, Абу-Муслима и Абд ал-Муслима (Абдулла либо Абд ал-Муслим в некоторых списках опускаются) направилось (иногда указывается: из Кара-Хайдака) в Аварию, где правил «неверный» нуцал Сурака (иногда добавляется его брат Кахру). Сначала они одолели Кахру в Чирьюрте (иногда сюда относят гибель Ахмада и Абдуллы), затем был захвачен Хунзах (иногда при этом гибнет Абд ал-Муслим)³⁴⁷. Сурака погиб (исчез), а его сын Байар (Байар-Аббас, Йар-Аббас, Байрам-пас) бежал в Туш³⁴⁸. В Хунзахе устанавливается теократическое правление газиев.

— Согласно «Тарих Дагестан», затем верховная власть (к тому же наследственная) досталась Маасум (Мавсум)-беку, а религиозная и административно-исполнительная («имам, хаким и вали их») — Шейху Абу-Муслиму³⁴⁹ — фиктивность этой части сочинения несомненна³⁵⁰, поэтому отметим лишь указанные там имена влиятельных газиев накануне реставрации прежней династии: правитель Амир-Ахмад и «потомок Шейха Абу-Муслима» — Абу-л-Муслим³⁵¹ («Сказание об Аргвани» называет только имама Абу Муслима³⁵²).

По «Тарих Дагестан» видно, что газии контролировали лишь «вилаят Хунзах», превратив его в базу исламских походов на другие части Внутреннего Дагестана. «Таким образом, мусульмане подчинили все области жителей гор, т.е. Дагестан, частью силой, сражением, разрушением, частью — исламом и хорошим обращением. Затем они обосновались во всех частях страны. У них был обычай назначать в каждое селение или город, которым овладели, своего амира и правителя (вали) и поселять часть мусульман среди них, чтобы превзойти (числом?) местных жителей...»³⁵³. «Сказание об Аргвани» кратко сообщает, что газии захватили крепости и поселения Кахру и Сураката, убили обоих, и Абу Муслим стал имамом Аваристана³⁵⁴.

Крайне трудно судить о степени аутентичности всех этих сведений, особенно деталей. Рассказ о вторжении газиев, а затем о притоке мусульманского населения (вероятно, беженцев из разоренной монголами плоскостной и предгорной полосы Дагестана) в горные области, не затронутые нашествием монголов, согласуется с более ранними историческими фактами. В самом деле давнее существование в Дагестане традиции «газийских походов», газийских баз и центров (ранее всех Дербенд, затем «сугуры», а с XII в. возможно и Кала-Курейш, и даже Кумух)³⁵⁵, а также газийских дружин, постоянно пополняемых пришлыми и местными исламскими элементами, — все это обосновано надежными источниками вплоть до XII в.³⁵⁶. С другой стороны, исчезновение населения в плоскостной и предгорной полосе Дагестана в середине XIII в.³⁵⁷ предполагает не только его гибель, но и ча-

стичный отток (беженцы). Впрочем, основная масса беженцев осела, видимо, во Внешнем Дагестане: «И нет в Аварии ни одного коренного мусульманина. В других дагестанских вилайатах (т.е. во Внешнем Дагестане. — А.К.) население представляет смесь коренных мусульман и тех, среди которых распространен ислам»³⁵⁸. Добавим, что данная в местных источниках картина ухода населения в более безопасные места не содержит противоречий установленным историческими фактам.

После насильственного прекращения правления Сураки его сын Байар прожил в изгнании, и лишь Амир-Султан б. Байар сверг власть газиев в Хунзахе³⁵⁹ — эти события должны занять время, несколько превышающее продолжительность жизни одного поколения. Это близко к сообщению «Сказания об Аргвани», определяющему газийское правление в Аварии в течение «примерно 30 лет»³⁶⁰.

Окончание правления газиев во всех источниках связано с исчезновением Абу Муслима: в разных версиях он либо умирает³⁶¹, либо бежит из Аварии в Кумух³⁶², либо даже гибнет от стрелы во время джихада в Гидатле³⁶³. Реставрация прежней династии, а заодно и «неверия» наиболее подробно описана в «Тарих Дагестан»: Амир-Султан смог собрать войско «начиная от Цумтал и кончая Аришти» (т.е. в районах высокогорья Дагестана, Тушетии и Чечни)³⁶⁴ и тайно заручился помощью своих сторонников в Хунзахе. Их оказалось достаточно, чтобы спрятать по домам войско Амир-Султана, пришедшее «тайком, темной ночью в вилайат Хунзах». Отметим, что это свидетельствует о поверхностном характере газийской исламизации, а также о недовольстве населения правлением газиев, не сумевших за 30 лет добиться хотя бы лояльности аварцев. С этими событиями уместно сопоставить сообщения об успешной деятельности грузинских миссионеров в период царствования Димитрия Самопожертвователя (1270–1289 гг.) среди «леков, которые и пребывают в вере христовой»³⁶⁵, что соответствует и археологическим данным³⁶⁶. Следовательно, христианство продолжало сохранять там свои позиции.

Далее события развивались так: улучив удобный момент, «в следующую ночь до рассвета» воины Амир-Султана и их местные союзники («ложно принявшие ислам») напали на мусульман, убили Амир Ахмеда и перебили всех его сторонников³⁶⁷. «Амир-Султан занял престол своего отца подобно тому, как занимали его древние предки. Его народ отклонился (от ислама) и началась война между ними и мусульманами. Вражда и распри продолжались 24 года»³⁶⁸.

Примечания

157. Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 179 (данные Е.А. Пахомова). См. также: Бартольд В.В. Соч. Т. II. С. 887; Ибн ал-Асир, впрочем, считает, что Гаршасп низложил отца лишь в 1225 г. (см. его: Тарих ал-Камиль. Баку, 1940. С. 151–152).
158. Йакут. Муджам ал-булдан. Цит. по указ. соч. Минорского В.Ф. С. 187.
159. Там же. С. 113.
160. См.: Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды II сессии ассоциации арабистов. М.-Л., 1941. С. 96.
161. Лавров Ч. I. С. 63–64, см. также С. 176.
162. Там же. С. 78, № 67.
163. Там же. С. 79–80, № 69.
164. Шихсаидов А.Р. Надписи из Хнова // Древности Дагестана (МАД V). Махачкала, 1974. С. 265.
165. Генко А.Н. Там же.
166. Агларов М. Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана // Дагестанский этнографический сборник. Вып. I. Махачкала, 1974. С. 205–206.
167. См.: Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. С. 162.
168. Лавров Ч. I. С. 83, 97–98 (№ 75, 133).
169. Это название дано Малачихановым Б.Г. прослеженному им средневековому транскавказскому пути через Южный, Внешний и Внутренний Дагестан вместе с ответвлением на Грузию. См.: Малачиханов Б.Г. Указ. соч. С. 185 и далее.

170. (Ал-Гарнати). Указ. соч. С. 49.
171. Там же. С. 50–51.
172. Lettre de m. Khanykov à m. Dorn 8 (20) avril 1857, Tebriz // Melanques asiatiques, t. III, 1859. P. 127, an. 12.
173. Али-заде А.А. Указ. соч. С. 223–224. Добавим, что согласно Ашурбейли С.Б. «известны находки... бронзовых изделий из Кубачи, обнаруженных на территории старого Баку в указанный период» (см.: Ашурбейли С.Б. Очерки истории средневекового Баку. Баку, 1964. С. 83).
174. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. М.-Л., 1949. С. 12, прим. 17.
175. Там же. С. 6.
176. Там же. С. 179–180.
177. Там же. С. 180. Впрочем, автор оговаривает предварительный характер своих выводов: оценивая сведения X–XVIII вв. о селекции Кубачи, он говорит: «насколько единогласно звучат показания об основном занятии народа, настолько неясны данные, касающиеся общественного строя кубачинцев» (с. 146).
178. Там же. С. 192.
179. Там же. С. 49.
180. Там же. С. 26.
181. Йакут. Указ. соч. С. 15.
182. Шихсаидов А.Р. К вопросу о локализации Филана // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 84. См. также: (ал-Гарнати) Указ. соч. С. 64, прим. 25 и исторический комментарий Монгайта А.Л. С. 93. Нам кажется справедливым и указание Шихсаидова на то, что народ «дархан» — всего лишь ошибочное написание «зирих (тиран)». См. его: Указ. соч. С. 83.
183. Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 86–87. Айтберов убедительно доказывает простираание Шандана по всей предгорной части р. Аргузен и к северу от нее (см. его: Центральная часть Восточного Дагестана в VII–XIII вв. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 34–37 (Шандан)).
184. Шихсаидов А.Р. Там же; Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. Махачкала, 1972. С. 19–21.
185. См. перевод Шихсаидова А.Р. в его книге: Ислам в средневековом Дагестане. С. 171–174.

186. Абд ар-Рашид ал-Бакуви. *Китаб талхис ал-асар ва аджа'иб ал-малик ал-каххар*. М., 1971. С. 101.
187. Атаев Д.М. Указ. соч. С. 201–202.
188. Там же. С. 209–210.
189. В экспозиции Дагестанского краеведческого республиканского музея.
190. В школьном музее Хунзахской СШ. Указанная надпись датирована палеографически в 1974 г. сотрудником Института рукописей АН ГССР Силогава В., а в 1975 г. — сотрудником Института истории АН СССР археологом Гамбашидзе Г. Оба они обратили наше внимание на то, что на боковой поверхности того же креста — надпись XIV–XVI вв.
191. Гамбашидзе Г.Г. К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа // II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977. С. 13.
192. См.: Гл. IV. С. 159 данной работы (там же — указания памятников).
193. Дебиров П.М. *Резьба по камню в Дагестане*. М., 1966. С. 30, рис. 49–50 и 53.
194. По отношению к нему имя «Суракат» может быть употреблено лишь условно. Еще Малачиханов Б.Г. (Указ. соч. С. 6) указывал, что данный нуцал (т.е. отец Байара, дед Амир-Султана) не мог носить это чисто арабское имя, которым его «наделили» позднейшие авторы местных исторических сочинений.
195. Для рассматриваемого периода термин «Авария» (Аварское княжество, Нуцальство) приложим лишь в отношении к Хунзахскому нагорью и в какой-то мере к землям к северу и к западу от него, подпадавшим под контроль нуцалов. Распространение этого названия на весь Внутренний Дагестан относится к гораздо более позднему времени (см. по этому поводу: Малачиханов Б.Г. О прошлом Аварии. Махачкала, 1928. С. 11).
196. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 104–105.
197. Любезная консультация кандидата филологических наук Микаилова К.Ш. См. также: Криштопа А.Е. О возможном происхождении дагестанского титула «нуцал» // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989. С. 72–80.

198. Сказание об Аргвани. С. 10, 15, 21 (соответственно: Т-нхал, 'Инхал, Имилта, Куруда = К(ь) арата); см. также: Семенов Н. Указ. соч. С. 218.
199. Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Херсонесе, Готфии, Осетии, Хазарии, Дидоэти и России // СМОМПК 26, 1899. С. 95–96; см. также: Бердзенишвили Н. и др. *История Грузии*. Ч. I. Тбилиси, 1950. С. 224.
200. Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописцев и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК 22, 1897. С. 81–82.
201. Атаев Д.М. *Нагорный Дагестан в раннем средневековье*. Махачкала, 1963. С. 199, 206–207.
202. Джанашвили М.Г. Указ. соч. С. 50.
203. Обнаружил в 1975 г. ст. лаборант ИЭМ ДГУ Х. Магомедов.
204. Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.: Дис. ... доктора ист. наук. Тбилиси, 1971. С. 198–199, 212, 234–239, 241–244.
205. Обстоятельный разбор этой темы см.: Тахнаева П.И. *Христианская культура средневековой Аварии в контексте реконструкции политической истории (VII–XV вв.)*. Махачкала, 2004.
206. Ибн ал-Асир. Указ. соч. С. 142.
207. Там же. С. 145; ан-Насави. Указ. соч. С. 220.
208. Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 186; Бартольд В.В. *Дербенд*. С. 425.
209. Рубрук Г. Указ. соч. С. 186.
210. (Ал-Гарнати). Указ. соч. С. 26.
211. Исходя из естественно-географического членения Дагестана, различаются горная и равнинная части (в пределах последней выделяется Приморский Дагестан). Горная часть разделяется реками: 1) бассейны Самура, Гюльгерычая, Рубаса — Южный Дагестан; 2) бассейны четырех Койсу — Внутренний Дагестан (здесь выделяется Высокогорье — цепь котловин между Боковыми и Главным хребтами); 3) восточная полоса горной части с прямым стоком ее рек в Каспий — Внешний Дагестан. Исторические коррективы к такому разделению — заметное в XIII–XV вв. тяготение Газикумуха и Табасарана к Внешнему Дагестану.
212. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. I. Кн. I. С. 209.
213. Бартольд В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. Соч. Т. I. С. 479, 485–486 (у Рашид ад-Дина ошибки в хронологии).

214. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. I. С. 209.
215. Согласно Ибн ал-Асиру (Указ. соч. С. 140), в ноябре 1221 г. они захватили Байлакан. Некоторое время ушло затем на движение к Гяндже, а далее — на осаду Шемахи, после чего они подошли к Дербенду.
216. Ибн ал-Асир. Указ. соч. С. 138.
217. Гандзакеци. С. 3; Ибн ал-Асир. Указ. соч. С. 141–142; Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. I. С. 228–229.
218. Гандзакеци. Там же; Себасти. Летопись // Армянские источники о монголах. М., 1962. С. 23.
219. Ибн ал-Асир. Указ. соч. С. 136.
220. Там же. С. 142.
221. Там же. С. 145.
222. Федоров Я.А. Происхождение кумыков: Автореф. дис. ... доктора, ист. наук. М., 1961. С. 11.
223. Ибн ал-Асир. Указ. соч. С. 148.
224. Там же. С. 145; ан-Насави. Указ. соч. С. 220.
225. Ан-Насави (предисловие Буниятова З.М.) С. 28–29.
226. Там же. С. 25–39: подробный разбор Буниятовым З.М. этой проблемы. См. также: Али-Задэ А.А. Указ. соч. С. 109–110.
227. Ибн ал-Асир. Указ. соч. С. 159.
228. Ан-Насави. Указ. соч. С. 224; Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. II. С. 27–28 (следует сделать поправку в дате, прибавив 10 лет).
229. Ан-Насави. Указ. соч. С. 221–221.
230. Там же. С. 274.
231. Ибн ал-Асир. Указ. соч. С. 171–176; ан-Насави. Указ. соч. С. 268.
232. Мхитар Айриванеци. Хроника // Армянские источники о монголах. С. 88; Галстян А. Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 162.
233. Петрушевский И.П. полагает, что Дербенд также был захвачен Чормагуном (см. его: Иран и Азербайджан под властью Хулагидов // Татаро-монголы в Азии и Европе. С. 225), однако не подкрепляет это свидетельствами источников.
234. Лавров. Ч. I. С. 81 № 72; С. 82, 83 (№ 73, 75).
235. Лавров. Ч. I. С. 83 (№ 75).
236. Айтберов Т.М. Еще раз о монгольском нашествии на Дагестан. С. 101 справа (буквальный перевод текста).

237. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. II. С. 39.
238. Лавров Ч. I. С. 185–188; История Дагестана. Т. I. М., 1967. С. 203–204; Шихсаидов А.Р. Надписи рассказывают. С. 11–26.
239. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 112; Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 100–101.
240. Гандзакеци. С. 61.
241. Там же. С. 22; Вардан. С. 9; Себасти. Летопись // Армянские источники о монголах. С. 26; Договор Мункэ-хана и Гетума I. Там же. С. 67.
242. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны... С. 186. Рубрук сообщает, что для охраны выходов из ущелий выделено 20% (по 2 человека из каждого десятка) войск, подчиняющихся Сартагу сыну Бату.
243. Там же.
244. Договор Мункэ-хана и Гетума I // Армянские источники... С. 67.
245. Гандзакеци. С. 22, прим. 32.
246. Лавров Ч. I. С. 82 (№ 72).
247. Там же. Ч. I. С. 81 (№ 73).
248. Там же. С. 83 (№ 75).
249. Рубрук Г. С. 187.
250. Вардан. С. 9; еп. Степанос. Летопись // Армянские источники... С. 35; Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. II. С. 140–141.
251. Рашид ад-Дин свидетельствует, что Аргун-ака с этой целью, а также для упорядочения взимания налогов проезжал «через Дербенд в столицу Бату». (Там же. С. 149–150).
252. Там же. С. 81.
253. Там же. С. 69.
254. Гандзакеци. С. 88; Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. II. С. 81.
255. Их разбор см. в работах Али-Задэ А.А. Монгольские завоеватели в Азербайджане и сопредельных странах в XIII–XIV вв. // ВИ № 8, 1952. С. 59–65; его же: Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XV вв. Баку, 1956. С. 110–112, 114–120, 127–134; Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 223–225, 227–229, 233–234, 236–240.
256. Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 236–237.
257. Там же. С. 238.

258. Мы имеем в виду не весь Улус Джучи, а лишь его «правый фланг» — державу Бату, Берке и его потомков, — именовавшуюся в то время Белой Ордой (о правильности соотношения названий «Белая» и «Синяя» Орда см.: Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 14–15; Федоров-Давыдов Г.А. «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1969. С. 224–230). Название «Золотая Орда» появилось в русских источниках с конца XVI в. — в XIII–XV вв. ее называли просто «Ордой» (см.: Егоров В.Л. Государственное и административное устройство Золотой Орды // ВИ, 1972. № 2. С. 33–34). Поэтому далее державу Бату мы будем обозначать термином «Орда», хотя и сознаем его условность.
259. Рашид ад-Дин. Там же. С. 81–82; Гандзакеци. С. 105; Магакия. С. 31–32.
260. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. III. С. 59–60.
261. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. III. С. 54.
262. Джанашвили М.Г. Указ. соч. // СМОМПК XXII. С. 45 («Картлис-Цховреба»).
263. Магакия. С. 32.
264. Там же. С. 91–92, прим. 58 (Патканова).
265. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. II. С. 75.
266. См. главу I § 7 данной работы.
267. Сказание об основании аула Аргвани. С. 11, 15–17, 21, 23, 26; см. также: Семенов Н. Указ. соч. С. 218, 221, 222.
268. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. II. С. 81.
269. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. III. С. 54.
270. Магакия. С. 32.
271. Гандзакеци. С. 106. Магакия говорит даже о 10-ти годах войны.
272. Наиболее полные и непротиворечивые сообщения о кампании 1262–63 гг. дают Рашид ад-Дин (Указ. соч. Т. II. С. 82; Т. III. С. 59–60), а также Х. Казвини, Вассаф, «Тарих-и Шейх Увейс» (см.: Тизенгаузен II, соответственно с. 91–92, с. 81 и с. 99) и Гандзакеци (с. 105–106).
273. Гандзакеци. Указ. соч. С. 106.
274. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. III. С. 68.
275. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. III. С. 61.

276. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. II. С. 82; Т. III. С. 68–69; Тизенгаузен I: ан-Нувейри. С. 152; Р. Бейбарс. С. 121; аз-Захаби. С. 203; Ибн Кесир. С. 276; Ибн Халдун. С. 380; Тизенгаузен II: Казвини Ч. С. 92; «Тарих-и Шейх Увейс». С. 99; Гаффари. С. 210.
277. Тизенгаузен I: ан-Нувейри. С. 152; ал-Айни. С. 509.
278. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. III. С. 69; Тизенгаузен II: «Тарих-и Шейх Увейс». С. 99; Гаффари. С. 210.
279. Рашид ад-Дин. Там же; Тизенгаузен II: «Тарих-и Шейх Увейс». Там же.
280. Ст. Орбелиан. С. 48.
281. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. III. С. 69; Тизенгаузен I: аз-Захаби. С. 204–205; Тизенгаузен II: Вассаф. С. 82; Вардан. С. 27.
282. Тизенгаузен I: ан-Нувейри. С. 153; ал-Айни. С. 510.
283. Так, аз-Захаби все обстоятельства похода Берке 1265 г. приписывает Менгу-Тимуру (Тизенгаузен I. С. 204), а Ибн Халдун, очевидно, введенный в заблуждение сходством имен последнего и одного из царевичей-хулагидов, пишет о совместных (!) действиях Менгу-Тимура и Абаги в Сирии (!) (см.: Тизенгаузен I. С. 380–381).
284. Тизенгаузен I: аз-Захаби. С. 205; Ибн Кесир. С. 276; ал-Айни. С. 512. Но Рашид ад-Дин примерно к тому же времени относит поздравление от Менгу-Тимура Абаге (Указ. соч. Т. III. С. 87–88. См. также: Тизенгаузен II; Рашид ад-Дин. С. 78).
285. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. II. С. 82. Год заключения мира пропущен в тексте источника.
286. Тизенгаузен II: Вассаф. С. 82.
287. Тизенгаузен I: ал-Айни. С. 511.
288. ПСРЛ. Т. XVIII (Симеоновская летопись). СПб., 1913. С. 75.
289. «И из подвигов Аргуна было завоевание Гуржистана. (Туда) было послано 300 тыс. воинов, одетых в сталь. Они полных два месяца воевали в Дербенде Гуржистана (Дарьял? — А.К.). Каждый день от лакзов посылалась помощь — пища и другое. Наконец, завоевали (его), и поражение пало на войско неверных...» и т.д. — из вставки на полях рукописи исторического сочинения 745 г.х. = 1344–5 гг., обнаруженной в Стамбуле академиком В.В. Бартольд-дом (см. его: О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира. Соч. Т. VIII. С. 235, сн. 66). Сам он, впрочем, называет ее «удивительной вставкой» и «курьезом».

290. Тизенгаузен I: аз-Захаби. С. 204.
291. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. II. С. 74.
292. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. I. Кн. 2. С. 279.
293. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1934. С. 117.
294. Там же. С. 145.
295. Там же. С. 116.
296. См.: Али-задэ А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956. С. 321–322.
297. Hammer-Purgstall J. Op. cit., 376, 388.
298. Накануне междоусобицы Токта-хан потребовал у Ногай немедленного возврата хошунов, самовольно взятых последним под свое командование, «...но Ногай также не согласился, сказав: "Я отошлю их тогда, когда он (Токта-хан) придет ко мне Салджи-дая, сына его Яйлага и Тама-Токту"» (Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. II. С. 85).
299. Рашид ад-Дин. Там же.
300. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. III. С. 184.
301. Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 179.
302. Рубрук Г. Указ. соч. С. 186–187.
303. Рашид ад-Дин. Там же. С. 60.
304. Рашид ад-Дин. Там же. С. 69.
305. Рашид ад-Дин. Там же. С. 120.
306. Рашид ад-Дин. Там же. С. 127.
307. Рашид ад-Дин. Там же. С. 184.
308. Лавров Ч. 1. С. 63–76, Ч. 3. С. 27.
309. Лавров Ч. 1. С. 81 (№ 72).
310. Там же. С. 82 (№ 73).
311. Лавров. Указ. соч. Ч. 1. С. 83 (№ 75).
312. Там же. С. 85 (№ 810).
313. См.: Шихсаидов А.Р. Несколько арабских надписей из Южного Дагестана // МАД III. С. 105.
314. Лавров. Ч. 1. С. 80 (№ 70) (см. также комментарий С. 185).
315. Там же. С. 80–87 (№ 70, 74, 75, 82, 85), а также с. 115 (№ 277) (относится к 1302 г. — о причинах ее включения сюда скажем ниже) и новая надпись 1284 г. из Рутула, опубликованная Шихсаидовым А.Р. (см. его: Новые эпиграфические памятники Даге-

- стана // Вопросы истории Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1974. С. 141–142). Надписи № 79 и 84, опубликованные в указ. соч. Л.И. Лаврова (соотв. С. 85 и 87), мы сюда не включаем, ибо не согласны с их датировкой.
316. Лавров. Ч. 1. С. 63–64 (№ 16) и надпись 1284 г. из Рутула, опубликованная Шихсаидовым. См. его: Новые эпиграфические памятники Дагестана. С. 141–142.
317. Лавров. Там же.
318. Лавров Ч. 1. С. 79 (№ 69).
319. Там же. С. 94 (№ 117).
320. Там же. С. 191, комментарий 116.
321. Там же. С. 80 (№ 70).
322. Там же. С. 82 (№ 84).
323. Генко А.Н. Указ. соч. С. 96.
324. Лавров А.Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 87 (№ 85).
325. Генко А.Н. Указ. соч. С. 96.
326. См.: С. 65 данной работы.
327. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. III. С. 92.
328. Абакаров А.И. Некоторые предметы вооружения монгольского времени из горного Дагестана // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 259.
329. Абакаров А.И. Топография раннесредневековых городищ горного Дагестана // V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975. С. 102.
330. Абакаров А.И. Некоторые предметы... С. 261.
331. Там же. С. 256. См. также: С. 319, рис. 39 (4).
332. Характерный пример — Охлинское II городище перед Аймакинским проходом: 2–3 ряда рвов, валов, усиленных массивными (толщина 4–5 м) каменными стенами и башнями. См.: Абакаров А.И. Топография раннесредневековых городищ... С. 101.
333. Абакаров А.И. Некоторые предметы... С. 259–260.
334. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. С. 46; Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965. С. 104 (в обоих случаях речь идет об остатках башни близ с. Харачой).
335. Берже П. С. 1073–1074.
336. См.: Криштопа А.Е. К вопросу о письменных источниках... С. 173; Из дагестанских памятных записей (составители Айтбе-

- ров Т.М., Шихсаидов А.Р.) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала. 1980. С. 117–118, 119–120.
337. Лавров Л.И. Новое о Зирих-Геране и казикумухских шамхалах. С. 216–217; Шихсаидов А.Р. Новые эпиграфические памятники // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978–1979 гг.: (тазисы докладов). Махачкала, 1980. С. 44.
338. Шихсаидов А.Р. Там же. С. 42–43.
339. Отмечено у Мас'уди (X в.). См.: Минорский В.Ф. Указ соч. С. 203 (Приложение III: Мас'уди о Кавказе. Мурудж ад-Дзахаб); примечательно, что письмо ширваншаха Ферибурза (рубеж XI–XII вв.) обращено к «обществу жителей Гумика» и не упоминает какого-либо владетеля. См.: Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. С. 172.
340. Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 7
341. Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 8–11; Из дагестанских памятных записей. С. 117–118, 119–120.
342. Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 42.
343. Сказание об Аргвани. С. 17.
344. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. С. 206.
345. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 108.
346. Сказание об Аргвани. С. 17.
347. Эта часть предания изложена главным образом по «Сказанию об Аргвани». С. 17–19; см. также: Семенов Н. Указ. соч. С. 221.
348. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 108.
349. Там же.
350. См.: гл. I § 7 данной работы.
351. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 108.
352. Сказание об Аргвани. С. 19.
353. Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 109.
354. Сказание об Аргвани. С. 18–19.
355. См.: Ахмедов Ш.М. К вопросу о распространении ислама в Дагестане // Вопросы истории Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1975. С. 111–123.
356. Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 46, 48, 68, 70, 124; (ал-Гарнати). Указ. соч. С. 50–51.

357. См.: С. 75, 79, 81–82 настоящей работы. Кроме того, на с. 81–92 мы указываем на допустимость предложения о притоке беженцев на земли в верховьях Самура.
358. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 112.
359. Там же. С. 110–111.
360. Сказание об Аргвани. С. 19 (фиктивность сообщения «Тарих Дагестан» о смене 4-х поколений газиев в Хунзахе отмечена в гл. I § 7 настоящей работы).
361. Там же. См. также Семенов Н. Указ. соч. С. 222.
362. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 111.
363. Малачиханов Б. О прошлом Аварии. Махачкала, 1928. С. 17.
364. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 110.
365. Цулая Г.В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа. КЭС VII. М., 1980. С. 201.
366. См.: Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. С. 206–212.
367. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 110.
368. Там же. С. 111.

Глава III

Соперничество за равнину и оживление Нагорья (первая половина XIV века)

§ 1. Ослабление военного противоборства на равнине. Перемены в Горном Дагестане и феодальная война начала XIV века

Усиление ильханского влияния на равнине Дагестана и в Дербенте (90-е годы XIII в. — 1318 г.). Сложившееся к этому времени преобладание Хулагидов на Восточном Кавказе, разумеется, не поколебалось от двух набегов (1288 г. и 1290 г.), предпринятых местными силами пограничного владения. Токта-хан, пришедший к власти в Орде в 1290 г., все еще чувствовал свою зависимость от Ногая и внутривосточную напряженность в Орде. Поэтому он настойчиво добивался замены существовавшего вынужденного и непрочного перемирия с ильханами (которое Вассаф удачно определил как «избегание») более надежным миром, гарантирующим безопасность южных границ его государства. Военные действия на равнине Восточного Кавказа прекратились почти на 30 лет, причем это было время усиления здесь ильханского влияния (выше уже приводилось сообщение Рашид ад-Дина о назначении в 1298 г. ильханского амира Нарина в Арран и Дербент)³⁶⁹.

Примечательно и совпадение этой даты с началом открытой войны Токты с Ногаем, когда внимание ордынской верхушки к окраинам сильно ослабло. В 1299—1300 гг. Токта-хан даже отозвал из Дагестана для борьбы с Ногаем Тама-Токтая

с его войском — таким образом, на короткое время прекратилась ордынская оккупация равнины Дагестана³⁷⁰.

Кстати, к 1301 г. относится сообщение Рашид ад-Дина о том, что когда Газан-хан приблизился к Дербенту, то «царь улуса Токта обратился в бегство, а находившиеся поблизости к этой стороне царевичи и эмиры его... отправились на ту сторону рек»³⁷¹ (имеются в виду многочисленные реки Восточного Кавказа, впадающие в Каспий). Следовательно, до похода Газан-хана в 1301 г. по эту «сторону рек», т.е. в Дагестане, находились ордынские «царевичи и эмиры», а ставка хана Токты также располагалась невдалеке.

Вскоре, однако, почувствовав упрочнение своей власти и укрепив союз с Египтом, Токта-хан возобновил традиционные претензии Джучидов на Азербайджан. Через Приморский Дагестан в 1302—03 гг. проследовало его внушительное посольство с ультимативными требованиями уступок.

Судя по речи послѳв (в передаче Вассафа), Токта-хан сосредоточил на южной границе Орды крупные силы: «...начиная от пределов Крыма и Каракорума (в низовьях Сыр-Дарьи. — *Прим. ред.*) до окрестностей Дербента 10 туменов с лишним». Если даже численность пограничных войск была преувеличена послами (более 100 000)³⁷², то все же, надо полагать, ордынцы сосредоточили к северу от Дербента, в Приморском Дагестане, значительную армию.

Газан-хан, однако, решительно отклонил эти претензии. В ответной речи ильхана, помимо прямого ее смысла, примечателен упрек послам в излишней их расточительности (те явились ко двору тремя группами, на 325 почтовых конях): «...посланнику вполне достаточно пяти нукеров; занимать же столько почтовых лошадей («улаг») от пределов Дербента, составляющего пограничную линию между нашими владениями... — значит, уклоняться от исполнения правил ясак»³⁷³.

Это сообщение свидетельствует о наличии в Дербенте почтовой станции (ям) — конечной на государственном почтовом тракте, состоящем из цепи таких станций (организация монгольской государственной почты хорошо изучена)³⁷⁴,

что согласуется и с эпиграфической находкой А.В. Комарова в Дербенде — надписью³⁷⁵, согласно которой некий Хаджи Амир б. Хаджи-Тавакли-амир передал 10 мая 1301 г. в вакф почтовой станции (чапар-ханэ) источник воды и колодец. Персидский язык надписи не оставляет сомнения в принадлежности станции именно к ильханской сети трактов, охватившей Иран. Она свидетельствует также о наличии в Дербенде этого времени владельцев недвижимой собственности и, следовательно, постоянного населения.

Непосредственными владельцами Дербенда становятся вассалы ильханов — ширваншахи (не позднее начала XIV в.). В своем письме (между 1315 и 1318 гг.) Рашид ад-Дин, сообщая о женитьбе своего сына на дочери тогдашнего ширваншаха, говорит о роде последнего: «...до настоящего времени они являются государями Дербенда»³⁷⁶.

К этому можно добавить еще одно свидетельство о контроле ильханов над Дербендом на рубеже XIII—XIV вв. — упоминание его среди пограничных областей державы Газан-хана в речи последнего незадолго до смерти (1304 г.)³⁷⁷.

Впрочем, вплоть до конца 1328 г. в ордыно-хулагидской пограничной полосе царил относительный мир. Сообщение о стычке осенью 1308 г. не меняет общей картины, хотя и показывает, что обе стороны держали здесь свои сторожевые отряды³⁷⁸. Еще в 1314 г. через равнинный Дагестан проследовало на юг большое посольство от хана Узбека, на 150 конях, во главе с Гейхату и четырьмя старшими эмирами³⁷⁹.

Однако в канун кампании 1318 г. прослеживаются признаки утраты Хулагидами военно-политической инициативы на Восточном Кавказе (хорезмский инцидент 1315 г. и уступка Улджайту³⁸⁰; затем появление в 1317 г. на ильханском троне малолетнего Абу-Саида и начало регентства амира Чупана, ознаменовавшегося острым политическим кризисом)³⁸¹. Вести о борьбе придворных партий, появление перебежчиков из Ирана, мятеж в Хорасане и призывы его зачинщика Ясаула к Орде о военном союзе и помощи против ильхана³⁸² — все это убеждало Узбека, что благоприятный момент настал: хан собирает силы и осенью 1318 г. переносит свою ставку на

Северо-Восточный Кавказ, поближе к будущему театру военных действий. На это указывают данные русских летописей о гибели в ноябре 1318 г. в ставке Узбек-хана русского князя Михаила Тверского — попутно даются указания и о месте кочевья³⁸³.

Поход хана Узбека в начале 1319 г. стал явственным результатом окончательной утраты ильханами военно-политической инициативы на Восточном Кавказе, которую они удерживали с 70-х годов XIII в. Поэтому можно подвести краткий итог истекшему сорокалетнему периоду.

В течение этого времени в деятельности ильханских властей преобладали мероприятия политического характера, ибо на Кавказе территориальные претензии Хулагидов были выражены гораздо слабее, чем у Золотой Орды. Источники столь же редко говорят о военных стычках обеих этих держав в этот период, как и о моментах мира — в предшествующий. Два набега ордынцев (1288 и 1290 гг.) свидетельствуют скорее о тогдашней бессилии Орды предпринять крупную военную акцию. Военные же мероприятия ильханов в этот период — либо оборонительные операции, либо карательные экспедиции и захваты, направленные против местного дагестанского населения (что будет показано ниже). Активность обеих чингизидских держав на Восточном Кавказе проявлялась в основном в экономической и политической сферах.

Военно-колониционные мероприятия ильхана в Южном Дагестане и их последствия. Внутриполитический кризис и борьба за престол в улусе Хулагу в 80–90 годах XIII в. сопровождалась ослаблением контроля ильханов на окраинах их державы. Это привело там как к усилению произвола монгольских феодалов, так и к росту национальной и социальной борьбы, а также и к феодальному сепаратизму³⁸⁴.

Видимо, это имел в виду Рашид ад-Дин, когда говорил о причинах похода Газан-хана зимой 1301–1302 гг.: «В то время все эмиры Лекзистана, которые с давних пор, бунтуя и восставая, скрывались в тех неприступных горах» — далее говорится о «толпе воров и бродяг, которая укрывалась из владения Азербайджана в те горы»³⁸⁵. О социальном положе-

нии этих «воров и бродяг» ничего не сказано — ясно лишь, что государство Хулагидов считало их враждебными для себя элементами и что они находили укрытие в горных лезгинских обществах.

Газан-хану, пришедшему к власти в 1295 г., удалось уже немало сделать для централизации своей державы и прекращения феодальной анархии. Поэтому к 1301–1302 гг. он, видимо, счел возможным укрепить свой контроль (уже не дипломатическими, а военными методами) над стратегически важными территориями, прилегающими к Дербентскому проходу. Выше уже упоминалось о походе Газан-хана под видом «охоты» зимой 1301–1302 гг. в Ширван и Лекзистан (известно, что ильханские «охоты» всегда были формой проведения военных маневров). В результате карательной экспедиции «толпу воров и бродяг», о которых упоминалось выше, «полностью переловили и перебили», а «эмиры Лекзистана», т.е. представители местной феодальной верхушки, «послушно и добровольно покорились и искренне обратили лицо к служению (государю) и взялись рукой за крепчайшую рукоять послушания и повиновения». Примечательно, что здесь говорится не только о «послушании», но и о «служении» Газан-хану: иными словами, наряду с «усмирением», эмирам Лекзистана была предложена возможность поступления на службу к ильханам и тем самым приобщения их к феодально-служилому сословию Хулагидской державы (чему способствовало и пограничное положение Лекзистана).

Здесь уместно будет напомнить мнение³⁸⁶ о возможности распространения на Южный Дагестан одного из сообщений Рашид ад-Дина за 1304 г. — сразу же после изложения речи Газан-хана об укреплении границ государства, среди которых названа и дербентская, перечисляются и предпринятые им для этого соответствующие меры: «В горные проходы и малодоступные пограничные области, которые можно было оборонять пешим, он назначил тазикские войска и всех снабдил одеждой и роздал им икта»³⁸⁷. Предположение А.Р. Шихсаидова об ильханской феодальной колонизации Южного Дагестана в начале XIV в. к тому же хорошо согласуется со

свидетельством в одном из писем Рашид ад-Дина: в Шеки, непосредственно граничащем с лезгинскими землями верхневьев Самура, находилось имение, либо принадлежавшее лично Рашид ад-Дину, либо даже ильханское, которым Рашид ад-Дину (как сахиб-дивану ильхана) довелось управлять³⁸⁸.

Итак, поход Газан-хана зимой 1301–1302 гг. в Лекзистан повлек репрессии и подчинение местной верхушки. Последовавшая вскоре (около 1304 г.) раздача на «границе и окраине Дербенда» в «горных проходах» и «малодоступных пограничных областях» условных пожалований — «икта» служилым тазикам означала серьезную попытку феодальной и военной колонизации ильханами земель Южного Дагестана, повлекшую за собой заметные последствия.

Правление Газан-хана в большинстве областей улуса Хулагу ознаменовалось некоторым экономическим прогрессом: при нем прежний безграничный произвол в отношении порабощенного населения был введен в определенные «законные» рамки, то есть приостановлено прямое разрушение производительных сил. Замена безудержного грабежа более упорядоченным способом эксплуатации³⁸⁹ в какой-то мере даже облегчала положение подданных. Поэтому весьма примечательно, что распространение тех же самых норм на Южный Дагестан и сопредельные районы Ширвана (до тех пор лишь номинально зависимые), к тому же проведенное военными мерами, напротив, сильно ухудшило положение здешнего населения.

Последствия политической стабилизации для Внешнего и Внутреннего Дагестана. Ослабление власти Орды в равнинном Дагестане к концу XIII в., прекращение военных действий на Восточном Кавказе и начавшееся экономическое оживление ведут к некоторому ослаблению вынужденной самоизоляции горных земель Дагестана. Расширились их связи как между собой, так и с Закавказьем и даже с землями, включенными в состав Орды.

Это, очевидно, способствовало и очередной волне исламизации в Дагестане в начале XIV в., благодаря которой ислам становится господствующей религией в Зирихгеране и

Аварии. Так, прекращение 24-летней «вражды» и «распрей» между Аварией и мусульманскими землями Дагестана в «Тарих Дагестан» мотивируется экономической необходимостью: «Вражда и распри продолжались 24 года. (Наконец) исчерпались их средства к существованию, жизнь их стала трудной, они устали воевать, войны им опротивели. Тогда они уверовали, приняли ислам. И стала невозможной война и столкновения между мусульманами, и они заключили между собой мир на основе ислама»³⁹⁰. Так как источник не говорит при этом ни о каких переменах на аварском троне, то следует считать, что окончательное принятие ислама как государственной религии Аварского княжества произошло при том же нупале Амир-Султане, который начал свое правление истреблением газиев-завоевателей.

Одновременно идет процесс утверждения ислама в качестве официальной религии «страны Зирихгеран». Памятная запись, встречающаяся в разных вариантах в местных письменных источниках, относит его завершение к 705/1305 году³⁹¹ и считает его синхронным гибели шейха-газиев Хасана Ширинского (706/1306 согласно эпитафии на его могиле в с. Шири)³⁹². Кубачинское предание при этом утверждает, что Верхний квартал главного селения «страны Зирихгеран» принял ислам на 7 лет позже Нижнего³⁹³. Столица Зирихгерана была, очевидно, главным оплотом доисламских традиций и приняла ислам последней. О переходе в ислам аштынцев прежде кубачинцев говорят донные бытующие местные предания, получившие подтверждение в надписи из с. Ашты, согласно которой там уже успели построить мечеть, в то время как жители столицы Зирихгерана оставались «неверными»³⁹⁴. Селение Шири как база газийских набегов на столицу Зирихгерана, очевидно, было исламизировано еще раньше.

В заключение следует отметить насильственный характер исламизации Зирихгерана. Здесь большую роль сыграли, с одной стороны, упорные походы газиев с кайтагских баз (из Кала-Курейша, а затем — и шейха Хасана из Шири), а с другой — Шамхала и газиев Кумуха, что сыграло, видимо, ре-

шающую роль. Впрочем, аштынская надпись дает основание полагать, что зирихгеранцы приняли ислам по договору и к тому же на льготных условиях (без уплаты хараджа шамхалу, то есть фактически с сохранением политической самостоятельности). Это хорошо согласуется и с местными историческими преданиями, свидетельствующими о сохранении всех традиционных политических институтов Зирихгерана и о приспособлении их к исламу³⁹⁵. Неудивительно поэтому, что к концу XIV в. Зирихгеран опять фигурирует в источниках не как отдельное селение, а как «область» (вилаят)³⁹⁶, что должно свидетельствовать о восстановлении (хотя бы частичном) «страны Зирихгеран» в ее традиционных территориальных границах.

К рубежу XIII–XIV вв. можно отнести свидетельства местных письменных источников о связях с Закавказьем одного из наиболее влиятельных княжеств Внешнего Дагестана — Кайтага. Выше упоминалось, что бывший в это время уцмием Султан-Мухаммед, возводивший свою династию к Хамзе — дяде пророка, был женат на сестре кумухского шамхала, а другая его жена была сестрой «султана Кершасиба, владельца Ширвана»³⁹⁷. Дом ширваншахов в то же время был связан такими же узами с семьей ильханского сахиб-дивана³⁹⁸, что может указывать как на довольно высокий престиж уцмиев Кайтага среди феодальных владетелей Восточного Кавказа, так и на их политическую ориентацию.

Более поздние сведения показывают, что члены уцмийского дома располагали феодальной земельной собственностью в Ширване — источник называет селения Вардан, Якублу, Согютлю, бывшие собственностью Ильча-Ахмеда³⁹⁹, сына уцмий и сестры ширваншаха Гершаспа.

Наши выводы о связях земель Внешнего Дагестана с ильханскими владениями в конце XIII — начале XIV вв. интересно сопоставить с данными искусствоведения⁴⁰⁰.

1. Наиболее распространенный на средневековых памятниках с. Кубачи и отчасти Кайтага орнаментальный стиль — волнистый стебель со спиральными побегам, с которым связаны и определенные типы рельефных изображений людей,

животных и даже стилизованные надписи на персидском языке. Этот стиль дает аналогии «с иранским культурным кругом (именно с культурным кругом, а не с Ираном непосредственно)...»⁴⁰¹.

2. Что касается времени этих связей, то наиболее ранние образцы указанного стиля на могильных стелах с. Кубачи (бесспорно, местного производства) могут быть отнесены «к I-ой половине XIV в. (можно допускать даже — к концу XIII в.)»⁴⁰². Что касается строительных блоков с рельефами, то Ф. Заррэ сопоставлял их со стукковыми рельефами из Кони, «которые, вероятно, датируются от середины XIII в.»⁴⁰³. Кроме того, отмечена примечательная деталь: с конца XIII — первой четверти XIV вв. в иранское и ближневосточное прикладное искусство начинают проникать китайские элементы. Один из них — изображение халата с оплечьем в виде 4-х пальметт — трижды встречается на кубачинских рельефах, причем это пока единственный элемент китайского происхождения в кубачинской глиптике⁴⁰⁴. Принимая во внимание: единичность подобного факта и вероятность более раннего проникновения одежды в процессе заимствования, сравнительно с другими формами материальной культуры, мы полагаем, что эти рельефы могут быть отнесены к началу предложенных хронологических рамок, т.е. к концу XIII в., хотя А.А. Иванов не считал возможным датировать эти рельефы ранее чем XIV веком.

3. Ныне доказано, что прототипом для кубачинских бронзовых котлов с крестчатым бортом послужили подобные же хорасанские котлы XII—XIII вв. Теоретически нижней датой их доставки в Зирихгеран можно считать начало XIII в. — время монгольского нашествия на Среднюю Азию⁴⁰⁵. Но наиболее вероятным временем их появления все же следует считать «XIII — начало XIV вв.»⁴⁰⁶.

Итак, многочисленные кубачинские памятники этого орнаментального стиля указывают на начало довольно широких связей Зирихгерана с землями «иранского культурного круга» (ближайшими были Дербент и Ширван) примерно с конца XIII в.

Отметим также указание на связи Кайтага с генуэзскими колониями. Предание о происхождении княжеского рода Чолокашвили гласит, что предки их — генуэзские переселенцы обитали с XII в. в Крыму и торговали «от моря Понтийского до моря Каспийского». Один из их предводителей поселился «со множеством народа» в местности Герми в Дагестане — «их и теперь называют геноэлами и копачами». Здесь этот предводитель получил прозвище Чолага. Однако за потравы пастбищ местные жители изгнали его — вместе с родными он ушел «по Дербендской дороге» и прибыл в 1320 г. в Грузию к царю Георгию, взявшему его на службу⁴⁰⁷.

Несмотря на изолированность этого сообщения, оно не обнаруживает противоречий с ныне известными историческими фактами: 1) «Дербендская дорога» действительно пересекала в Приморском Дагестане реку Гамри, на которой находился известный с VIII в. город — центр одноименного княжества⁴⁰⁸; в начале XIV в. эта территория контролировалась Кайтагом, а указанная дорога продолжалась вдоль северокавказских предгорий до генуэзской колонии Матреги⁴⁰⁹; 2) генуэзцы, воспользовавшись политической стабилизацией на Восточном Кавказе, в конце XIII в. действительно распространили свою торговлю от Черного моря до Каспийского — в 1293 г. Марко Поло свидетельствует о генуэзских судах на Каспии⁴¹⁰; 3) 20-ые годы XIV в. — это время феодальной войны, начавшейся в Кайтаге и вызвавшей бегство в разные земли Кавказа многих здешних феодалов, включая сына уцмия (смотри следующий раздел).

Феодальная война во Внешнем Дагестане в начале XIV в. В начале XIV в. умер уцмий Султан-Мухаммед. Дальнейшие события описывает «Кайтахская рукопись II» («Хроника Махмуда Хиналугского»). В день смерти уцмия началась и ссора из-за престола двух его сыновей, сводных братьев Ильча-Ахмеда и Султан-Алибека (по прозвищу Беккиши-хан). Ильча-Ахмеду быстрее удалось собрать своих сторонников, однако некоторые общины поддержали Султан-Алибека. «Наконец, началась между ними распря и несколько раз происходили войны»⁴¹¹. В итоге войско Сул-

тан-Алибека было разбито, и Ильча-Ахмед стал хозяином Кала-Курайша. До сих пор конфликт не выходил за рамки обычной для феодальных обществ междоусобицы и протекал внутри Кайтагского княжества.

Но Султан-Алибек прибег к заступничеству своего дяди по матери — Кумухскому шамхалу. Тот вмешался в династическую распрю и «с ним пришло много людей из владения шамхальского». Ильча-Ахмед был разбит и «со своими прислугами и невольниками» бежал в Ширван, где у него были наследственные имения и где он мог рассчитывать на покровительство своего дяди — ширваншаха Гершаспа⁴¹². Выше мы уже излагали основания, по которым считаем правильным отнести к борьбе между Ильча-Ахмедом и кумухскими интервентами слова «Тарих Дагестан»: «...между амирами Гумика и султанами Хайдака разбилось зеркало согласия усилиями сатаны...»⁴¹³.

Ильча-Ахмеда привело в Ширван отнюдь не намерение продолжать борьбу против брата, а узколичные соображения. Неудивительно поэтому, что его сторонникам среди кайтагской феодальной верхушки было «не по дороге» (в прямом и в переносном смысле) с их бывшим лидером: в отличие от него, они не имели никаких альтернатив вне Кайтага и в случае поражения теряли все — это было для них действенным стимулом для продолжения борьбы. К числу этих лиц, очевидно, следует отнести Мухаммад-хана, Амир-хана и Амир-хамзу «из числа султанов Хайдака», которые «бежали, жалуясь и умоляя о помощи, к правителям Аварии и заключили с ними союз делить добро и зло при всех обстоятельствах. (В это время) между правителями Аварии и амирами Гумука начались страшные войны и сатанинские распри»⁴¹⁴. Иными словами, кайтагские князья-эмигранты сумели склонить «правителей Аварии» к войне против шамхала, дабы их руками сломить своего главного врага⁴¹⁵. Войска коалиции (т.е. Сартана — сына нуцала, кайтагских князей-эмигрантов и, возможно, их союзников за пределами Дагестана) произвели нападение (возможно, в 1318 г.) на Кумух (возможно, с востока и с запада одновременно), захватив как селение, так

Восточная часть Дагестана в XIV в.

● Таргу- села, находящиеся в пределах “Страны Кайтагской” по свидетельствам европейских источников XIV-XV вв. (Вопросительным знаком отмечены предположительные отождествления)

⊕ Маза-села под постоянным или временным контролем Амир-Чупана

● **Кала-Курайш**-центры княжеств

Рубас-реки

○ Рича-населенные пункты

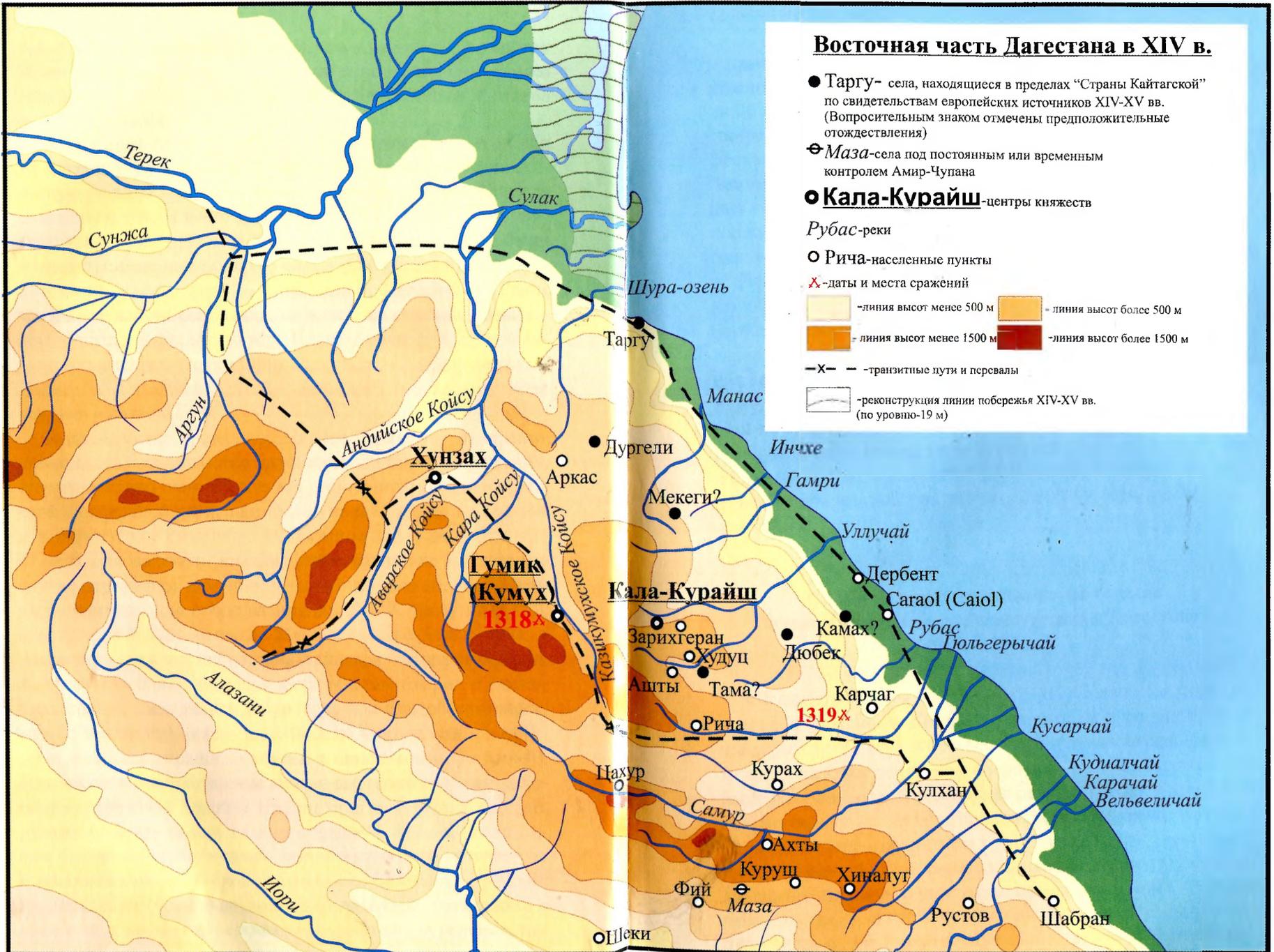
✕-даты и места сражений

■ - линия высот менее 500 м ■ - линия высот более 500 м

■ - линия высот менее 1500 м ■ - линия высот более 1500 м

—X— -транзитные пути и перевалы

▭ -реконструкция линии побережья XIV-XV вв. (по уровню-19 м)

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

и крепость над ним, построенную незадолго до этого (возможно, в мае 1315 г.) неким Кавтаром б. М-к-ч. В ней погибли 70 кумухских добровольцев — смертников⁴¹⁶. Кумух был razoren войсками коалиции, уцелевшие члены кумухской феодальной верхушки («амиры Гумика, что из потомков Хамзы и Аббаса») бежали, а кайтагские князья, участвовавшие в коалиции, после уничтожения резиденции своего основного врага — шамхала получили возможность вернуться в свои владения (т.е. в Кайтаг)⁴¹⁷.

Итак, конфликт, начавшийся в удмийстве Кайтагском как обычная феодальная междоусобица, после вовлечения в него шамхальства Кумухского, а затем нуцальства Аварского перерос в феодальную войну, захватившую все основные княжества Внутреннего и Внешнего Дагестана. В результате Кумух был razгромлен, Авария истощена. Кайтаг же, вышедший из этой войны еще до вступления ее в наиболее решительную стадию, по-видимому, пострадал меньше других, что и определило его дальнейшую политику и выдающееся положение в системе дагестанских политических единиц XIV в.

§ 2. Финал ордыно-ильханской борьбы и конец чингизидского присутствия в Дагестане (1319–1357 гг.)

«В середине зимы 718/1318–19 гг. ...Узбек появился из пределов Саксина и Кипчака с огромным и бесчисленным войском, пустив вскачь боевых коней и обнажив сверкающие мечи; за каждым человеком следовало 3 коня... Прежде чем было получено известие, они, как ревущий поток и яростный лев, задумав опустошение, прошли через Железные Ворота... Охранение этой окраины было поручено эмиру Тарамтазу с личной тысячей... Т.к. племена лезгин (аквам-и-лекзанат) — да дарует Аллах неоднократно победы над ними — из-за скверных намерений и дурных наклонностей имели большую связь с той (золотоордынской) стороной, то они ему

(Тарамтазу) не дали знать о приближении этой неожиданной армии. Вот почему он не устоял против превосходства многочисленного (неприятельского) войска, поневоле убрался восвояси...»⁴¹⁸.

Армия Узбека дошла до Куры, но затем часть ее была переброшена в Хорасан, и в Ширване осталось 8 туменов. И так, на этот раз дагестанскую равнину пересекла армия, значительно превышающая 80 000 всадников.

Потерпев неудачу в Азербайджане и получив известие о неудаче в Хорасане и бездействии союзника — египетского султана, Узбек без особых потерь отвел свою армию назад по тому же маршруту. Его заставило поспешить известие о том, что эмир Чупан, проделав с 10 туменами путь до Карчага и далее, угрожает преградить им дербендский путь⁴¹⁹ и, таким образом, запереть потрепанное войско Узбека в восточном Ширване. Если речь здесь идет о древнем с. Карчаг⁴²⁰ (в долине одноименного южного притока реки Рубас), то это указывает на район маневрирования в предгорной и равнинной полосе Южного Дагестана двух враждебных армий в десятках тысяч всадников.

Армия Узбека успела вырваться из «мешка», а армия эмира Чупана преследовала его лишь до Дербенда (а согласно «Тарих-и Шейх Увайс» — даже за Дербенд)⁴²¹.

Хотя источники не дают однозначного ответа на вопрос, за кем остался Дербент после этого похода Узбека, однако с этого времени становится ясно, что в стратегическом смысле он проигран ильханской стороной. Ильханы не смогли обеспечить себе поддержку хотя бы части местного населения и привлечь его к обороне Дербентской преграды, а потому Дербент из первоклассного оборонительного комплекса, к тому же обращенного фронтом на север, то есть исторически приспособленного для отражения кочевников из Дешти-и-Кипчака, во время войны сразу рисковал превратиться в осажденную крепость, которую следовало оставить как можно скорее.

Согласно части источников⁴²², описанная кампания окончилась в 1319 г. Между тем некоторые как персидские авто-

ры, так и египетские⁴²³, говорят о набеге, совершенном ордынцами в том же 1319 г. вплоть до Мугани. Чупан, однако, обратил ордынцев в бегство, преследуя противника на его территории: «(Чупан) двинулся в Ширван. Оттуда он разделил войско на две части: некоторые эмиры отправились из Дербенда к берегу р. Терек, а эмир Чупан со своими сыновьями пошел через Грузию. Узнав об этом, Узбек со своего места обратился в бегство... пробыв там несколько времени, они (т.е. войска Чупана. — А.К.) вернулись обратно»⁴²⁴.

В 1324–25 гг. «Чупан через Грузию пошел в область Узбек-хана и в возмездие за опустошение, произведенное им (Узбеком) во время прихода его в Арран, также произвел опустошение и (затем) поспешно ушел...»⁴²⁵. Другой источник добавляет: «...в 725/1324–25 гг. он (Чупан. — А.К.) повел огромное войско в земли Узбека. Большинство эмиров сочувствовали и сопровождали Чупана в этом походе. Он пошел к Дербенду через Грузию, а оттуда в улус Узбека. Они (войска Чупана) дошли до берегов Терека и не пощадили никого из деревень, городов и кочевников тех мест; они убивали, грабили и брали в плен. После (такого) разорения и грабежа он (Чупан) победоносно и торжествуя вернулся восвояси...»⁴²⁶. И так, войско Чупана прошло через Грузию и Предкавказье, повернуло вниз по Тереку и далее с севера двинулось к Дербенту, опустошая равнины северо-восточного Кавказа и Дагестана.

Вражда между обеими сторонами несколько утихла к 30-м годам XIV в.⁴²⁷, однако дальнейшие события показали, что Узбек лишь выжидал благоприятного момента для начала завоевательного похода.

Казалось, такой момент настал в конце лета 1335 г.: почти одновременно со смертью ильхана Абу-Саида Узбек с «огромным войском» прошел через Дербент в Азербайджан. Ему было известно о постоянных смутах в государстве Хулагидов, Х. Казвини сообщает и о тайных сторонниках Узбека в Азербайджане: «В то же время склонность ума тянула некоторых на этой стороне к нему, и в надежде на это он дошел до р. Куры»⁴²⁸. Другой персидский источник отмечает отсутст-

вие каких-либо попыток поддержки ильханских властей или сопротивления противнику со стороны населения Ширвана: «Жители владений Абу-Саида, ниоткуда не видя спасения, потеряли надежду на сохранение имущества и семьи и решились умереть и пропасть»⁴²⁹. Итак, население Азербайджана проявило либо враждебность, либо безразличие к власти Хулагидов.

Однако ильхан Арпа сумел воспрепятствовать переправе Узбека через реку Кура. Вскоре положение ордынцев осложнилось, и Узбек был вынужден отступить через Дербент в Дешт-и-Кипчак.

Все же есть основания полагать, что несмотря на неудачу похода Узбека 1335 г., Дербент остался за Ордой. На это указывает обозначение на карте братьев Пиццигано (1367 г.) южнее Дербента: «Caiol est custodia Bunsa»⁴³⁰. Последнее слово — это тогдашнее европейское произношение имени ильхана Абу-Саида (Бусайда). Таким образом, перевод данной легенды: «Caiol — это стража Абу-Саида». Итак, пограничный пункт ильхана находился южнее Дербента, а последний, таким образом, оставался вне ильханского контроля.

Что означает Caiol, становится ясным из Каталанской карты 1375 г.: там на его месте стоит Sagaol⁴³¹, т.е. «караул» (тюркский термин, вошедший и в русский язык, сохранив свое значение). На этой же карте некоторые объекты отмечены «флажками» с тамгообразными значками двух родов: Sagaol имеет тот же знак, что и объекты южнее, — к северу же от него знак на флажках иной. Вполне очевидно, что эти значки выражают государственную принадлежность. Sagaol, таким образом, принадлежал ильханам, а земли к северу от него (включая Дербент) — Орде.

Разумеется, обе названные карты составлены по гораздо более ранним данным. Судя по именам Абу-Саида и Джанибека⁴³², на них отражено положение 20–50-х годов XIV в. Итак, в указанное время граница между обоими чингизидскими государствами проходила южнее Дербента, оставаясь в руках Орды.

Последствия ильханской власти для Южного Дагестана. Карательный поход Газан-хана зимой 1301–1302 гг., а также военно-феодалная колонизация «границ и окраины» Дербента и прилегающих к нему с юга горных территорий не могли не отразиться на жизни Южного Дагестана. По нашему мнению, к числу последствий этих мероприятий могут быть отнесены следующие особенности развития его истории XIV века.

1. Резкий контраст с обилием строительной и другой эпиграфики в верховьях Самура в XIII в. представляет почти полное ее отсутствие здесь (как и в других южнодагестанских землях) в XIV в., точнее после 1302 г. Следующая по времени из известных здесь ныне надписей (строительная) относится только к 1365 г.⁴³³, причем находится она в Цахуре — наиболее близком к верховьям Самура и, следовательно, наиболее труднодоступном селении. К тому же появилась она примерно 30 лет спустя после прекращения ильханского контроля над Восточным Кавказом.

Поскольку массовое капитальное строительство является одним из объективных показателей экономического благополучия и социальной стабильности, то следует признать, что его резкое прекращение свидетельствует об обратном, то есть об экономическом упадке и политической нестабильности обществ в долине Самура с начала XIV в.

2. Выше уже приводилось свидетельство проильханского источника о враждебности «племен лакзов» к Хулагидам, ярко проявившейся во время похода Узбек-хана зимой 1319 г.⁴³⁴. На наш взгляд, она явилась следствием почти сорокалетних контактов с ильханскими властями, в особенности же, начиная с правления Газан-хана, когда на смену политике компромиссов пришло установление здесь прямого контроля ильханского государства с карательными экспедициями («охота» 1301–02 гг.), с введением государственных повинностей (источники сообщают, в частности, об «улаге» — подводной повинности), с военной колонизацией и с непосредственным феодальным угнетением со стороны держателей «икта». Сходные причины, очевидно, лежали в основе безу-

частного отношения ширванцев к судьбе ильханской власти во время нашествия Узбек-хана в 1335 г.⁴³⁵

Сообщающие эти факты проильханские источники обвиняют «племена лезгин» и население Азербайджана⁴³⁶ в связях с врагом, т.е. Ордой. Но таким настроениям способствовала политика Хулагидов, проводимая ими на Восточном Кавказе, в особенности с начала XIV в. Таким образом, эти настроения были, по сути, не столько «проордынскими», сколько антихулагидскими.

Именно эта враждебность населения (обостренная в XIV в. «бескомпромиссной» политикой Хулагидов) оказалась, очевидно, главной причиной невозможности для них посредством привлечения местного населения создать с опорой на Дербентский комплекс эффективную преграду против постоянных вторжений из Орды⁴³⁷. В конечном счете стратегическая беспомощность Хулагидов на Восточном Кавказе оказалась закономерным следствием их политики по отношению к его народам.

3. Поход Газан-хана зимой 1301–1302 гг. «взломал» рубеж обороны лезгинских общин, проходивший примерно по линии Главного Кавказского хребта и его северным отрогам от верховьев реки Самур и по меньшей мере до реки Ахтычай (вероятно, и далее на юго-восток до верховьев реки Карачай). Последовавшая колонизация ильханских служилых иктадаров, а затем и экспансия владетелей Ширвана и Кайтага привели к угасанию экономического и политического значения этих земель, в свое время благополучно устоявших перед катастрофическими событиями XIII в.

Почти одновременно с их упадком прослеживается подъем Кураха. Надпись 1356 г. на стеле у входа в Курахскую джума-мечеть⁴³⁸ фиксирует пределы этой политической единицы: от правого берега реки Курах на юге до реки Чирахчай, выше селения Хив на севере, от Шимихюрского притока реки Курах на западе до границ земель селений Цилинг, Хипетар, Рухун, Куркуркент, Архит на востоке⁴³⁹. Эта земля не была личным феодальным владением: владельцем ее названо селение Курах, т.е. курахская община⁴⁴⁰. На этой территории

(площадью около 500 кв. км) до последнего времени было не менее 16 селений, не считая Кураха, — по-видимому, и в XIV в. здесь располагалось несколько селений. Отсутствие упоминаний их в надписи может означать: либо принадлежность всех жителей этой земли к единой курахской общине, либо значительную степень неполноправия и зависимости других сельских общин этой территории от курахской общины. В обоих случаях Курах XIV в. выступает как крупный, оформленный и сплоченный союз сельских общин, что заметно отличает его от политической структуры верхнесамурских земель XIII в., где каждое сельское общество выглядело совершенно самостоятельным⁴⁴¹. Напрашивается сопоставление состояния упадка и ослабления верхнесамурских земель, вторжения туда сначала иностранных, а затем ширванских и кайтагских владетелей — с одновременным сплочением лезгинских сельских общин в горных землях между речья Кураха и Чираха (Чирагчая. — *Прим. ред.*). По-видимому, Курахское общество успешно противостояло экспансии с юга в течение почти двух столетий, так как лишь к 1511–12 гг. относятся сообщения о разорении этих земель ширваншахом Ибрагимом II (Шейхшахом)⁴⁴² при поддержке шаха Исмаила I Сефевидского.

Такую перемену можно рассматривать как перемещение рубежей политической самостоятельности лезгинских обществ с линии Главного Кавказского хребта (XIII в.) на линию южных скатов Самурского хребта (XIV в.), игравшую до сих пор роль «второго эшелона» в обороне от вторжений извне. Итак, с XIV в. барьером против внешней агрессии становится курахское общество, причем натиск иноземных завоевателей на длительное время сменяется экспансией владетелей Ширвана и Кайтага.

Внешний Дагестан после завершения феодальной войны начала XIV в. После возведения Султан-Алибека на уцмийский престол его дядей — шамхалом Кумухским — источники ничего о нем не сообщают. Однако, судя по «Кайтахской рукописи I», престол остался за его потомками, несмотря на возвращение кайтагских князей — участников антикумух-

ской коалиции «на свои земли, на свои места». Очевидно, Султан-Алибек не препятствовал этому, что заставляет предположить компромисс между ним и его бывшими противниками. О том, что престол остался за потомками Султан-Алибека, свидетельствует отсутствие каких-либо попыток лидера возвратившихся князей — Ильча-Ахмеда вернуть себе кайтагский престол.

Связи возвратившихся князей с Аварией, превращение нуцальства в базу ислама — все это должно было способствовать расширению связей Кайтага и его вассальных земель с Внутренним Дагестаном.

О внешней политике Султан-Алибека нет почти никаких сведений за исключением одного характерного штриха: его сын-наследник носил имя «Амир-Чупан». Это имя не автохтонно-дагестанское и не традиционно-мусульманское: оно состоит из титула «амир» и тюркского имени «Чобан» (Чупан). Первым известным в истории Восточного Кавказа лицом, носившим такое имя, был эмир Чупан, выдающийся государственный деятель и полководец ильханов. Бесспорно, он был хорошо известен в предгорьях Дагестана после походов 1319 г. и 1324–1325 гг.⁴⁴³. Предположение о том, что сын уцмий Султан-Алибека получил имя именно этого лица, косвенно подкреплено и тем, что титул «эмир», который определял ранг Чобана в феодальной и военной иерархии государства ильханов, превратился здесь в часть личного имени сына Султан-Алибека.

Наречение наследника уцмий именем фактического правителя (в 1316–1327 гг.) государства Хулагидов⁴⁴⁴ указывает, по нашему мнению, на сохранение проильханской ориентации уцмиев Кайтага.

С другой стороны, принятие такого предположения позволяет отнести время рождения Амир-Чупана сына Султан-Алибека к периоду возвышения эмира Чупана, т.е. к 1316–1327 гг. (еще более вероятно — ко времени после похода 1319 г.). Что позволяет наметить нижнюю хронологическую грань для начала «деяний» Амир-Чупана Кайтагского, описанию которых в основном посвящена «Кайтахская руко-

пись I». Вполне понятно, что лицо, родившееся между 1319 и 1327 гг., достигнет дееспособности к 40–50-ым годам XIV в.⁴⁴⁵ — следовательно, события, излагаемые в вышеназванном источнике, начались не ранее этого срока.

Как указывалось выше⁴⁴⁶, в основе начала «деяний Амир-Чупана»⁴⁴⁷ (до слов «к южным горам») лежит схема газийского предания об исламизации Среднего Дагестана задолго до монгольского нашествия. Вероятнее всего, она и здесь использована в качестве «эпического трафарета» для возвеличения определенного лица (в данном варианте «Амир-Чупана», в других — «Абу Муслима», «Калантара»). Таким образом, начало «деяний» заведомо не может адекватно отражать события XIV в. Далее говорится о том, как Амир-Чупан овладел землями за Самуром, что не противоречит известным фактам истории и достаточно согласуется с другими источниками (см. гл. IV) — очевидно, эта часть «деяний» основана на реальных событиях. Отсюда следует, что в пределах контролируемой уцмиями территории от с. Тарки до реки Самур ко второй половине XIV в. оказался значительный отрезок пути из Дербента в Матрегу, экономическое и политическое значение которого с конца XIII в. сильно возрастает, — подобного преимущества не имели другие дагестанские княжества. Этот фактор должен был заметно способствовать усилению роли Кайтага среди дагестанских земель. Рост влияния и известности Кайтага своеобразно выразился в том, что в сочинениях некоторых арабских географов второй четверти XIV в. (Абу-ль-Фида, 1273–1331 гг.) Кавказские горы начинают именоваться «Кайтагскими горами»⁴⁴⁸.

Известия о внешних связях дагестанских земель в первой половине XIV в. Во время правления Узбек-хана (1313–1342 гг.) Орда переживала свой наивысший подъем, сопровождавшийся ростом экономических и иных связей между различными землями, включенными в эту державу. Есть свидетельства (правда, разнородные и отрывочные) об установлении в это время связей между дагестанскими землями и центром Ордынского государства. Так, арабский путешественник Ибн Баттута, посетив в 1333–1334 гг. столицу

Орды — Сарай-Берке, встретил там некоего Садреддина Сулеймана ал-Лекзи⁴⁴⁹, нисба которого свидетельствует о его дагестанском происхождении. Видимо, в Орде того времени, где ислам лишь недавно (около 1313 г.) стал государственной религией, существовало широкое поле деятельности не только для мусульманских клерикалов, но и для носителей исторически связанной с исламом культуры, — к последним относится и правовед ал-Лекзи. Судя по высокой оценке Ибн Баттуты, ал-Лекзи заслужил в столице Орды признание и авторитет (несмотря на то, что принадлежал, как и все дагестанцы, к шафиитскому мазхабу, в то время как в Орде был принят ханифитский)⁴⁵⁰.

Примечательна и находка в Сарай-Берке (ставшем столицей именно при Узбек-хане⁴⁵¹) типично кубачинских бронзовых светильников⁴⁵², что указывает на связи (прямые или транзитные) Зирихгерана со столицей Орды.

Дагестанский исторический фольклор также содержит указания (хотя и скудные) на какие-то связи дагестанцев с Ордой. Лакская историческая песня «Бурхай Изажа»⁴⁵³ повествует о трагическом сватовстве кумухской девушки Изажи чужеземцами. Изажа молит не отдавать ее в «татарскую Орду» («татар Урда»), но ее увозят «за Койсу», ей предстоит «позабыть воду родного источника, утоляя жажду водой из Итиля» («Идилданул щинай»). Такие специфические детали (стоящие вне традиционных фольклорных атрибутов) как «низкие кони» и «большие халаты» сватов своей конкретностью лишней раз подтверждают подлинность события, легшего в основу песни.

Хотя отношения с ордынцами изображены в песне как вполне компромиссные, вся она проникнута резким отчуждением от всего ордынского; четко выражено восприятие Орды как абсолютно чуждого мира. Изажа в конце концов бежит оттуда в Дагестан. Двигаясь пешком по ночам, она добирается до местности Бурхаялу близ Кумуха, где и гибнет от истощения, но смерть на родной земле гораздо предпочтительнее для нее, чем жизнь (притом сравнительно обеспеченная) в Орде.

Итак, в первой половине XIV в. во взаимоотношениях между Ордой и населением Дагестана налицо отличия по сравнению и с начальным периодом монгольского завоевания⁴⁵⁴, и с политикой Хулагидов в Южном Дагестане. Преследуя те же цели, что и Хулагиды, но ослабев после кризиса конца XIII в., Орда не имела возможностей продолжать опираться в своих действиях исключительно на насилие и произвол. Продолжая проводить свою обычную политику террора и порабощения на легко доступной равнине Дагестана, ордынская верхушка, однако, предпочла политику компромиссов в отношениях с населением не столь доступных горных и предгорных земель, в особенности же — стратегически важных пограничных областей⁴⁵⁵, стремясь добиться его лояльности и даже по возможности привлечь на свою сторону. Не устранив настороженности дагестанцев в отношении татаро-монголов, компромиссная политика Орды с начала XIV в. все же, видимо, дала некоторые результаты: выше мы уже отмечали жалобы, зафиксированные в персидских источниках, на «проордынские» настроения «племен лакзов» и ширванцев. Добавим, что политическая лояльность уцмий Султан-Алибека к Хулагидам в начале XIV в., которую мы уже отметили выше, отнюдь не гарантировала усиления связей Кайтага (и контролируемых им земель Внешнего Дагестана) с державой ильханов. Скорее наоборот: помощь и убежище, которые ширваншах дал Ильча-Ахмеду (конкуренту Султан-Алибека), должны были крайне обострить отношения Кайтага с Ширваном и привести к заметному ослаблению связей Внешнего Дагестана с югом.

Любопытно сопоставить такой вывод с данными искусствоведения. Выше мы говорили, что кубачинские средневековые памятники искусства обнаруживают начало оживленных связей с землями «иранского культурного круга» в конце XIII в., на что указывает, например, изображение элемента одежды, проникшего именно в это время в Иран из Китая. Когда же эти связи были прерваны? Отсутствие других элементов китайской орнаментики (лотос, трехчастный лист) на кубачинских памятниках свидетельствует о прекращении

связей Зирихгерана с югом до того, как эти элементы стали применяться в декоре Среднего Востока (т.е. еще до конца первой четверти XIV в.)⁴⁵⁶.

Поход Джанибека — последний акт ордыно-ильханской борьбы на Восточном Кавказе. Восточный Кавказ вновь привлек внимание иранских источников в связи с походом хана Джанибека на Тебриз в 1356/7 г. с огромной армией: Зайнуддин Казвини исчисляет ее в 100 туменов⁴⁵⁷, — видимо, не достигавших полного комплекта, так как «Тарих-и Шейх Увейс» уточняет, что Джанибек «...перешел Терек и прибыл в Дербенд, а оттуда в Ширван» во главе 300 000 войска⁴⁵⁸. На этот раз ордынскому войску удалось перейти реку Кура. Вскоре после взятия Тебриза основная часть этой армии во главе с Джанибеком вернулась тем же путем обратно, а через два месяца за ними проследовали оставшиеся 50 000 ордынцев во главе с Бердибеком, спешившим в Дешт-и-Кипчак и прошедшим Дербенд не останавливаясь⁴⁵⁹.

Возвращение этой армии в Дешт-и-Кипчак через равнину Дагестана явилось последним упомянутым в источниках событием его истории, связанным с ильханско-ордынской борьбой на его земле.

Подводя итог последнему периоду (1319–1357 гг.) этого соперничества, следует отметить возвращение военно-политической инициативы к Орде и возобновление завоевательных походов Джучидов с целью захвата Азербайджана. Дагестан вновь был вовлечен в военные действия. Как и в первый период этой борьбы, его равнина не менее семи раз пересекалась огромными конными армиями обеих сторон, исчисляемыми в десятки и сотни тысяч всадников. Особенно разорителен должен был быть набег Чупана в 1325 г., имевший необычный маршрут и ставивший целью опустошение равнины Северо-Восточного Кавказа.

Что же касается действий Узбека, то бросается в глаза сравнительно меньшая военная активность ордынцев по сравнению с первым этапом соперничества, несмотря на то, что Орда переживала высший период своего подъема. Здесь в значительной мере сказалось изменение отношения Египта

к державе Хулагидов: если в первый период ильханско-ордынской борьбы (60–70 гг. XIII в.) Египет активно содействовал Орде, согласовывая с ней свои действия и непрерывно воюя с Хулагидами на Ближнем Востоке, то в первой половине XIV в. Египет, не прерывая с Ордой дипломатических связей, прекращает всякую борьбу против Хулагидской державы, с которой Узбек остается один на один⁴⁶⁰.

Резкое ослабление татаро-монгольского господства в Дагестане с конца 50-х годов XIV в. было связано с начавшимся в 1357 г. распадом обеих чингизидских держав, проявившимся в острых политических кризисах в государстве Хулагидов в конце 30-х годов и в Орде — с конца 50-х годов XIV в.

Основываясь на материале упоминавшихся источников, можно сделать некоторые выводы о последствиях татаро-монгольского господства в XIII–XV вв. для истории Дагестана.

Военные действия, карательные экспедиции, переброски войск обеих чингизидских держав обезлюдили равнину Дагестана и способствовали ее общему упадку.

Другим их следствием стала изоляция Нагорного Дагестана и нарушение его органических связей с плоскостью, что способствовало замедлению его исторического развития. Те же причины привели к постепенной утрате былого значения торгового пути вдоль Приморского Дагестана. Это определило падение роли Дербента как крупного экономического центра и порта.

Вместе с тем военно-политическая ситуация на равнине, заметно влиявшая на исторический процесс во всем Дагестане, определялась главным образом этапами соперничества Орды и улуса Хулагу, а в конечном счете — исторической жизнью обширного региона, включавшего Дешт-и-Кипчак, Кавказ, Иран, Хорасан, Среднюю Азию, Египет. Таким образом, причины многих событий в Дагестане, а также его место в мировом историческом процессе возможно уяснить лишь при региональном подходе к исследованию его истории.

Включение дагестанских земель в административную, экономическую, военную систему двух чингизидских держав

способствовало насаждению здесь присущих им обоим экономических, административных, общественных, правовых, культурных норм и институтов, определенное влияние которых продолжало сказываться в дальнейшем историческом развитии Дагестана. Наряду со значительным уроном от непрекращающихся военных акций чингизидов, народы Дагестана, в особенности Южного, испытывали постоянный административный и налоговый гнет захватчиков. Дагестанские контингенты, видимо, привлекались обеими державами к участию в их военных мероприятиях.

Примечания

369. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. III. С. 184.
 370. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. III. С. 85.
 371. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. III. С. 193.
 372. Тизенгаузен II: Вассаф. С. 82–83.
 373. Там же.
 374. Владимирцов Б.Я. Указ. соч. С. 119, 178.
 375. Лавров Ч. 1. С. 114–115 (№ 276).
 376. Рашид ад-Дин. Переписка. М., 1971. С. 186, письмо № 23. См. также: Али-задэ. Указ. соч. С. 372.
 377. Рашид ад-Дин. Джами ат-таварих. Т. III. Баку, 1957. С. 295.
 378. Тизенгаузен I: Бейбарс Р. С. 120.
 379. Тизенгаузен II: «Продолжение сборника летописей». С. 139.
 380. Там же. С. 140–141.
 381. Тизенгаузен I: Ибн Дукмак. С. 326.
 382. Там же.
 383. «...минувши все горы высокие Яськие и Черкаские, близ Ворот Железных» (Цит. по: Насонов А.Н. Монголы и Русь. М., 1940. С. 87). Следует отметить, что Виноградов В.Б., специально изучавший этот вопрос, локализирует ставку Узбека на левом берегу реки Сунжи, близ селений Плиево и Карабулак (См.: Виноградов В.Б. Еще раз о месте убийства Михаила Тверского // УЗ ЧИГПИ. № 26. Грозный, 1968. С. 62–70).

384. Али-задэ А.А. Указ. соч. С. 277–278.
 385. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. III. С. 295.
 386. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. С. 57–58.
 387. Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. III. С. 295.
 388. Рашид ад-Дин. Переписка. С. 270, письмо № 37 (написано между 1304 и 1316 гг. — см. с. 480, прим. 1).
 389. Петрушевский И.П. Рашид ад-Дин и его исторический труд // Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.-Л., 1946. С. 18–19.
 390. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 111
 391. Из дагестанских памятных записей. С. 117–118, 119–120.
 392. «Семьсот пятый (т.е. 1305–6 г.) год — дата исламизации Кубачи и убийства Хасана Правдивейшего в Ширэ» (из памятных записей) // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., Наука, 1993. С. 151.
 393. Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 171.
 394. Лавров Л.И. Новое о Зирих-Геране и кумухских шамхалах. С. 216–218; Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984. С. 374–376.
 395. Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 173
 396. Тизенгаузен II: Шами. С. 124. (Зирихгеран ошибочно представлен как две области — «Зирих» и «Килан»).
 397. Берже II. С. 1074.
 398. Рашид ад-Дин. Переписка. С. 186, письмо № 23.
 399. Берже II, 1868. С. 1074. Селения Варданлы, Якублу и Сеютлю до сих пор существуют в Варташенском районе Азербайджана.
 400. Здесь мы исходим главным образом из выводов Иванова А.А., хотя попутно привлекаем и работы других искусствоведов.
 401. Иванов А.А. О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Л., 1976. С. 180.
 402. Там же. С. 172.
 403. См.: Dimand M.S. A Stone relief from the Caucasus // Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. New York, december 1938, v. XXXIII, № 12. P. 261 — со ссылкой на работу Sarre F. Der Kiosk von Konia. Berlin, 1936. Мы не рассматриваем здесь предлагавшиеся в литературе более широкие датировки («X–XIV вв.», «XII–XIII вв.») как недостаточно определенные.

404. Иванов А.А. Там же.
405. Иванов А.А. Кубачинский бронзовый котел XIV в. // Сообщения Государственного Эрмитажа. XIII. Л., 1977. С. 54.
406. Иванов А.А. О датировке кубачинских памятников. С. 181.
407. Джанашвили М. Грузинские источники... // СМОМПК XXII. С. 37. Издатель интерпретирует «Герми» как Гимры, с чем трудно согласиться: исконное местное название Гимры — Гену (Генуб), в то время как Гамри фигурирует под этим же названием в источниках еще в связи с событиями начала VIII в. (Хамрин) и сохраняет его доныне.
408. См.: Котович В.Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Баланджара и Таргу // Древности Дагестана (МАД V). Махачкала, 1974. С. 196–228.
409. Richard J. Op. cit. P. 609.
410. Марко Поло. Путешествие. Л, 1940. С. 20; см. также: Ашурбейли С. Очерки истории средневекового Баку. С. 89, 91.
411. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 111.
412. Берже II. С. 1074.
413. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 111. См. также: Гл. I, § 5, § 8 настоящей работы.
414. Там же.
415. Обоснование реконструкции дальнейших событий вместе с анализом источника см.: Гл. I, § 6 настоящей работы.
416. Интересно предположение Айтберова Т.М. по этому поводу: «Возможно, что в XIV в. в Кумухе существовало нечто подобное кубачинскому институту "батирге"» (см.: Айтберов Т.М. Еще раз... С. 103, прим. 11).
417. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 112.
418. Тизенгаузен II: Вассаф. С. 86–87.
419. Там же. С. 88–89.
420. Находится ныне на территории Зизикского сельсовета (в 3-х км к востоку от с. Зизик) Сулейманстальского района. На это обстоятельство любезно указал А.Р. Шихсаидов.
421. Тизенгаузен II: «Тарих-и Шейх Увейс». С. 100.
422. Тизенгаузен I: ал-Айни. С. 522; Тизенгаузен II: Вассаф. С. 89; Тизенгаузен II: «Продолжение сборника летописей». С. 142.

423. Тизенгаузен I: Ибн Дукмак. С. 326; Ибн Хальдун. С. 387; Тизенгаузен II: «Тарих-и Шейх Увейс». С. 100.
424. Тизенгаузен II: «Тарих-и Шейх Увейс». С. 100–101.
425. Тизенгаузен II: Казвини Х. С. 92.
426. Тизенгаузен II: «Продолжение сборника летописей». С. 142–143.
427. Тизенгаузен II: «Тарих-и Шейх Увейс». С. 100 (известие о браке сына Узбека с дочерью одного из хулагидских эмиров).
428. Тизенгаузен II: Казвини Х. С. 93.
429. Тизенгаузен II: «Продолжение сборника летописей». С. 143.
430. Багров Л.С. Указ. соч. С. 24.
431. Notice d'un Atlas en langue catalane... P. 128.
432. Notice d'un Atlas en langue catalane... P. 129 — в пространной легенде на карте ясно читается: «...Джанибек, господин Сарая (...Janibech senyor del Sarra)».
433. Лавров Ч. I. С. 118–119 (№ 288).
434. Тизенгаузен II: Вассаф. С. 86–87. См. также: С. 117 настоящей работы.
435. Тизенгаузен II: «Продолжение сборника летописей». С. 143.
436. Тизенгаузен II: Казвини Х. С. 93.
437. См.: С. 118 данной работы.
438. Лавров Ч. I. С. 118 (№ 287).
439. Там же. С. 197–196 (подробный комментарий с планом № 287).
440. Ретроспективной аналогией такой формы может служить Ахтыпара XVIII–начала XIX вв. — См.: Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 164.
441. См. С. 83 настоящей работы.
442. Лавров Ч. 2. С. 80–81 (№ 583), а также С. 94 (№ 633) и примечания к ним.
443. См.: С. 114–115 настоящей работы.
444. Бартольд В.В. Чупан // Соч. Т. V. М., 1968. С. 629
445. Это хорошо совпадает с результатом расчета по списку уцмийской родословной (Амир-Чобан приходится на середину — третью четверть XIV вв.). — См.: Гл. I, § 4 настоящей работы, а также: Криштора А.Е. Указ. соч. С. 174, 176–177.
446. См.: С. 32, 44 настоящей работы.
447. Берже I. С. 1073.
448. Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. С. 11.

449. Тизенгаузен I: Ибн Баттута. С. 306.
 450. Там же. С. 300.
 451. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С. 91.
 452. Там же. С. 28.
 453. Лакские эпические песни / Сост., перев. и прим. Х. Халилова. Махачкала, 1969. С. 89–92 (оригинал) и С. 197–202 (перевод).
 454. См.: С. 69–70 настоящей работы.
 455. Эта сторона ордынской политики уже отмечалась в исторической литературе. — См.: Народы Кавказа. Т. II. М., 1960. С. 77.
 456. Иванов А.А. Указ. соч. С. 180.
 457. Тизенгаузен II: Казвини З. С. 94.
 458. Тизенгаузен II: «Тарих-и Шейх Увейс» С. 102.
 459. Тизенгаузен II: «Тарих-и Шейх Увейс» С. 103; З. Казвини. С. 96.
 460. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966. С. 68–92.

**NOT FOR
PUBLIC RELEASE**

Глава IV

Дагестан во второй половине XIV – начале XV вв.

§ 1. Обстановка в Дагестане 60–90 годов XIV в.

Экспансия владетелей Ширвана и Кайтага в долину Самура. Сведения об их экспансии в долине Самура содержатся в двух не зависящих друг от друга источниках: в «Кайтахской рукописи I»⁴⁶¹ и «Кайтахской рукописи II» («Хроника Махмуда Хиналугского»)⁴⁶². Изложим кратко версию каждого из них.

Согласно «Хронике М. Хиналугского», изгнанный Султан-Алибеком из Кайтага его сводный брат Ильча-Ахмед бежал в Ширван, где был принят своим дядей (братом матери) «султаном Кершасибом, ширванским владетелем». Ильча-Ахмед поселился в с. Вардан, Якублу, Согютлю, «которые принадлежали ему до выхода его из Кайтаха»⁴⁶³, затем прикупил к ним с. Салар-Архы. К этому Кершасп добавил «для его содержания Акдашский магал». Итак, земли по реке Турианчай, почти от верховьев до устья, перешли частью в собственность, частью в управление и пользование Ильча-Ахмеда, племянника и вассала ширваншаха.

Далее источник говорит о пожаловании «в управление» сыновьям Ильча-Ахмеда земель в северной части Ширвана:

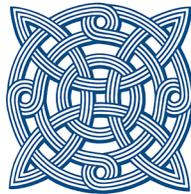
- Теймур-бек (по прозвищу Тули-бек) «управлял крепостью Ширванскою» Кабалой;
- Абдулкадыр-бахадур был назначен в Рустоуский магал;

Приведенный отрывок «Кайтагской рукописи I» гораздо более достоверен, чем предыдущая ее часть⁴⁶⁶. В самом деле: при сопоставлении его с «Хроникой М. Хиналугского» становится очевидным, что сообщение последней о проникновении в долину Самура ширваншахских вассалов лишь с согласия Султан-Алибека хорошо согласуется и с приведенным сообщением «Кайтагской рукописи I» о завоевании долины Самура сыном Кайтагского правителя и контроле его (пусть временном) над «горными жителями до границы города Шемахи». Вышеуказанные сыновья Ильча-Ахмеда суть двоюродные братья Амир-Чупана — следовательно, сообщения обоих источников относятся к одному и тому же времени; подвластные Амир-Чупану Маза, Куруш и горные земли до Шемахи локально совпадают в основной своей части с приведенным выше списком селений, переданных в управление Мухаммад-беку, — следовательно, сообщения обоих источников относятся к одной и той же территории.

Установив сам факт наличия достоверной основы у обоих повествований, следует определить теперь степень достоверности их сообщений. Мы исходим из того, что при изложении двумя независимыми друг от друга источниками сведений о событиях одного и того же времени и на одной и той же территории, надо признать: 1) **действительными** — сведения, совпадающие в обоих источниках, 2) **вероятными** — даваемые лишь одним из источников, но согласующиеся с содержанием другого, а также с установленными историческими фактами, и 3) **сомнительными** — даваемые одним из источников, но противоречащие либо сведениям другого, либо установленным историческим фактам.

В таком случае, можно рассматривать:

- 1) как **достоверные** — сообщения о контроле правителя Кайтага над долиной Самура (по крайней мере, ниже реки Ахтычай) до проникновения туда ширваншахских вассалов;
- 2) как **вероятные** — сообщения о завоевании долины Самура Амир-Чупаном; наличие его базы в с. Маза; его союз с отдельными феодалами как местными (Исмаил-бек и Хасан-бек в с. Куруш), так и ширванскими (султан Феридун);

его временный контроль в горной части Северного Ширвана; временная ссора и затем примирение с Феридуном; создание пограничных округов Ширвана, управляемых кайтагскими князьями-эмигрантами — вассалами ширваншаха; назначение Мухаммад-бека комендантом Ихира (и все непосредственно с этим связанные факты); посредничество ширваншаха в том назначении;

3) как **сомнительные** — сообщение о роли Кершасиб-султана, Ильча-Ахмеда и Султан-Алибека в переходе Ихира под ширванский контроль, подлинность текстов «переписки» и «утвердительной грамоты» и роли кумухцев и шамхала в этих событиях; поселение Амир-Чупана, его женатых сыновей и Феридуна в с. Маза (да и сами эти «династические браки»⁴⁶⁷).

Следует определить хотя бы примерные хронологические рамки факта, который мы считаем достоверным, то есть периода контроля над частью Самурской долины правителя Кайтага. Существование здесь его власти заведомо исключено по крайней мере после 1395 г., когда Кайтаг был страшно разгромлен Тимуром. Почти исключено и до 1319 г. — до этого времени Хулагиды достаточно надежно контролировали Дербент и часть Южного Дагестана. Итак, дату экспансии Кайтага на юг следует искать между 1319 и 1395 гг.

Ширваншахи не в силах были предпринять действия для расширения своей территории на север в первой трети XIV в.: в это время они утратили последние остатки политической самостоятельности и не имели ни возможности, ни права на подобную инициативу⁴⁶⁸. В то же время военно-политические мероприятия ильханских властей были отвлечены в основном на Дербентское направление.

Вторая треть XIV в. также была неблагоприятна для аннексии южнодагестанских земель Ширваном. Хотя в это время он только что обрел независимость, но силы его были отвлечены к своей южной границе⁴⁶⁹, где почти не прекращалась борьба феодальных кланов, откуда то и дело следовали вторжения. В таких условиях Ширван на своей северной границе был, очевидно, способен лишь к оборонительным мероприятиям. Только в последней четверти XIV в. опасность с

юга ослабела, и ширваншахи получили возможность перенести военную инициативу на северные границы своих владений. Итак, вышеуказанные обстоятельства заставляют считать наиболее вероятным проникновение Ширвана в Самурдере не ранее конца 70-х годов XIV в. — не позднее 1395 г. Этому проникновению Ширвана непосредственно предшествовал контроль над землями уцмиев Кайтага.

Вероятный ход экспансии ширванских и кайтагских феодалов в южнодагестанские земли. Часть сообщений «Кайтагских рукописей», отнесенная выше к разряду «вероятных», дает опорные точки для более детальной реконструкции событий XIV в. в южнодагестанских землях (разумеется, она остается рабочей гипотезой до тех пор, пока не получит прямых подтверждений надежных источников). Приступая к такой реконструкции, мы принимаем в качестве исходных следующие положения:

— в действиях кайтагцев — вассалов ширваншаха (т.е. Ильча-Ахмеда с сыновьями) по овладению южнодагестанскими землями различимы три этапа: сначала поручение Ильча-Ахмеду Акдашского магала, затем назначение его сыновей Теймура, Гамзы и Абдулкадыра в участки на северной границе Ширвана и, наконец, назначение Мухаммад-бека б. Ильча-Ахмада в крепость Ихир;

— действия Амир-Чупана в долине Самура не могли иметь места ранее 40-х годов XIV в. (обоснование см. на с. 120–121 настоящей работы);

— назначение Мухаммад-бека в Ихир могло произойти лишь после окончания здесь деятельности Амир-Чупана;

— срок, отделявший назначение Теймура, Гамзы и Абдулкадыра от назначения Мухаммад-бека, должен быть менее одного поколения, так как эти лица — родные братья и, следовательно, жили в одно время.

Принимая во внимание всё вышеизложенное, можно следующим образом реконструировать события XIV в. в южнодагестанских землях.

Прибывший в Ширван из Кайтага во время феодальной войны в Дагестане Ильча-Ахмед мог получить Акдашский магал не ранее конца первой — начала второй четверти XIV в.

Не ранее 40-х годов XIV в., но не позднее третьей четверти XIV в. Амир-Чупан, сын Султана-Алибека, проникает из Кайтага (через Табасаран?) в долину Самура. Нижняя ее часть была разорена почти столетним произволом монгольских завоевателей. Вышележащие районы этой долины (пресловутые «горные проходы» и «малодоступные пограничные области») были обессилены ильханской военной колонизацией начала XIV в. С прекращением власти ильханов на Кавказе в конце 30-х годов XIV в. эти «тезики» — иктадары в массе своей должны были покинуть южнодагестанские земли, население которых, таким образом, обрело свободу от монгольских завоевателей. Ширван, также получивший независимость, не мог распространить свое влияние на эти территории ввиду постоянной опасности на его южных границах. Этим положением воспользовался Амир-Чупан (не ранее 40-х годов XIV в.). Он подчинил себе здешние земли по меньшей мере до реки Ахтычай. В верховьях ее находилось с. Маза, ставшее базой Амир-Чупана. При этом он вступил в союз со здешними феодалами (беками Исмаилом и Хасаном в Куруше). Используя удобное стратегическое положение с. Маза (контролировавшего пути на юг к Малкамудскому перевалу и далее в долину реки Турианчай и на восток — через Куруш в долины рек Чехычай, Кусарчай и Кудиалчай), Амир-Чупан вторгся даже в Закавказье: однажды он собрал подати «со всех горных жителей до границ города Шемахи». Далее он вступил в соглашение с ширванским феодалом — султаном Феридуном.

В отличие от «султана Кершасиба», владетельные prerogatives которого подтверждаются раздачей земель вассалам, арбитражем в примирении сыновей Султан-Мухаммада и т.п., источник изображает султана Феридуна феодалом того же ранга, что и сам Амир-Чупан: там говорится об их договорах, ссорах из-за податей и т.п., даже о династических браках и совместной жизни обоих феодальных домов⁴⁷⁰. Однако все это не дает оснований считать Феридуна «ширваншахом»⁴⁷¹, а тем более отождествлять его с Афридуном б. Ферибурзом (и относить на этом основании завоевания Амир-Чупана к

XII в.)⁴⁷². Титул «султан» был весьма распространен, а имя «Феридун» нередко встречалось в феодальной среде Ширвана при Кесранидах, культивировавших староиранские традиции⁴⁷³. Известны ширванские феодалы — хаджи Феридун и хаджи Фераморз, вынужденные после пленения ширваншаха Кауса (1366–1367 гг.) признать свою зависимость непосредственно от Увейса Джалаирида и платить ему дань⁴⁷⁴.

Такие события, как: 1) действия Амир-Чупана, 2) назначение Теймура, Гамзы и Абдулкадыра управляющими магалов и крепостей, 3) назначение Мухаммад-бека в Ихир — должны были иметь место в пределах одного поколения, так как все названные лица являются родными или двоюродными братьями. Соответственно генеалогическим спискам, деятельность этого поколения следует отнести примерно к третьей четверти XIV в.⁴⁷⁵. Остается определить лишь очередность событий в указанных хронологических рамках — середина и третья четверть XIV в.

Для этого примем во внимание, что назначение Мухаммад-бека произошло после набегов на ширванские земли «разбойников» с севера (т.е. оно было последним из выше названных трех событий в рамках третьей четверти XIV в.). Если же допустить, что к этим набегам могли быть отнесены и некоторые действия Амир-Чупана (его «податная акция», его действия в период временной вражды с Феридуном и т.п.), то оба события, предшествовавшие назначению Мухаммад-бека, еще больше сближаются во времени. Более того: завоевательная активность уцмийского наследника в южнодагестанских землях, то и дело «перехлестывавшая» через Главный Кавказский хребет, как раз и могла обусловить создание ширваншахами на своих северных границах ряда пограничных округов, управляемых его кайтагскими вассалами-эмигрантами.

В самом деле, взаимное расположение этих владений образует дугу от с. Хазри до Фийского перевала и Шекинского владения, с выступающими к северо-западу концами.

Правое ее крыло составляли уделы Гамзы и Абдулкадыра. Управляемый Гамзой Калханский магал тянулся по предгор-

ной полосе от берега реки Самур до реки Карачай, пересекая долины рек Кудиалчай и Кусарчай. Село Калхан (ныне Хазри)⁴⁷⁶ – наиболее далеко вынесенная на север точка этой дуги – одновременно являлось, по мнению Б.Г. Малачиханова, крайней южной вехой «великого пути через горы»⁴⁷⁷, сыгравшего большую роль в истории Дагестана. Этим определяется и важное стратегическое значение удела Гамзы. В районе с. Рустов он смыкался с участком Абдулкадыра, который, опираясь на селения Будуг и Рустов, контролировал долину реки Карачай.

Левое крыло этой дуги составляли уделы Теймура и самого Ильча-Ахмеда – отца трех упомянутых братьев. Ильча-Ахмед управлял Акдашским магалом, контролируя бассейн реки Турианчай (включая путь по ее долине вверх к Фийскому и Малкамудскому перевалам, ведущим через Главный Кавказский хребет в долину Самура).

Теймур, будучи комендантом крепости Кабала на восточном, Ниджском притоке реки Турианчай, контролировал ее долину⁴⁷⁸, прикрывая пространство между участком Ильча-Ахмеда и Главным Кавказским хребтом.

Оба эти крыла опирались в центре дуги на труднопреодолимый участок Главного Кавказского хребта между Базардюзю и Бабадагом.

Итак, передавая северные пограничные магалы Ширвана в управление своим искусственным в горной войне кайтагским родственникам-вассалам на условиях предотвращения набегов, ширваншахи превратили эти магалы в пограничные округа. Сочетание этих округов с естественными оборонительными рубежами образовало непрерывный барьер от границ Шекинского владения до Калханской переправы (у нынешнего с. Хазри) через реку Самур. Создание его было начато во второй четверти XIV в. Он должен был препятствовать любым военным проникновениям из бассейна Самура, где положение было крайне нестабильным (в значительной мере из-за вторжения туда Амир-Чупана).

Тем не менее «Хроника М. Хиналугского» продолжает говорить о «кумыкских (чит.: кумухских) и других разбой-

никах», которые «в летнее время... часто спускаются с дорог, идущих по горным высотам в виду деревень Альфа (Фий), Мезав (Маза), Куруш и Хиналук»⁴⁷⁹. Таким образом линия этих селений определяла фактическую северную границу Ширвана после создания пограничных округов (по меньшей мере, до 70-х годов XIV в.), из чего видно, что полукольцо этих округов своим правым флангом охватывало земли в верховьях рек Кусарчай и Кудиалчай, а на левом фланге (верховья реки Турианчай) вассалы ширваншаха в это время уже контролировали перевалы через Главный Кавказский хребет и вышли на северные его склоны. Здесь они вплотную подошли с запада к горному узлу, образуемому системами Рагдана, Базардюзю, Шалбуза и Шахдага.

С этого горного узла берут начало реки Турианчай, Кусарчай, Чехычай, следовательно, здесь почти соприкасаются верховья их речных долин, по которым шли дороги к Самуру, Куру и в северо-восточную часть Ширвана. Поэтому обладание им открывало удобные пути из Ширвана в долины рек Ахтычай и Чехычай и таким образом обеспечивало контроль над средним течением реки Самур – все это определяло стратегическое значение данного участка. Вполне понятен поэтому очередной этап ширванской феодальной экспансии – овладение этим горным узлом: Это давало возможность выйти на рубеж Самура и таким образом замкнуть полукольцо пограничных округов, обеспечив контроль над территорией между ними и Самуром.

Утверждение власти ширваншаха в долине Самура представлено в «Хронике М. Хиналугского» как вполне мирное присоединение: по соглашению с уцмием Кайтага ширваншах назначил комендантом крепости Ихир сына Ильча-Ахмеда – Мухаммад-бека. «Ахир-Докузпара» (Ихир) был расположен вблизи с. Маза, бывшей резиденции Амир-Чупана (около 10 км к юго-востоку от нее)⁴⁸⁰, и разделял все ее стратегические преимущества: он находился на западном краю упомянутого горного узла (на склоне горы Шалбуз), контролируя долины рек Ахтычай и Чехычай, а заодно и доступ из них в Ширван (через Малкамудский перевал и до-

лину Турианчая). Данный путь обеспечивал надежную связь Ихира с югом, а в случае необходимости и помощь оттуда. Одновременно Мухаммад-беку поручалось управление Докузпарой⁴⁸¹, крепостью Хакуль-Мака (Мака) и селениями Ахты, Мискинджи, Мукрах, Кюрэ (Кара-Кюрэ), Хиналук, Альфой (Фий), Альмаза (Маза) — то есть всем внутренним пространством очерченного выше полукольца между средним течением Самура и Главным Кавказским хребтом. Все названные селения лежат по южную сторону рек Самур и Ахтычай — видимо, в соглашении ширваншаха и уцмий Самура играл роль границы сфер интересов Ширвана и Кайтага.

Итак, назначение Мухаммад-бека в Ихир и ширвано-кайтагское соглашение должны относиться к концу рассматриваемого хронологического отрезка (не ранее конца 70-х годов XIV в.). Очевидна выгода этого соглашения для ширваншахов (территориальные приобретения, выход на легкообороняемый рубеж Самура) и для их вассалов — Ильча-Ахмеда с сыновьями (новые владения).

Уцмий же фактически отказался от претензий на земли к югу от Самура. Вместе с тем, соглашение соответствовало и интересам Кайтагского княжеского дома. Это становится заметно при учете политической ситуации 80-х годов XIV в.:

1. Уцмий к этому времени, видимо, уже был союзником Тохтамыш⁴⁸² и обязан был считаться как с обострением отношений между его сюзереном и Тимуром, так и с возрастающей ролью ширваншаха Шейх-Ибрахима (с 1386 г. — самого влиятельного вассала Тимура). Уступка земель южнее Самура не могла быть большой потерей для уцмий — ведь его власть, судя по «Хронике М. Хиналугского», распространялась по долине Самура не выше реки Усучай (Маза, Куруш). Зато отказ от трудноохраняемых земель в пользу Ширвана устранял для уцмиев как возможность превращения ширваншаха в их сильного врага, так и перспективу соперничества с ним в Южном Дагестане. Это должно было упрочить контроль Кайтага над северной частью Самурской долины.

2. Свой отказ от территорий южнее Самура владетель Кайтага обусловил передачей этих земель в управление или

владение потомкам Ильча-Ахмеда. Это должно было еще сильнее привязать их к Закавказью, следовательно, ослабить легитимные претензии этой ветви кайтагских князей на трон Кайтага. Что в свою очередь неизбежно вело к закреплению кайтагского трона за потомками Султан-Алибека. Недаром процедура передачи Ихира так тесно увязана в «Хронике М. Хиналугского» с примирением Ильча-Ахмеда вместе с его сыном Мухаммад-беком, с одной стороны, и уцмий — с другой.

Источник упоминает о женитьбе Мухаммад-бека в Ихире на дочери «первого главы в этой крепости». Вероятно, это еще одно указание на наличие здесь до этого феодалов, лояльных прежней (т.е. уцмийской) власти, либо насажденных ею здесь⁴⁸³.

Как же сказались политические перемены в XIV в. на коренном населении территорий южнее Самура? В конце 30-х годов XIV в. ильханские «тазикские войска» неизбежно должны были покинуть свои «икта» в «горных проходах и малодоступных пограничных областях» в полосе Дербента ввиду быстрого развала Хулагидской державы — это означало освобождение жителей этих земель от монгольского ига. Почти одновременно, однако, ширваншахи с помощью своих вассалов — кайтагских князей-эмигрантов начали брать эти земли под свой контроль.

Между 40 и 70 годами XIV в. под их контролем оказались удины Ниджа и Кабалы и лезгины верховьев реки Турианчай (уделы Ильча-Ахмеда и Теймура), будухцы и лезгины долины реки Карачай (удел Абдулкадыра) и предгорья к югу от Самура (удел Гамзы).

В последней четверти XIV в. та же судьба постигла жителей Усучайской долины, а затем — лезгин верховьев реки Кусарчай, хиналугцев и крызов (удел Мухаммад-бека). Переход от номинального «утверждения в управление» к действительному контролю Ширвана над территорией от среднего течения реки Самур до Главного Кавказского хребта, вероятнее всего, произошел при Шейх-Ибрахиме (после 1382 г.).

С 1395 г., то есть после разгрома Тимуром Кайтага, все население средней и нижней части бассейна Самура должно было постепенно попасть под контроль ширваншахов. Эпиграфическая надпись в с. Ахты «Владелец крепости ширбаншах Халилаллах»⁴⁸⁴ (1417–1462 гг.) не оставляет сомнения в том, что в первой половине XV в. ширваншахи закрепились в долине Самура.

Северной границей территории влияния Ширвана надолго (вероятно, до похода ширваншаха Шейхшаха в 917/1511–2 гг.)⁴⁸⁵ стал, по-видимому, водораздел рек Самур и Гюльгерычай, то есть южная граница сильного Курахского общинного союза, очевидно, игравшего роль барьера на пути ширваншахской экспансии с юга (как уже было отмечено выше).

Земли Верхнего Самура во второй половине XIV – начале XV вв. Почти все сведения об этом периоде истории рутульцев и цахурцев дает эпиграфика.

Выше уже отмечалось, что отсутствие эпиграфики за первую половину XIV в. может быть сопоставлено с драматическими событиями первых лет XIV в. в долине Самура, осложнявшимися, конечно, положением и в его верховьях. Напротив, немалое число надписей второй половины XIV в. – начала XV в. (в особенности строительных) должно свидетельствовать о наступившей стабилизации — при этом отметим, что почти все строительные надписи обнаружены в цахурских селах (Цахур, Мишлеш, Ихрек), то есть на территории более недоступной, удаленной от района экспансии кайтагских и ширванских феодалов⁴⁸⁶.

При знакомстве с этой эпиграфикой⁴⁸⁷ прежде всего заметны черты сходства с положением на этой же территории до конца XIII в.: 1) отсутствие (как и в письменных источниках) каких-либо свидетельств о зависимости здешних сельских общин от более могущественных соседей; 2) отсутствие указаний на отношение союза или подчинения между общинами; 3) наличие здесь достаточного количества грамотных (по-арабски и по-персидски) людей, то есть довольно высокий уровень «книжной культуры»; и 4) наличие строителей-профессионалов (в т.ч. потомственных), а также свя-

зей в этой сфере между различными сельскими общинами — последнее эпиграфика отражает довольно детально.

Так, согласно строительной надписи из Хнова, здесь в мае – июне 1401 г. мастер-профессионал (устаз) Хурсан б. Халиф и его сын Мама аз-Захури (т.е. «из Цахура») построили минарет⁴⁸⁸. Устаз Хурсан, по-видимому, упомянут также в утраченной ныне надписи на стене мечети в с. Цахур⁴⁸⁹. Мама (Мамай) упомянут в строительной надписи из Мишлеша⁴⁹⁰.

Наконец, в конце известной надписи из Цахура от 1432 г. упоминается «катиб» (профессиональный каллиграф-резчик надписей): «Иса б. Мамай аз-Захури»⁴⁹¹ — весьма возможно, что это сын Мама б. Хурсана и внук устаза Хурсана.

Итак, если наша интерпретация этих четырех надписей верна, то они отражают деятельность между 1374 и 1422 гг. трех поколений одной семьи ремесленников-профессионалов, связанных со строительным делом⁴⁹². Работая в основном в родном с. Цахур, они иногда выполняли в соседних селах (в Хнове в 1401 г.)⁴⁹³ работу на заказ.

Строительные надписи и эпитафии Верхнего Самура XIV в. дают некоторые сведения об экономических и социальных отношениях. А.Р. Шихсаидов, указывал уже, что в надписи 1401 г. из Хнова содержится наиболее раннее в эпиграфике упоминание «мулька»⁴⁹⁴, к этому можно добавить, что передача последнего «селению Киш ал-Хинав» свидетельствует о существовании фондов общинных земель и, тем самым, о возможности (хотя бы частичной) вторичного образования такого фонда, равно как и самой общины.

Тот же исследователь установил факт выделения в Верхнем Самуре господствующего сословия — всадников-дружинников и «амиров»⁴⁹⁵, причем дружина имела военного предводителя — «главу всадников», а «амиры» могли быть ее членами. Принимая общие выводы А.Р. Шихсаидова, мы хотели бы уточнить термин «амир»: 1) это не наследуемый сословный титул, так как в «кунья» хновских «амиров» нет никакого сходства, а прямой потомок амира Абакара б. Тахсмана в четвертом поколении Мухаммад б. Асад, умерший в 854/1450–1451 гг., этого титула не имеет⁴⁹⁶; 2) признать

«амира» носителем высшей гражданской власти мешает указание на молодость одного из амиров-всадников («...амир Сейф ад-Дин б. Аджудж... юноша красивый»)⁴⁹⁷; 3) один раз «амир» фигурирует как личное имя⁴⁹⁸.

По-нашему мнению, сама неопределенность употребления термина «амир» (скорее, как почетного эпитета) указывает на незавершенность процесса выделения высшего сословия в Хнове рубежа XIV–XV вв. Тем более не успели сформироваться правящие династии. Однако, как отмечал К. Маркс, «олигархия увековечивает себя не при помощи постоянного сохранения власти в одних и тех же руках, но тем, что она попеременно выпускает власть из одной руки, чтобы подхватить ее тут же другой»⁴⁹⁹.

С другой стороны, эпитафия Амира б. Чакука упоминает «бедных и низких (по положению)»⁵⁰⁰. Очевидно, здесь виден другой полюс дифференциации хновского общества.

Это общество, видимо, достигло к рубежу XIV–XV вв. такого уровня социального развития, когда оно не может удовлетвориться только традиционным адатным правом и нуждается в «факихе»⁵⁰¹ — шариатском законоводе.

Интересно сопоставить прослеживаемые по эпитафике родственные связи хновцев XIV–XV вв. с их общественным положением.

1. Могила Мухаммада б. Асада, правнука всадника амира Абакара б. Тахсмана, становится «пиром»⁵⁰² — причиной этого могут быть какие-то религиозные заслуги покойного (кстати, шахидом он не назван), следовательно, весьма вероятно его принадлежность к духовенству.

2. Дед Хамы б. Абакара, финансировавшего строительство минарета в Хнове в 1401 г.⁵⁰³, и отец хновского «главы всадников» Амира⁵⁰⁴ носят имя «Чакук». Ввиду редкости этого имени, встречаемого лишь в Хнове на двух хронологически близких надписях, допустимо предположить, что в обеих упомянуто одно и то же лицо. В таком случае Хама б. Абакар оказался бы племянником Амира.

Итак, авторитетное духовное лицо могло оказаться правнуком всадника-амира, а состоятельный жертвователь — пле-

мянником «главы всадников». Если предлагаемые здесь сопоставления верны, то обрисовывается формирование в Хнове на рубеже XIV–XV вв. сплоченной социальной верхушки, часто связанной родственными узами.

В целом хновская эпитафика XIV–начала XV вв. рисует нам сельскую общину (возможно, вторичную) с параллельно существующими частной и общинной формами собственности на землю; масса общинников расслаивается: на одном полюсе выделяются «бедные и низкие (по положению)», на другом — дружинники-профессионалы, к среде которых принадлежат и наиболее состоятельные лица (жертвователи), и духовные авторитеты. Родственное сплочение верхушки и именование ее членов «амирами» указывают на оформление ее в высшее сословие, хотя нет никаких признаков феодального владельца или династии, — формально общинные порядки остаются в неприкосновенности. Наличие ремесленной специализации, поддержание традиций «книжной культуры», существование «факихов» — знатоков шариатского права — все это указывает на довольно высокий уровень социального развития хновской общины на рубеже XIV–XV вв.

Подобный же уровень социального развития и устройства был, очевидно, и в других общинах Верхнего Самура. Так, эпитафия шахида Чакуна б. Кадир-бека от 2.VII.1396 г. из с. Цахур⁵⁰⁵ в основных чертах аналогична эпитафиям хновских «всадников» и «амиров». А.Р. Шихсаидов уже указывал, что в этой надписи — наиболее ранняя для Цахура фиксация феодального титула «бек» (как часть имени отца покойного). Тогда как другая упоминавшаяся надпись из Цахура⁵⁰⁶, передатированная нами на конец XIV в., содержит имя Сефи сына Кадыр-бека, организовавшего постройку минарета «по приказу» некоей Хадижат (очевидно, богатой жертвовательницы). Близость дат и редкость титула «бек» в Цахуре конца XIV в. позволяет предполагать, что шахид Чакун и организатор постройки минарета Сефи были родными братьями — время жизни их отца (носителя бекского титула) следует отнести таким образом к середине XIV в.

Незадолго до инициативы Хадижат в Цахуре цахурцы хаджи Дауд б. Ризван и его жена «построили» (то есть дали средства на строительство) в 1365 г. в с. Ихрек мечеть с минаретом⁵⁰⁷.

Итак, цахурская строительная эпиграфика XIV в. также свидетельствует о наличии здесь людей с крупными средствами и о каких-то связях некоторых из них с бекской семьей.

Верхнесамурская эпиграфика сообщает и о разнообразных внешних контактах этих земель в XIV – начале XV вв. Упомянуты в ней погибшие на чужбине⁵⁰⁸ хновские дружинники. В надписи 1365 г. назван также паломник в Мекку. Особенно интересны указания эпиграфических памятников на длительные многообразные связи верхнесамурских горцев с Закавказьем, в том числе с его грузинским и армянским населением.

А.Р. Шихсаидов отметил, что эпитафия цахурского шахида выполнена на крестообразной стеле. Он же заметил христианский характер имени «дарителя мультка» в надписи 1401 г. — Гурги (Георгий)⁵⁰⁹, а также множество немусульманских имен в верхнесамурской эпиграфике того времени. Среди таковых Л.И. Лавров выделил явно армянские имена Хаджи Гукаса из Цахура (около XIII в.)⁵¹⁰ и Патакана (1422 г.)⁵¹¹.

Неслучайный характер этих наблюдений станет еще яснее, если добавить к этому армянские стелы из с. Аттал Рутульского района с изображением крестов и с надписями⁵¹². Надписи повреждены («Сей крест есть память о...» и «...святой крест...»). По мнению К.Н. Юзбашяна, палеографические и декоративные особенности указывают на выполнение их «не ранее XIII–XIV вв.» мастером не армянином, не привыкшим к начертаниям армянских букв, —возможно, местным резчиком (по образцу)⁵¹³.

Если добавить к этим бесспорным следам культурных контактов с армянами еще и многочисленные местные предания о былом исповедании здесь «армянской веры», то очевидной станет длительная традиция их связей с центрами армянской культуры. Ближайшие из них находились по ту сторону Главного Кавказского хребта — вблизи Кабалы, где

жили горцы-удины, говорившие на языке лезгинской группы и исповедовавшие христианство армяно-грегорианского толка, а также в Шекинском владении, где проживало значительное число армян⁵¹⁴.

Итак, не раз высказывавшееся в нашей исторической литературе мнение о нередких случаях сосуществования христианства и ислама в Дагестане получает новое подтверждение в верхнесамурском материале XIV–XV вв. Примечательно, однако, что факты подобной веротерпимости встречаются в местах, где существовали независимые общины, а не феодальные владения.

«Хроника М. Хиналугского» сообщает, что Хасан-бек б. Касим-бек «поселился в с. Ахты с согласия отца», Махмуд-бек б. Али-бек стал владельцем Хнова, а Аббас б. Али-бек поселился в Хиналуге⁵¹⁵. Все они были потомками Ильча-Ахмеда I в пятом поколении (внуками Ильча-Ахмеда II), следовательно, время деятельности Хасан-бека, Махмуд-бека и Аббаса относится к первой четверти XV в. Таким образом в это время продолжается феодальная экспансия Ширвана вверх по реке Самур, так как Хнов (в отличие от с. Ахты) не входил в число сёл, «переданных в управление» Мухаммад-беку б. Ильча-Ахмеду I во второй половине XIV в. Однако, судя по тому же источнику, захват Хнова был последним успехом потомков Ильча-Ахмеда на верхнесамурском направлении.

Внешний Дагестан во второй половине XIV в. Гегемония Кайтага. В последней трети XIV в. Кайтаг оставался наиболее сильным княжеством Внешнего Дагестана. Устные исторические предания, которые могут быть отнесены к этому периоду, называют столицей Кайтагского княжества либо Кала-Курейш, либо Уркарах⁵¹⁶. Политическое влияние уцмиев распространилось на многие, прежде самостоятельные, дагестанские земли.

Вывод о верховенстве Кайтага над Зирихгераном в этот период естественно следовал бы из: 1) единогласных свидетельств источников о широком распространении власти уцмиев и 2) непосредственной близости Кала-Курейша к

Зирихгерану. Однако есть и более определенные свидетельства этого:

1. Предоставление Ширваном убежища врагу и конкуренту уцмий Султан-Алибека⁵¹⁷, с одной стороны, и разрыв связей Зирихгерана с землями «иранского культурного круга» в первой четверти XIV в.⁵¹⁸ — с другой: хронологически они очень близки, поэтому весьма вероятно, что это следствие контроля уцмий над внешними связями Зирихгерана.

2. Тождество художественного стиля памятников Зирихгерана и Кала-Курейша середины и второй половины XIV в. свидетельствует о тесных и постоянных связях между ними в это время.

С другой стороны, к этому же времени относятся многочисленные признаки производственно-технического подъема и социальной стабилизации в Зирихгеране. Прекращение связей с югом должно было в какой-то степени компенсироваться установлением связей с Внутренним Дагестаном со второй половины XIV в.⁵¹⁹ Разновидность полусферических бронзовых котлов с крестчатым бортом, зирихгеранское производство которых вполне доказано, стала изготавливаться примерно с середины XIV в.⁵²⁰ Ко второй половине XIV в. относится начало производства в Зирихгеране бронзовых котлов так называемого «закрытого типа»⁵²¹. Многочисленные⁵²² архитектурные детали зданий с барельефами, орнаментами, надписями свидетельствуют о начале монументального строительства. Развалины двух таких построек, так называемые «хоала-кульбе» (большие дома), еще застал Е.М. Шиллинг, сообщающий, что согласно кубачинскому преданию, именно для них первоначально были изготовлены рельефы. «Ввиду того, — сообщает он далее, — что по преданиям в с. Кубачи было два рядом стоящих дворца с резными камнями, считаемыми одними домом чине, другими — резиденцией уцмий, можно только гадать: то ли княжеская постройка была занята чинальцами после вытеснения уцмий, то ли этот дворцовый комплекс в какой-то промежуток времени стал местопребыванием уцмий»⁵²³. В любом случае, однако, главное селение Зирихгерана могло превратиться в уцмийскую

резиденцию лишь на короткий срок. Следовательно, строительство в середине – второй половине XIV в. дворца «кубачинской ратуши»⁵²⁴ либо захват общинным советом старейшин («чине») дворца уцмий подтверждает силу и устойчивость традиционных общинных институтов Зирихгерана и прежде всего «чине», несмотря на созеренитет уцмиев. Все это заставляет предположить здесь своеобразный «протекторат» Кайтагского уцмийства: внешние акции Зирихгерана контролировались уцмийцами, а во внутренних делах он был достаточно независим.

Выше мы отмечали политическую целесообразность отказа уцмиев Кайтага от земель южнее Самура в пользу кайтагцев-вассалов Ширвана, равно как и вероятное сохранение контроля уцмиев над северной стороной Самур-дере. Последнее предполагает и контроль уцмиев над путями из Кайтага, проходившими через Нижний Табасаран, — ведь именно здесь был отрезок международного торгового пути из Матреги в Дербенд⁵²⁵. Сообщение 1401 г. о Дювеке (Dawech)⁵²⁶, как об одном из пунктов «страны Кайтагской», прямо указывает на Кайтагский контроль над этой частью Табасарана. С этим хорошо согласуется и отсутствие всяких упоминаний о Табасаране в источниках, относящихся к XIV в. В отечественной историографии уже отмечалось, что это свидетельствует о политическом упадке Табасарана, еще ранее потерявшего самостоятельность⁵²⁷.

Из Нижнего Табасарана по предгорью шел путь к Кулханской переправе через реку Самур (у селения Хазра). Если учесть, что и Нижний Табасаран, и северная сторона Самур-дере были под властью уцмиев, то весьма вероятным становится и контроль Кайтага над соединяющим их путем. Следует, однако, отметить, что именно от Кулханской переправы начинался отрезок (летний вариант) «великого пути через горы» Дагестана, идущий далее к северу на Агул – Кокмадагский перевал – Кумух (отсюда путь раздваивался на северо-запад и северо-восток)⁵²⁸.

Правители Кайтага давно контролировали приморские трассы (прибрежную и предгорную) этого транзитного пути.

Было бы вполне закономерно, если бы они, имея в своих руках его южную исходную точку (Кулханскую переправу), попытались распространить свой контроль и на его северные участки, прежде всего, на Кумух — важный узел на этом пути. Для подтверждения такого вывода некоторые (хотя и косвенные) указания в источниках все же содержатся.

1. О временном отсутствии в Кумухе шамхала в XIV в. (после разгрома 1318 г.) и правлении здесь старшин свидетельствует не только недостоверная начальная часть «Кайтахской рукописи I». Упомянутая уже лакская историческая песня «Бурхай-Изажа» не содержит никакого упоминания о шамхалах Кумуха: получателями выкупа названы там «старейшины» и «кумухские магалы»⁵²⁹, хотя сделка с ордынцами имела отнюдь не внутрисельский характер. События, лежащие в основе этой песни, с наибольшей вероятностью могут быть отнесены к периоду относительного благополучия Орды, то есть от времени усиления Узбек-хана на Кавказе (20-е годы XIV в.) до 1360 г. Это позволяет несколько иначе понять слова в заключительной части «Тарих Дагестан»: когда после разгрома Кумуха «амиры Гумика, что из потомков Хамзы и Аббаса, рассеялись по частям света, по окраинам вилайатов... Гумик был взят руками недостойных по происхождению»⁵³⁰ — допустимо прочтение последней фразы и как «Гумик попал в руки (буквально: «задержался руками») недостойных по происхождению»⁵³¹.

Весьма возможно, что подразумеваются старшины, которые (в отличие от шамхалов) не происходили от «дядей пророка», а были лишь выделившейся из среды общинников верхушкой. Этот вывод об отсутствии шамхала не может быть опровергнут и единичным упоминанием о письме шамхалу Кумуха (без малейшего намека об ответе адресата)⁵³² в «Хронике М. Хиналугского». Рядом с подробной передачей здесь же «переписки» Кершасиб-султана и Ильча-Ахмеда с Султан-Алибеком это письмо производит, скорее, обратное впечатление: оно не столько подтверждает реальность существования шамхала в Кумухе, сколько указывает либо на крайнюю слабость, либо просто-напросто на отсутствие шам-

хальской власти, о которой до самой весны 1396 г. нет никаких достоверных упоминаний.

2. Примечательна и сама крайняя скудность сведений письменных источников (включая эпиграфические) о Кумухе XIV в. Заметно контрастируя с освещением предыдущего и последующего периодов, это косвенно свидетельствует о падении значения Кумуха в XIV в.

3. Несмотря на то, что начало «Кайтахской рукописи I» об «исламизации Кумуха Амир-Чупаном» есть не что иное, как «модернизация» старого газийского предания, все же поводом для его использования мог оказаться как раз достаточно продолжительный контроль уцмиев над Кумухом после разгрома последнего.

Итак, овладение исходным южным отрезком «великого пути через горы» и явные признаки упадка Кумуха после его разгрома в 1318 г. делают весьма вероятным и контроль уцмиев над южным отрезком этого пути, и потерю Газикумухским шамхальством первенствующего положения во Внешнем Дагестане, перешедшего в XIV в. к Кайтагу.

После резкого ослабления власти Орды в 60-х годах XIV в. в предгорной полосе установилась власть уцмиев. А давний контроль уцмиев над предгорной трассой прикаспийского транзитного пути сделал их власть здесь настолько прочной, что даже истребительные походы Тимура в 1395–1396 гг. не смогли полностью лишить Кайтаг плодов его политических успехов второй половины XIV в.⁵³³ Свидетельства XIV–XV вв. о жизни этой части кайтагских владений содержатся главным образом в отчетах католических миссионеров и документах папской курии⁵³⁴. Вероятно, учитывая, что внимание уцмиев в середине XIV в. было отвлечено «к южным горам», католические миссионеры проникли в Дагестан: в 1358 г. католический архиепископ Матреги, черкес Жан де Зики, докладывает римской курии, что его епархия распространяется до Железных Ворот, а с 1363 г. в документах курии упоминается «епископство Каспийских гор». В 1370 г. они называют уже епископа Лазаря Таркинского (Tarkiensis) — бывшего «лезгинского» (т.е. дагестанского)

епископа греческого вероисповедания, перешедшего в католицизм⁵³⁵. Тот же Ж. Ришар сообщает о францисканце — уроженце Дагестана по имени Антуан Солпан, который накануне нашествия Тимура (т.е. в конце XIV в.) был «посланцем от имени резидента ордена в викариат России и крепости Сарая»⁵³⁶. Есть также два сообщения о смерти епископов «Каспийских гор» — одного в 1389 г., другого — в 1396 г.⁵³⁷. Вторая дата совпадает с походом Тимура в земли южнее с. Тарки. Как известно, историографы Тимура подчеркивают, что он особенно жестоко преследовал и истреблял иноверцев.

Согласно булле 1401 г., миссионеры-минориты, пересекшие Татарию и «Бакинское море», евангелизировали «передние (т.е. более доступные. — А.К.) части страны Кайтагской» в городах Comesh, Thuma, Tarchu, Dergweli, Michah⁵³⁸ (Ф. Брун, цитируя ту же буллу, называет эти же пункты, но вместо Dergweli дает Dawesch)⁵³⁹. Здесь легко идентифицируются Тарки, Дургели, Мекеги (дарг. МикIхIя) и, видимо, Дювек. Известно, что миссионеры двигались рука об руку с купцами. Линия, соединяющая названные пункты, дает трассу торгового пути по предгорьям через Кайтаг. Вблизи ее, очевидно, следует искать также Thuma и Chomek (в первом, кажется, угадывается современное кайтагское с. Тама)⁵⁴⁰. Тарки обозначает, очевидно, северный предел Кайтагского владения. По всей видимости, Кайтаг удержал эти земли и в XV в. Осенью 1466 г. судно товарищей Аф. Никитина «разбило под Тарки и кайтакы пришед людей поимали»⁵⁴¹, причем и пленные, и товары были доставлены к уцмию. Последнее показывает, что купцов пленили именно люди уцмия, то есть это был не обычный грабеж, а осуществление феодального «берегового права», следовательно, еще в 1466 г. русским письменным источником косвенно засвидетельствована юрисдикция «Алильбека кайтагского князя» (видимо, Улубека, Улубия)⁵⁴² над побережьем Дагестана по меньшей мере до с. Тарки включительно.

Итак, вторая половина XIV в. (от завоеваний Амир-Чупана до походов Тимура) была периодом наибольшего политического могущества Кайтага и распространения контроля

уцмиев на большую часть Внешнего Дагестана — в форме либо устойчивой власти (полоса в районе предгорной и прибрежной трасс транзитного пути до с. Тарки включительно; северная сторона Самур-дере), либо контроля над внешними акциями и связями здешних земель — полного (Зирихгеран, Табасаран) или частичного (Кумух). Верховенство уцмиев в полосе от с. Тарки до реки Самур наиболее точно можно определить как гегемонию Кайтага во Внешнем Дагестане.

Этому способствовали: 1) выход Кайтага из феодальной войны начала XIV в. до вступления ее в наиболее разрушительную фазу (в отличие от остальных княжеств Дагестана) и сохранение таким образом своих сил и территории и 2) овладение значительным отрезком (от с. Тарки до реки Самур) международного торгового пути.

Последний фактор позволял не только обогащаться за счет своего рода «ренты» с международной торговли, он обеспечивал надежную связь подчиненных земель с кайтагской «метрополией», играя роль главной коммуникационной линии уцмийских владений.

Дербент от 1357 г. до нашествия Тимура. После ухода в 1357 г. войск Бердибека из Азербайджана в Орду и начала там острого политического кризиса с неизбежностью последовало ослабление контроля Орды на Северном Кавказе.

Отныне письменные источники, сообщающие о Дербенте, совершенно не упоминают о какой-либо монгольской власти здесь. Зато они неоднократно указывают на связи Дербента с Ширваном, что заставляет предполагать распространение на Дербент традиционного верховенства шир-ваншахов. Наиболее ясное свидетельство этого: в 777/1375–6 г. ширваншах Хушенг укрылся в Дербенте от войска Шах-Мансура, который с юга напал на Ширван по приказу своего дяди Шах-Шуджа Музаффариды⁵⁴³.

Есть, однако, и более ранние свидетельства ширванского влияния в Дербенте после ухода ордынских сил. Таковы, прежде всего, две надписи на Джума-мечети, сообщающие о ее восстановлении, — и поэтому, очевидно, одновременные (заметим, что это первые строительные надписи, появившие-

ся в Дербенте со времени монгольского нашествия). Одна из них называет имя «Тадж ад-Дина б. Мусы, бакинского строителя», по-видимому, руководившего работами. Как полагает С.О. Хан-Магомедов, эти эпиграфические известия относятся к возведению верхнего яруса Джума-мечети (из кирпича и мелкого камня), сооруженного на нижнем ярусе VIII в. (из крупных блоков)⁵⁴⁴. Фактически Джума-мечеть более чем наполовину была выстроена заново. И по объему, и по сложности это был весьма значительный труд, требовавший немалых затрат. Возобновление крупного капитального строительства убедительно свидетельствует об экономическом подъеме и политической стабилизации положения в Дербенте.

Конечно, главным условием такого подъема было продолжающееся функционирование «Великого шелкового пути» — важнейшей торговой артерии средневековой Евразии: находясь на меридиональной трассе, связующей оба маршрута (севернее и южнее Каспия)⁵⁴⁵ этого пути, Дербент был ее важным перевалочным и транзитным пунктом. Но быстрый подъем Дербента в 60–80-х годах XIV в. нельзя объяснить только этим условием: реализация его стала возможной благодаря резкому ослаблению монгольской власти на Кавказе во второй трети XIV в. В результате жители Дербента и его округи временно избавились от присутствия монгольских войск (то ордынских, то ильханских), от их военных междоусобиц, от податей и повинностей. Кроме того, стало возможным образование в Ширване государства, достаточно надежно прикрывавшего свою северную часть — Дербент и его округу — от ударов с юга (со стороны Джалаиридов, Музаффаридов и других феодальных кланов).

На существующие связи Дербента с Ширваном указывает не только имя строителя бакинского происхождения Тадж ад-Дина б. Мусы, но косвенно — имя вероятного заказчика (Африбуруз б. Тахмурад), зафиксированное в другой надписи на Джума-мечети (с датой ее восстановления — 770/1369–70 г.⁵⁴⁶). Это имя было весьма характерно для Кесранидов и их окружения (и, напротив, нехарактерно для собственно дербендской среды)⁵⁴⁷. Если сопоставить с этим: 1) свиде-

тельство Сейфеддини о наличии имени «Тахмурад» среди династических имен Кесранидов⁵⁴⁸ и 2) давнюю традицию ширваншахов назначать наместников Дербента из членов своей династии, то предположения о том, что Африбуруз б. Тахмурад был дербендским градоправителем⁵⁴⁹, весьма близким к дому Кесранидов, кажутся еще более основательными. Следовательно, столь же вероятен и контроль ширваншахов-Кесранидов над Дербентом не позднее чем в 770/1369–70 г. (т.е. задолго до бегства туда Хушенга в 777/1375–6 г., которое вполне убеждает в контроле Кесранидов над городом).

Источники не содержат никаких других сведений о политическом статусе Дербента во второй половине XIV в. Однако о последней ширваншахской династии Дербенди, сменившей Кесранидов, существует некоторый материал, дающий возможность исследования этого вопроса⁵⁵⁰. В.Ф. Минорский отмечает следующее: 1) все источники говорят о родстве с Кесранидами предков первого ширваншаха Дербенди Шейх-Ибрагима — таким образом Дербенди оказываются фактически родовой ветвью Кесранидов⁵⁵¹; 2) столь характерные для Кесранидов древнеиранские имена отсутствуют у Дербенди — «это, вероятно, отражает их иные брачные связи в дербендском окружении»⁵⁵² (из этого следует, что до 1382 г. в Дербенте жило не одно поколение этой ветви Кесранидов). Затем В.Ф. Минорский резюмирует: ширваншахи Дербенди «...являлись потомками так называемых “Кесранидов”, но факт, что их линия называется “дербендской”, указывает на то, что до появления в Ширване они могли править или занимать выдающееся положение в Дербенте»⁵⁵³. Безусловно в вопросе о политическом положении Дербента в 60–80-х годах XIV в. следует принять во внимание мнение этого выдающегося востоковеда.

В 1385 г. политическая ситуация в равнинном и Внешнем Дагестане заметно изменилась. Объединение при Тохтамыше почти всего улуса Джучи, казалось бы, возродило Орду. Возобновились ее претензии на Восточное Закавказье. Открытым проявлением этого был поход на Тебриз в начале

1385 г. Учитывая, что Тимур находился далеко от этого района, «Токтамыш-хан через Дербенд отправил к Тебризу огромную армию, приблизительно 9 туменов, большей частью язычников безжалостных и злобных»⁵⁵⁴. После разграбления в феврале 1385 г. Тебриза «в ту самую зиму, собрав все награбленное и забрав пленных, они ушли тою же дорогою, которою пришли»⁵⁵⁵. Иными словами, через Дербенд на север опять прошла вся эта вооруженная масса, ведя с собой 200 000 пленных⁵⁵⁶. Дважды прокатившись через Дербенд и приморский Дагестан зимой 1385 г., это нашествие, вероятно, и здесь нанесло значительный ущерб. В начале 1387 г. войска Тохтамыша, пройдя Дербент, дошли до Куры⁵⁵⁷, однако, войско Мираншаха «загнало их за Дербенд»⁵⁵⁸. Таким образом, Дербенд и прилежащие земли вновь стали ареной разорительных военных действий.

Неудача 1387 г. не поколебала власти Тохтамыша над прикаспийской равниной до Апшерона включительно. Свидетельством ее в Дербенде являются находки монет, чеканенных здесь в 791/1389 г. от имени Тохтамыша⁵⁵⁹.

Внутренний Дагестан во второй половине XIV в. (до нашествия Тимура). Аварское княжество с центром в Хунзахе оставалось самой значительной во Внутреннем Дагестане политической единицей, хотя власть нуцалов была далеко не абсолютной. На это косвенно указывает эпитафия Сафилава б. Алигилиджа, ум. 791/1389 г. (найдена рядом с надгробьем Дугри-нуцала на кладбище Лъархъал в Хунзахе). Исследователи надписи сопоставили имя отца покойного с «алигиличилал» — упоминаемыми в «Завещании Андуника» владельцами «первых ворот Аварии»⁵⁶⁰, высказав допущение, что отец Сафилава может быть их родоначальником. В таком случае можно констатировать выделение в середине XIV в. одного из влиятельнейших родов — даже в конце XV в. (1485 г.) нуцал Андуник ставит обуздание «алигиличилал» в число важнейших государственных задач⁵⁶¹.

К этому же периоду, очевидно, следует отнести и «письмо укрепительное», выданное неким «татарским князем Бахти» и утверждавшее владельческие права нуцалов, о нем сообщал

И.-Г. Гербер, видевший его в 1727 г. у посланцев аварского хана⁵⁶². С этим письмом было связано историческое предание: подданные нуцала восстали и изгнали его из Аварии. Нуцал отправился в земли, подвластные Орде, где получил от татар упомянутый документ и «войско в помощь». Опираясь на этот татарский карательный отряд, нуцал вернул себе власть. Итак, предание, подкреплявшееся документом, отражает: 1) резкое обострение внутренней борьбы в Аварии и 2) факт вассалитета нуцала к Орде в течение какого-то времени, за что Орда гарантировала его власть, помогая ему в подавлении его собственного народа. По свидетельству И.-Г. Гербера, в «письме» говорится, что Бахти «в 14 столетии из Чагатай и Бухарии с войском пришел, Астрахань, Булгар, Казань и прочие под себя подобрал, также и далее в Россию вступил и многие места разорил». А.К. Бакиханов положил начало отождествлению Бахти с Батыем⁵⁶³, что относило бы упомянутые события в Аварском княжестве к 40-м годам XIII в. Нам, тем не менее, кажется более правильной датировка Гербера, ибо: 1) Чагатайское Ханство основано внуком Чагатая Алгу около 1265 г.⁵⁶⁴, то есть после смерти Бату; 2) множество феодалов-авантюристов из Синей Орды и Чагатайского улуса нахлынуло в Орду именно во время кризиса 60–80-х годов XIV в., и волжские города (в том числе Казань, Булгар, Астрахань) действительно тогда переходили из рук в руки; 3) именно к таким «деятелям смуты» мог принадлежать Бахти, хотя имя это среди правивших ханов Орды неизвестно, но его носили некоторые лица ханского рода (среди них и сын Тохтамыша) и военачальники⁵⁶⁵.

Однако таково предположительно политическое прошлое Бахти — в «письме укрепительном» он фигурирует, напротив, как блюститель правопорядка. Следовательно, связанные с «письмом» события точнее будет отнести к прекращению «смуты» и к началу реставрации Орды, вполне завершённой уже при Тохтамыше (который, однако, пользовался услугами участников смуты 60–80-х годов). Таким образом, вероятнее всего, эти события в Аварии имели место около 80-х годов XIV в.

Персидские историографы Тимура говорят о войсках Газикумуха и Аухара (Аварии) как о двух самостоятельных силах. Однако нуцала они не называют, хотя шамхал (шаухал) ими упомянут⁵⁶⁶. Это представляется нам неслучайным в свете вышеназванных указаний источников на слабость нуцальной власти в конце XIV в.

Итак, обострение социальной борьбы вплоть до изгнания нуцала, слабость его власти (с вытекающей отсюда для него необходимостью опираться на иностранную поддержку, из чего следует и вассалитет в отношении Орды), широкая самостоятельность крупных феодалов — вот характерные черты социально-политического состояния Аварии во второй половине XIV в., прослеживаемые в скудных сообщениях источников.

Все это делает более понятным и довольно длительное сосуществование в Аварском княжестве христианства и ислама⁵⁶⁷. Находимые близ Хунзаха каменные кресты с грузинской и грузино-аварской эпиграфикой палеографически датируются до XIV в. включительно⁵⁶⁸ (более того: есть даже крест, имеющий на лицевой стороне надпись XII в., а на боковой — надпись, датируемую в пределах XIV–XVI вв.⁵⁶⁹, что указывает на долгое бытование этого предмета культа). Также в Хунзахе обнаружена и мусульманская эпиграфика XIII–XIV вв.⁵⁷⁰

Письменные источники дают ту же картину: с одной стороны, местные материалы приводят к заключению о принятии ислама в качестве государственной религии Аварского княжества никак не позднее начала XIV в.⁵⁷¹; с другой стороны, грузинские источники сообщают: 1) о существовании православных храмов в Хунзахе и других землях Дагестана и посылке туда в начале XIV в. Евангелий по распоряжению грузинского католикоса Евфимия, верховной юрисдикции которого они, очевидно, подлежали⁵⁷²; 2) в обнаруженной в грузинском монастыре на Синае рукописи XIV в. упомянут «католикос гудзов» (то есть по мнению академика Н.А. Берзенишвили, епископ хундзов — Хунзаха) по имени «Златоуст» (Окропири)⁵⁷³.

В самом деле: ислам в это время не имел никакой внешней опоры и поддерживался княжеской властью, которая была довольно слаба, — тогда как православие могло опираться не только на длительную традицию, но и на прямую поддержку Грузии, переживающей в XIV в. (до нашествия Тимура) общий подъем.

Слабость власти нуцалов во второй половине XIV в. позволяет предполагать, что и территория Аварского княжества была в это время меньше, чем в момент ее первой документальной фиксации в «Завещании Андуника»⁵⁷⁴ (имеются указания источников на то, что Анди, Карата, Гидатль, Аркас определенно не входили в него до конца XIV в.).

Письменные источники почти не касаются исторической жизни в XIII–XIV вв. земель Внутреннего Дагестана к югу от Аварского княжества. Представление о ней приходится составлять на основе археологических материалов, которые могут быть отнесены к первым векам II тысячелетия н.э., а также исторического фольклора и ретроспективного использования более поздних (XV–XVI вв.) письменных свидетельств и преданий.

Большой группой археологических памятников в этой части Внутреннего Дагестана являются «христианские древности». Это грузинская эпиграфика в селениях Чох («из шести строк грузинским уставным письмом»)⁵⁷⁵, Ругуджа (XIV–XV вв.)⁵⁷⁶, Урада⁵⁷⁷; обломки каменных монументальных крестов в селениях Унти, Цулда (оба XII–XIV вв.)⁵⁷⁸ и изображения церковных крестов в селениях Гонода⁵⁷⁹, Мачада, Урада, Гента, Ходота⁵⁸⁰, а также монументальная плита, повторяющая «конфигурацию христианского складня» в с. Согратль (XII–XIII вв.)⁵⁸¹; сохранившиеся (либо не сохранившиеся, но надежно подтверждаемые) остатки церквей близ селений Наказух⁵⁸², Заиб, Датуна, Ходота, Тидиб, Урада⁵⁸³, Ругуджа⁵⁸⁴, Анцух⁵⁸⁵.

При картографировании нетрудно заметить, что все эти памятники образуют цепь от Мохобского перевала до устья реки Хван-ор. Если добавить еще одно звено — находку грузинской эпиграфики у с. Вачи⁵⁸⁶, то заметно совпадение этой

цепи «христианских древностей» со значительным отрезком «великого пути через горы», прослеженного Б.Г. Малачи-хановым⁵⁸⁷. Этот автор указывает далее маршрут через Ас-саб – Карата – Анди в Чечню. Существовало также в Гидатле ответвление на юго-запад, выводившее вверх по долине реки Хван-ор через Вантлашетский перевал⁵⁸⁸ в Грузию.

Долговременное функционирование такого пути может объяснить лишь проникновение христианства в бассейны Аварского и Каракойсу, однако монументальный характер памятников, расположенных вдоль этого пути, — церквей, крестов (сооружение их связано со значительными затратами) и эпиграфики (нанесение ее требует определенной религиозной подготовки и грамотности) свидетельствует и об укоренении христианства. Таким образом из объекта христианской пропаганды вышеназванные земли превратились в стабильный очаг христианства. Однако для перехода от язычества к монотеистической религии нужны благоприятствующие этому условия, то есть достаточный уровень социально-экономического развития.

В связи с этим следует обратить внимание на остатки очагов металлургии на этом пути. Бежтинский очаг к этому времени находился уже в упадке⁵⁸⁹. Но очаг в среднем течении Каракойсу функционировал, очевидно, с начала II тысячелетия н.э. до XV–XVI вв. — датировка основана на результатах наших разведок в данном районе в 1974 г.⁵⁹⁰: на керамическом материале, полученном при шурфовке памятника в ущелье реки БецI-гIор (левый приток реки Каракойсу, близ с. Ругуджа), на находках керамики с других памятников и на местном историческом фольклоре.

Между левым притоком реки БецI-гIор и Согратлинской речкой нами учтено не менее 14 памятников средневековой выплавки железа, прослежены северо-восточные и юго-восточные пределы данного металлургического района по линии Ругуджа – Унти – Согратль – Наказух. Основные залежи здешних сидеритовых руд уходят от с. Ругуджа на запад⁵⁹¹, где находится историческая область Куяда с древними остатками металлургии и стойкими традициями металлооб-

работки⁵⁹² — эту территорию, очевидно, также следует включить в пределы очага в бассейне Каракойсу.

На обследованной территории сохранились остатки небольших средневековых поселений, в каждом из которых, по преданиям, обитала небольшая родственная группа («къавм») ⁵⁹³. Однако в преданиях нет никаких определенных сведений о «къавме» в с. Селукъ (впоследствии Согратль) — напротив, предания изображают его как место, заселяемое постепенно пришлыми элементами⁵⁹⁴. Надо полагать, что повсеместная выплавка и обработка здесь железа и прекращение былой замкнутости «къавмов» были в какой-то степени взаимообусловлены и, следовательно, синхронны. В таком случае, исток второго из этих процессов точно так же следует отнести к началу II тысячелетия н.э.

В то же время функционирование очага металлургии делает более понятным прохождение здесь маршрута транзитного торгового пути; а равно и возникновение нового типа поселений (типа раннесредневековых «виков» Северной Европы или «погостов» Древней Руси): со смешанным населением, привлеченным чисто экономическими причинами, — очевидно, таким в это время было селение Селукъ.

Разрушение былой замкнутости «къавмов», появление ремесел и обмена, контакты с более развитыми областями (Грузия, Шамхальство) должны были способствовать социальному прогрессу и подготовить здесь почву для восприятия монотеистической религии (православия). Наличие христианских монументальных памятников (XII–XIV вв.) и эпиграфики (IV–XV вв.) в среднем течении Каракойсу свидетельствует о довольно высокой степени христианизации.

Но транзитный торговый путь должен был усилить и местные связи между тяготеющими к нему общинами. В позднесредневековый период в среднем течении Каракойсу известен мощный общинный союз — Андалал. Местные предания, однако, сообщают, что это название союз получил лишь после принятия ислама, а прежде он назывался Ай-Вицху и объединял 12 довольно крупных селений (среди них и Селукъ)⁵⁹⁵. Итак, мусульманскому Андалалу предшество-

вал христианский Ай-Вицху. К какому же времени следует отнести исламизацию Ай-Вицху? Процесс этот был постепенным и продолжительным. Ислам проникал сюда вместе с возрастающим влиянием Кумуха. Политической предпосылкой этого проникновения мы считаем разгром Грузии в 20-х годах XIII в. монголами, а затем Джалал ад-Дином, что означало прекращение возможности внешней поддержки православия в Дагестане⁵⁹⁶. К рубежу XIII–XIV вв. относится наиболее раннее (из ныне известных) эпиграфическое свидетельство о шамхале в Кумухе — примечательно, что оно показывает шамхала занятым исламизацией Зирихгерана⁵⁹⁷. Весьма возможно поэтому, что около этого времени надо искать начало активизации кумухских миссионеров и газиев, деятельность которых позже удостоилась одобрения Тимура⁵⁹⁸.

Однако восстановление политического могущества Грузии при Георгии V Блистательном (1314–1346 гг.) и почти одновременный разгром Кумуха в феодальной войне начала XIV в. должны были заметно задержать процесс исламизации земель Аварского Койсу, к тому же возобновилась поддержка православия из Грузии⁵⁹⁸. Примечательно, что надгробная стела кумухского миссионера, предложившего жителям с. Селукь принять ислам (по этой причине он был ими убит), выполнена в так называемом «шамхальском стиле» и имеет надпись «Смерть — истина, а жизнь — обман»⁵⁹⁹. Наиболее ранние стелы с таким декором⁶⁰⁰ и изречением⁶⁰¹ относятся к 80-м годам XIV в., что может быть принято как примерная дата этого инцидента, вскоре после которого Селукь, а затем и Ай-Вицху, по преданию, выразили согласие принять ислам.

К 1386 г. относится и начало разорительных походов Тимура на Грузию — в то же время его нашествия 1395–1396 гг. не затронули основных территорий Аварского и Кумухского княжеств. Следствием этого должно было стать прекращение помощи православию в Дагестане и усиление исламского проникновения в бассейн Каракойсу. Таким образом 80-е годы XIV в. можно считать нижним хронологическим пределом исламизации бассейна Каракойсу.

Наиболее ранний персонаж согратлинских преданий с признаками реального исторического лица (приводятся имя и обстоятельства жизни) — Амир-Хасан, выходец из «Кули-Хосреха», основатель старейшего согратлинского тухума (Адехунал)⁶⁰², ревнитель исламизации Ай-Вицху. Поскольку ныне живут его потомки в 19-м поколении, то родился он примерно в начале XV в.⁶⁰³, а поселился в Селукье (после многих злоключений) около середины XV в., которую таким образом следует считать верхним хронологическим пределом победы ислама в Селукье.

Эти сведения преданий хорошо согласуются с известными историческими фактами. Распространяемый из Кумуха ислам в 1435 г. утвердился в Карахе⁶⁰⁴, а в 1475 г. в Гидатле⁶⁰⁵. Ай-Вицху находился примерно между этими обществами — таким образом и время провозглашения здесь ислама господствующей религией оказывается между этими двумя датами, то есть около середины XV в. Следует учесть при этом, что в 1466 г. единое Грузинское царство начало распадаться, что исключало возможность поддержки православия за пределами своих границ и в дальнейшем предопределило и исчезновение его в Дагестане.

Селукь было первым селением общинного союза Ай-Вицху, принявшим ислам. Но старая религия исчезла не сразу. Многие предания свидетельствуют о сопротивлении исламизации жителей с. Ругуджа⁶⁰⁶, подобные же предания есть о селениях «гуржилъи» (буквы «грузинские», то есть православные) — Бацада, Унти, Шулани⁶⁰⁷, к которым следует добавить и Кула⁶⁰⁸. По преданию, союз Андалал полностью исламизировался лишь при своем первом кади — Сатмаре б. Дигае⁶⁰⁹, то есть в первой половине XVI в.

Высокогорный Дагестан оставался, очевидно, в орбите экономической и политической жизни Грузии. Свидетельство грузинских источников начала XIV в. о существовании церкви в Андухе хорошо известно, однако, они не дают почти никаких сведений о внутренней жизни дагестанских земель вплоть до начала распада Грузии в 1466 г. Примечательно, что после этого распада население Дидоэти (то есть

высокогорного Дагестана) дало убежище и оказало поддержку сначала Давиду (внуку Александра I Великого, будущему царю Кахетии и фактическому родоначальнику династии кахетинских царей) в 1466–1470 гг.⁶¹⁰, а затем осталось лояльным его сыну — царю Георгию (несмотря на отпадение от последнего тушинцев, пшавов, хевсуров), причем Дидоэти в результате военно-административной реформы Георгия, стал мтаварством Кахетии⁶¹¹. Итак, если влияние Грузии в Высокогорном Дагестане было столь ощутимым вплоть до конца XV в., то можно предположить, что в XIV в., когда Грузия была единым сильным государством, отношения ее с землями дагестанского Высокогорья были еще более тесными. Следует, впрочем, отметить, что грузинские источники касаются лишь церковной и военно-политической сторон этих взаимоотношений, не давая каких-либо фактов реальной власти Грузии в Высокогорном Дагестане XIII–XIV вв.

§ 2. Нашествие Тимура (1395–1396 гг.)

Рассмотрение этой темы целесообразно начать с обзора политической ситуации в Дагестане накануне 1395 г.

Тохтамышева Орда уже не была прежней Ордой, добивавшейся безусловного подчинения подвластных ей земель прежде всего военной силой. Теперь отношения ослабевшей Орды со своими вассалами и союзниками все более приближались к договорным.

В Дагестане «сторонниками Тохтамыш-хана», по сообщению Н. Шами и Ш. Йезди, были кайтагцы⁶¹². Выше было показано, что Аварское княжество в то время тоже стало вассалом Орды⁶¹³. Католический архиепископ Султании Иоанн III Галонифонтибус, перечисляя народы «Великой Тартарии», среди прочих упоминает аваров, газикумуков, а также народ *kupusch*⁶¹⁴ (кумыки?). Таким образом, к концу XIV в. они рассматривались как входящие в политическую сферу Тохтамышевой Орды. Это позволяет предполагать, что

Нашествие Тимура на Дагестан (1395-1396 гг.)

ДИДО - название исторических земель Дагестана

— поход Тимура в III-IV. 1395 г.

- - - 3-й рейд Тимура в XI. 1395 г.

- - - 4-й рейд Тимура в XII. 1395 г.

- - - 6-й рейд Тимура весной 1396 г.

Гази-Кумух - названия поселений, совпадающих с названиями соответствующих земель

○ Аркас - населенные пункты

✕ - даты и места сражений (по письменным источникам)

□ - линия высот менее 500 м

□ - линия высот более 500 м

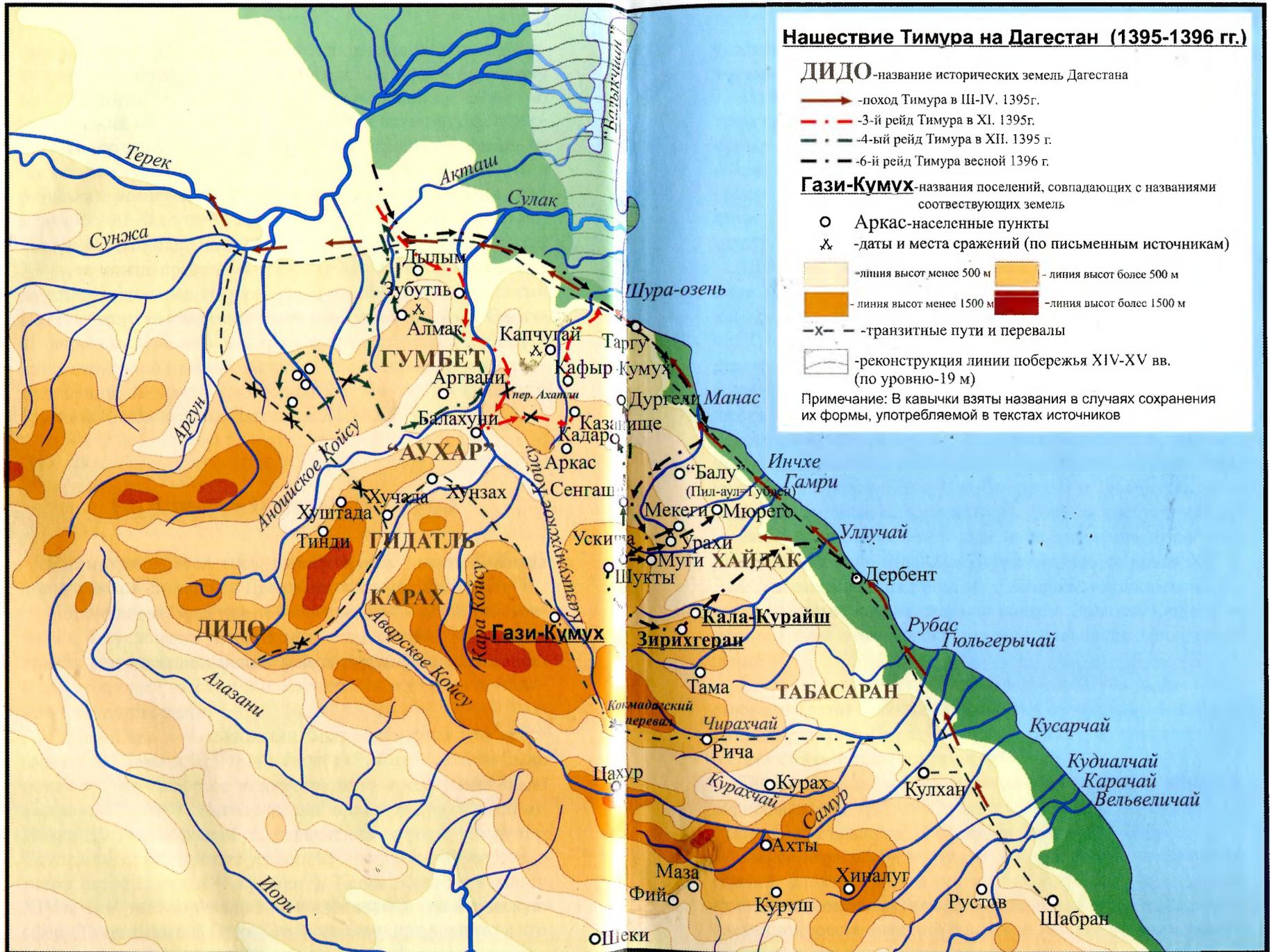
□ - линия высот менее 1500 м

□ - линия высот более 1500 м

-x- - транзитные пути и перевалы

□ - реконструкция линии побережья XIV-XV вв. (по уровню 19 м)

Примечание: В кавычки взяты названия в случаях сохранения их формы, употребляемой в текстах источников

Газикумух также входил в орбиту политического влияния тогдашней Орды⁶¹⁵.

Итак, источники свидетельствуют о союзе с Тохтамышем трех крупнейших княжеств Дагестана (для Газикумуха это предположительно). Примечательна также решительная и согласованная помощь Газикумуха и Аварии весной 1396 г. своим союзникам-иноверцам в Ушкудже⁶¹⁶: это может свидетельствовать о союзнических (или вассальных) отношениях между ними.

Предание, записанное А.К. Бакихановым в первой половине XIX в., сообщает, что «один из кумыкских эмиров, именем Гобден», получил от Тимура земли, ныне относящиеся к с. Губден — «Карачи-беки в Гобдене, Карабудахкенте и др. деревнях есть потомки его»⁶¹⁷. Это предание имплицитно содержит интересные факты: 1) еще до прихода Тимура существовали «кумыкские эмиры» и 2) судя по месту встречи одного из них (Гобдена) с Тимуром, резиденция местного эмира должна была находиться недалеко от Кадара (близ которого расположены и Карабудахкент, и Губден, где впоследствии проживали карачибеки). Отсюда следует, что сословие карачибеков ведет свое происхождение от эмиров, утвердившихся во Внешнем Дагестане еще до конца XIV в. Р.М. Магомедов сопоставил их с высшим служилым сословием «карачи», оформившимся ранее в Золотой Орде⁶¹⁸, — впоследствии этот взгляд получил дальнейшее подтверждение⁶¹⁹.

Несколько севернее, в бассейне реки Шура-озень, существовало другое небольшое владение с центром в Капчугае, принадлежавшее Пуладу. События 1395 г. показывают, что он был сторонником Тохтамыша⁶²⁰.

Таким образом, в разрозненных сообщениях источников обрисовывается группа крупных и мелких дагестанских мусульманских владетелей, стоявших на стороне Тохтамыша.

Менее ясна позиция других дагестанских политических единиц, упоминаемых в тех или иных источниках. Андийские предания гласят, что Андия до вторжения Тимура была владением князя-христианина Юлука⁶²¹. Гагатль называется

резиденцией Юлука, повествуется о его стадах, пасущихся рабами-пленниками, о его конной дружине, с помощью которой он ревностно распространял христианство в окрестных землях, строя там церкви (легенда говорит о его церкви в с. Гагатль⁶²²; до сих пор уцелели остатки церкви с. Гунха⁶²³; церковь Майсухатан⁶²⁴ к юго-западу от Болиха). Религиозная активность Юлука может косвенно указывать на его конфронтацию с Аварским княжеством, где успели уже сложиться газийские традиции⁶²⁵.

Исторические предания говорят также о значительных укрепленных поселениях (даже городах) в Дагестане того времени.

По сведениям, собранным А.К. Бакихановым, до похода Тимура здесь существовали «город Алмак..., который имел 7000 домов», а также «укрепленные селения Берк-тоу, Алхас-Тоу, Чубан-Тоу и Батлук (коих величественные развалины еще поныне существуют)»⁶²⁶.

Согласно историческим преданиям, бытующим доныне в с. Алмак, этот «город» был центром довольно обширной аграрной округи⁶²⁷ — таким образом вместе с ней он составлял самодовлеющую общину. Видимо, Берк-Тоу, Алхас-Тоу и Чубан-Тоу были центрами того же типа, уступая Алмаку лишь величиной. К числу подобных укрепленных поселений на северном склоне Салатавии, очевидно, следует добавить упомянутые в местных преданиях Гебехъала и Жагъинкало (уцелевшие жители которых образовали с. Дылым), а также Зубугль⁶²⁸. Вероятнее всего, «крепости Кулы и Тауса», названные и в «Зафарнамэ» Н. Шами, и в «Зафарнамэ» Ш. Йезди⁶²⁹, также относились к их числу. Здесь же, по-видимому, следует искать «область (и племя) Иркувун», к которому оба текста «Зафарнамэ» относят эти крепости. «Батлук» можно отождествить с Бакълъал (Гумбет)⁶³⁰ — группой сельских общин на южном склоне Салатау. Исходя из маршрута Тимура, ниже мы попытаемся сопоставить их с «областью Бешкент»⁶³¹, упомянутых в обоих источниках. В «Завещании Андуника» эта часть Салатавии включена в черту земель, доставшихся Андуник-нуцалу от его «могучих предков»⁶³², —

таким образом до 1485 г. Гумбет должен был быть владением **нескольких** поколений нуцалов, что позволяет считать его уже к концу XIV в. частью Аварского княжества.

Повествуя о военных действиях в северо-восточной части Внешнего Дагестана весной 1396 г., оба текста «Зафарнамэ» называют здесь крепости Ушкуджа, Нергес, Мика, Балу, Деркелу⁶³³, а также «местность Тарки»⁶³⁴. О политической самостоятельности Нергеса (Аркас)⁶³⁵ будет сказано ниже. Деркелу уверенно отождествляется с селением Дургели⁶³⁶. Наиболее обоснованные отождествления крепостей Ушкуджа и Балу, по-нашему мнению, даны в статье Б.Г. Алиева и Р.С. Шихсаидовой⁶³⁷.

Согласно интерпретации Ж. Ришаром сведений итальянского миссионерского источника 1401 г., Дуркели и Тарки относились к землям Кайтага, в обоих существовали католические «епископские центры»⁶³⁸. «Неверие» ушкуджинцев подчеркивают Н. Шами и Ш. Йезди⁶³⁹, а усишинские предания говорят о христианстве в средневековой Ускише⁶⁴⁰.

Источники не содержат прямых сведений о социальной жизни мелких политических единиц Салатавии и северо-восточной части Внешнего Дагестана. Кроме «Кулы и Тауса предводителей крепостей»⁶⁴¹, не упоминаются там какие-либо лица, облеченные верховной властью (тем более феодальные владетели). Поэтому наиболее вероятно предположение, что большинство этих политических единиц представляло собой самоуправляемые городские и сельские общины. Более того, их многолюдность (Алмак, Аркас), расположение на важных торговых путях (Аркас, Тарки, Дургели), археологические свидетельства существования там развитых ремесел (Аркас), значительных укреплений — все это косвенно свидетельствует о том, что по своему социально-экономическому уровню они не уступали феодальным владениям, возглавляемым династиями⁶⁴².

Сведения «Зафарнамэ», относящиеся к Терско-Сулакской равнине, после более чем столетнего господства Орды впервые указывают на появление здесь постоянного населе-

ния в XIV в.⁶⁴³. Там же сообщается о рыбаках, обитавших на прибрежных островах. Йезди дает местное их название — «балыкчиан», следовательно, они относились к тюркскому населению дагестанской равнины. На картах XV в.⁶⁴⁴ действительно отмечены крупные острова в устьях Сулака, Терека и рек далее к северу — их существование понятно с учетом трансгрессии Каспия в XIII–XV вв. (превышение нынешнего его уровня воды до 10–12 м)⁶⁴⁵. Следовательно, острова, на которых в то время обитали «балыкчиан», ныне составляют часть материка и входят в состав Бабаюртовского, Кизлярского, Тарумовского районов Дагестанской республики.

Что касается статуса Дербента, то из обоих текстов «Зафарнамэ» видно, что город оставался под контролем Тохтамыша.

Набег Тохтамыша со стороны Дербенда на Ширван в конце 1394 г.⁶⁴⁶ вызвал активизацию действий Тимура на этом направлении и предопределил первое вторжение Тимура в Дагестан, весной 1395 г. Оно рассматривалось уже многими исследователями⁶⁴⁷ и не вызывает каких-либо расхождений во мнениях. Поэтому мы изложим лишь общий ход событий, уделив основное внимание их последствиям для Дагестана.

Введя Тохтамыша в заблуждение посылкой парламентаря, Тимур 28.II.1395 г. внезапно выступил из Шеки⁶⁴⁸. Численность его армии была огромна: на смотре близ Самура фронт ее растянулся на 5 фарсахов (30 км)⁶⁴⁹. Внезапность ее нападения, по-видимому, объясняет беспрепятственный захват Дербента. Фактическим началом боевых действий был карательный рейд по Кайтагу. Рассматривая кайтагцев как «сторонников Тохтамыш-хана, Тимур отдал приказание уничтожить и истребить этих неверных»⁶⁵⁰, что и было исполнено буквально: «он так напал на их стороны и края, что из множества не спаслись (даже) немногие и из тысячи один; все те области они разграбили...»⁶⁵¹, — говорит Шами, «...и деревни их сожгли»⁶⁵², — добавляет Йезди. Тохтамыш поздно узнал о вторжении. Он вынужден был быстро отступить за Сулак, оставив на переправе прикрытия. Тимур же, выйдя из своего «лагеря» в Тарки, с отборным войском за одну ночь дошел

до Сулака и на рассвете разгромил и истребил прикрытия противника: «смочил степь и равнину кровью их»⁶⁵³.

После длительного маневрирования армий Тохтамыш был наголову разбит⁶⁵⁴ в генеральном сражении в между-речье Терека и Курая 15.IV.1395 г.

В конце марта – начале апреля Тимур покинул территорию Дагестана, то есть войско Тимура пребывало здесь весной 1395 г. 4–5 недель. За это короткое время был полностью разорен Кайтаг, «смочена кровью» засулакская равнина. Вдоль всего Каспийского побережья Дагестана, а затем и по его северной равнине прокатились огромные армии Тохтамыша и Тимура (причем «лагерь», то есть обоз последнего почти месяц находился в Тарки). Население равнины и предгорий при этом понесло значительный урон.

Осенью (вероятно, в октябре) 1395 г.⁶⁵⁵ Тимур вернулся на Северный Кавказ. Ввиду недостаточной полноты и точности основных письменных источников (оба текста «Зафарнамэ») в современной историографии существует несколько вариантов реконструкции маршрута армии Тимура в октябре 1395 – марте 1396 гг. Наш вариант исходит из следующих предварительных замечаний: 1) в кампаниях 1395–1396 гг. стратегия Тимура состояла вовсе не в сплошной оккупации территории Северного Кавказа, а в избирательных ударах по здешним союзникам Тохтамыша с задачей обессилить и обезлюдить их земли, дабы лишить Тохтамыша здесь всякой опоры⁶⁵⁶; 2) «гора Эльбурз» — название не какой-то отдельной возвышенности, а горной зоны Большого Кавказа в целом; 3) сходство (фонетическое или графическое) приводимых в источниках названий с современными топонимами следует учитывать лишь в тех случаях, когда оно согласуется с их группировкой, картиной рельефа и гидрографии; 4) сведения письменных источников об армии Тимура относятся, собственно, к двум ее взаимосвязанным частям: либо к «обозу», либо к «войску»⁶⁵⁷.

«Войско» — это конные соединения, совершающие дальние форсированные марши налегке и почти при полном бездорожье; выполнив оперативную задачу, они возвращаются

к обозу; они защищают обоз и пополняют его ресурсы. «Обоз» — это подвижная база войска (но не столь мобильная), хранящая запасы продовольствия («множество скота победоносного войска»⁶⁵⁸), снаряжение, награбленную добычу, принимающая раненых, пленных и т.п. Местонахождение обоза определялось его чисто хозяйственной функцией: отсюда необходимость иметь достаточную кормовую базу для огромных стад. Лучшими летними пастбищами Северного Кавказа со времен Узбек-хана считалось Пятигорье⁶⁵⁹, лучшей зимовкой донныне остается Прикаспийская низменность. Здесь и пребывал обоз дольше всего — войско же неизменно возвращалось к нему после каждой очередной операции.

Отсюда следует, что: а) движение армии Тимура в конце 1395 — начале 1396 гг. надо рассматривать как два отдельных маршрута — обоза и войска, б) при реконструкции маршрутов войска положение базы учитываться не должно.

Если рассматривать действия войска после каждого ухода с базы и до возвращения на нее как отдельный рейд, то таковых с октября 1395 г. по март 1396 г. было шесть: I — на черкесов; II — на асов; III — от «крепостей Кулы и Тауса» до Кабчигая и «Абаса (Аяса)»; IV — от Симсима через горные земли до Чудур-казака, V — на Астрахань и Сарай; VI — по восточной части Внешнего Дагестана.

В данной работе будут разобраны только рейды в дагестанские земли (III, IV, VI).

III рейд⁶⁶⁰. Вероятнее всего, в ноябре⁶⁶¹ 1395 г., когда «обоз» армии Тимура медленно двигался от Кубани к Пятигорью, боевые ее части, уже разгромив сторонников Тохтамыша на Северо-Западном Кавказе — черкесов и асов, — спешили на Северо-Восточный Кавказ. Главной их целью, судя по «Зафарнамэ», был захват Удурку⁶⁶² — одного из старших эмиров Тохтамыша, дабы исключить возможность активизации антитимуровской коалиции в такой стратегически важной части Кавказа, как Дагестан.

Путь войска Тимура в северных предгорьях Дагестана помогают проследить устные исторические предания, зафиксированные в полосе Андийского, Салатавского, Гимринского

хребтов, начиная от XVIII—XIX вв. (Гербер, Бакиханов)⁶⁶³ до нашего времени⁶⁶⁴. Их анализ выявляет здесь два направления маршрутов Тимура, пересекающихся где-то в долине реки Акташ, в предгорной полосе:

1. район с. Дылым (Гебехъала и Жагъинкало)⁶⁶⁵ — Зубутль⁶⁶⁶ — «Акьсакъ-Тимур-йоли» (до с. Чиркей)⁶⁶⁷ — переправа через Сулак у «Арат»⁶⁶⁸ — далее предания, связанные с долиной р. Шура-озень⁶⁶⁹.

2. Алмак⁶⁷⁰ — «Арсахъ-Тимурил-нух»⁶⁷¹ — Гумбет.

Из сведений, собранных А.К. Бакихановым, явствует, что Тимур переправлялся с левого берега Сулака на правый, — следовательно, направление движения Тимура было с запада на восток, и потому весь этот цикл преданий никак нельзя отнести к весенней кампании 1395 г. Равным образом предания, связанные с первым из этих направлений, нельзя отнести к следующему, IV рейду, который вообще не коснулся правой стороны Сулака, — следовательно, первое из прослеженных направлений относится к маршруту III рейда Тимура. Его путь отмечают развалины уничтоженных Тимуром городищ (часть их названа выше). Согласно преданиям, собранным в с. Алмак, они были разрушены Тимуром за отказ обеспечить его войско припасами⁶⁷². Как отмечалось выше, «область Иркувун» и «крепости Кулы и Тауса», у которых начались боевые действия, следует искать вблизи Ахатлинской переправы через Сулак и у Сулакского каньона.

Захвату горных крепостей в обоих текстах «Зафарнамэ» уделено много места — они нелегко достались захватчикам. При этом «многие из области Иркувун были убиты, Кулу и Тауса взяли в плен и, не доставив к Тимуру, убили по пути. Много людей было убито...»⁶⁷³.

Миновав Главный каньон, войска Тимура должны были выйти к слиянию Аварского и Андийского Койсу. Движение по долине Аварского Койсу выводит к довольно крупному с. Балаханы (Балахъуни) — важному пункту на пути с плоскости на Хунзахское нагорье⁶⁷⁴. Недалеко от него находятся лесистые верховья реки Шура-озень, ущелье которой выводит прямо к с. Капчугай⁶⁷⁵. Дав войскам суточный отдых в

Балахъуни, Тимур одновременно послал капчугайскому владельцу Пуладу ультиматум с требованием выдать Удурку. После отказа Пулада армия Тимура двинулась по «лесистому ущелью» на Капчугай, причем на протяжении трех фарсахов (около 18 км) путь пришлось прорубать сквозь лес⁶⁷⁶. Вероятнее всего, Тимур прошел в ущелье реки Шура-озень через Эрпелинский перевал.

Жители Капчугая, «заяв вход в ущелье и отрекшись от жизни, отчаянно начали сражаться. После многих усилий... (Тимур) ...вошел в крепость, убил без числа людей из его (Пулада) области»⁶⁷⁷. Йезди добавляет, что войско Тимура «...разграбило и сожгло дома их и взяло бесчисленную добычу»⁶⁷⁸. Три отряда местных жителей, отступив в горы, продолжали сопротивление, но войска Тимура «взяли их в плен и сожгли всех этих обреченных в ад»⁶⁷⁹.

Между тем Удурку ускользнул и направился к югу, где и был перехвачен Мираншахом в «местности Абаса (Аяса)». Тимур явился туда «через перевалы и ущелья»⁶⁸⁰. Основная задача III рейда — захват Удурку и попутный разгром союзников Тохтамыша — была выполнена, а потому, «ограничив многих жителей тех мест», войско Тимура вернулось к обозу, который к этому времени находился в «Бештаге и окрестностях его»⁶⁸¹ (по-видимому, район Пятигорья).

В ходе III рейда Тимур мог убедиться, что на Северо-Восточном Кавказе, особенно в горных его районах, сохранились значительные силы, способные на противодействие ему. Это, по-нашему мнению, может объяснить причину следующего, IV рейда Тимура в эти земли.

IV рейд. До вступления в Дагестан Тимур разорил предгорную область Симсим и принял заверения в покорности соседнего с нею владельца Мухаммеда сына Гагор-хана, часть подданных которого, впрочем, «бежала и, укрывшись в горах, ушла в такие недоступные места, куда и пеший с трудом мог добраться». Преследуя этих беженцев, «Тимур лично отправился против них и... взошел на те горы»⁶⁸². Какой же дорогой Тимур из равнинно-предгорной зоны «взошел на те горы»?

Очевидно, следует обратить внимание на второе из прослеженных выше направлений движения Тимура, отразившееся в топонимике и преданиях Салатавии, — оно ведет вверх по долине реки Акташ к «городу Алмак» и далее, на южную сторону Салатавского хребта в Гумбет.

Согласно местным преданиям, с первой попытки Тимур не смог взять Алмак, расположенный на поверхности обрывистого останца в долине реки Акташ, поэтому, разорив мелкие окрестные селения, он вынужден был ни с чем двинуться вверх по долине в Гумбет и далее в Андию⁶⁸³ (позже этот путь получил название «Арсахъ-Тимурил-нух»).

Проникнуть в Андию можно только одним из трех путей: 1) с юга через с. Муни, 2) с запада через с. Харачой и 3) с северо-востока через Гумбет — андийские предания называют именно последний путь, подтверждая тем самым движение Тимура из предгорий вверх по долине Акташа⁶⁸⁴.

Согласно этим преданиям, Тимур целую неделю безрезультатно простоял в горном проходе (так называемые Андийские ворота) перед раннесредневековой оборонительной стеной, не в силах взять ее. Но враги князя Юлука указали захватчику обходную дорогу, и он вторгся в Андию⁶⁸⁵. Объединенное ополчение андийских сел было разбито в кровопролитном сражении у селения Гагатль. Враг захватил Гагатль, Риквани, Гунха, Зило, Анди. Взрослое мужское население Гагатля было истреблено, а родственники Юлука затоптаны на току лошадьми⁶⁸⁶.

Примерно ту же картину массовых расправ рисуют и протимуровские источники: «...победоносное войско... овладело всеми этими крепостями. Жителей тамошних, по приказанию Тимура, связав, сбросили с горы. В той горной области они взяли много владений... (Тимур) ...взял в плен и уничтожил неприятелей и овладел крепостями. Один — два дня огонь гнева его так пылал, что сжег сухое и влажное, и он разорил и уничтожил все церкви и капища их»⁶⁸⁷.

Поскольку нет никаких свидетельств о продвижении Тимура дальше Андийской котловины, то остается предположить, что он покинул ее тем же путем (через Андийские

ворот). Возвращаясь в Гумбет, войско Тимура оказывалось над Нака-Хиндалальской долиной, разграбить которую было нетрудно. По-нашему мнению, этому соответствуют слова в «Зафарнамэ»: «Спустившись оттуда (т.е. из Анди в Нака-Хиндалал. — А.К.), он сделал набег на предгорье горы Аухар, и войско привезло много добычи, корма и пищи»⁶⁸⁸.

После этого, разумеется, можно было продемонстрировать «великодушие» и не грабить дочиста покорившийся ранее Бешкенд — это обстоятельство особо отмечено в обоих источниках «Зафарнамэ» как исключительное, не похожее на обычный образ действий войска Тимура⁶⁸⁹. Бешкенд фигурирует в «Зафарнамэ» также и 1) как лежащий недалеко от «подножья горы Аухар» (т.е. от северного предела Хунзахского плато), 2) как «ранее покорившийся» и 3) как поворотная точка маршрута IV рейда («Оттуда он пошел обратно через Бешкенд...»)⁶⁹⁰. Таким образом искать его следует вблизи Андийской котловины, Нака-Хиндалальской долины — весьма вероятно, что название это относится к давно исламизированным общинам южного склона Салатау.

Предания с. Алмак гласят, что «город Алмак» с 7 000 домов был захвачен и уничтожен Тимуром именно на обратном пути, когда захватчикам удалось перекрыть источник питьевой воды⁶⁹¹. «Тимур произвел набег на область Чудур-казак и приказал, чтобы (ее) разграбили»⁶⁹², что и было исполнено: «Предав всех заблудших, живших в этих великих горах, сожигающему зло мечу, бойцы за веру победоносного войска разорили иль чудур-казакский, овладели большой добычей»⁶⁹³. Отметим, что Чудур-казак следует искать где-то в горной части Салатавии.

Жители Терско-Сулакской равнины («область Мамукту» = «все области кумуков»)⁶⁹⁴ вынуждены были подчиниться явному превосходству сил Тимура. Обоз его за время IV рейда переместился на зимовку в «местность Бугазкум»⁶⁹⁵ (вероятнее всего, Бажиганские пески) — присоединением войска к нему в декабре 1395 г. окончился IV рейд.

Когда Каспий покрылся прочным льдом, Тимур решил расправиться с «балыкчиан» — жителями прибрежных ост-

ровов, «не покорившимися завоевателю, и «отправил... отряд для истребления их...», удалыцы прошли по льду, напали на все эти острова, овладели ими, ограбили тех (людей) и забрали в плен»⁶⁹⁶. Зимний V рейд разорил Нижнюю Волгу⁶⁹⁷.

VI рейд. Ранней весной 1396 г. «...переправившись по льду через р. Терек и придя в Тарки, Тимур отделился от обоза» и с войском двинулся на Ушкуджа. Тимур «...дошел до местности Ушкуджан, разослал в разные стороны войска, чтобы сделать набеги, а сам стоял в той местности, пока не прибыли войска из окрестных мест с награбленным и добычей»⁶⁹⁸. «...войско окружило Ушкудже, расположилось там, и воины поспешили во все стороны громить и грабить»⁶⁹⁹. Вскоре стало ясно, что Тимур не мог предвидеть ни упорства осажденных, ни солидарности дагестанцев перед лицом надвигающейся опасности. Оба текста «Зафарнамэ» с нескрываемым удивлением сообщают, что несмотря на религиозную связь с ушкуджинцами, на помощь им в этот тяжелый момент поспешили объединенные силы численностью около 3 000 воинов — войско «шаухала Газикумуха» и «войско Аухара»⁷⁰⁰. Тимур с 500 отборными воинами удалось захватить и подкрепление врасплох и разбить его, причем при этом погиб и шамхал⁷⁰¹. Столь же неудачной была и другая попытка военной помощи христианам Внешнего Дагестана, предпринятая их единоверцами-генуэзцами, — Ж. Ришар⁷⁰² относит ее именно к событиям 1396 г. Почти одновременно с поражением кумухско-аухарского подкрепления пала Ушкуджа — «всех тех неверующих убили мечом джихада, из убитых сделали холмы и опустошили всю их область»⁷⁰³. Согласно «Зафарнамэ», после падения Ушкуджи «старшины газикумухские и аухарские вместе с тамошними казиями и вельможами»⁷⁰⁴ (то есть какая-то часть феодально-клерикальной верхушки Газикумухского и Аварского княжеств) выразили свою покорность Тимур. Затем его войска захватили крепость Нергес (Аркас) — важный пункт на пути во Внутренний Дагестан; «(Войско Тимура) там также много сражалось, много народу было убито и в конце концов (ее) взяли»⁷⁰⁵. «Победоносные воины сделали тамошних заблуд-

ших пищей для меча газавата и, разграбив крепость, сравняли ее с землей. Большая толпа неверных ушла на склоны и в пещеры горы и укрылась в норах и расщелинах, находившихся среди высоких гор»⁷⁰⁶. «Войско тотчас село на коней и отправилось»⁷⁰⁷. «Несколько удальцов с военным снаряжением сели в ящики и их спустили с вершины гор (до мест, приходившихся) против тех склонов и нор, где укрепились те заблудшие. Ударами дротиков и стрел они истребили тех несчастных и таким образом одолели всех неверных, укрепившихся на неприступных высотах, и ограбили все их добро и имущество, малое и большое, простое и драгоценное. И был уничтожен народ бесчинствующий — хвала Аллаху, владыке миров»⁷⁰⁸. Вскоре были захвачены также крепости Мика, Балу, Деркелу — их «сравнили с землей и предали грабежу все то, что там было»⁷⁰⁹. Затем войско, обремененное пленными и арбами с награбленным, направилось к обозу, который передвинулся за это время в район Дербента. Путь их лежал через «область Зирихгеран», жители которой ввиду явного военного преимущества Тимура откупились от него «множеством броней и кольчуг»⁷¹⁰. Затем Тимур миновал Кайтаг, еще не оправившийся от разгрома весной 1395 г. и потому выразивший покорность⁷¹¹. У Дербента войско соединилось с обозом, причем Тимур «приказал возобновить и укрепить тамошнюю крепость, что согласно приказанию и сделали»⁷¹². Пройдя Дербент, армия Тимура ушла в Ширван — VI рейд был закончен.

Какова же была стратегическая цель VI рейда и в какой мере Тимуру удалось ее осуществить? Судя по району боевых действий (от Аркаса до бассейна Акушинской речки), Тимур стремился закрепить за собой обе проходившие по восточной полосе Дагестана трассы (прибрежную и предгорную) меридионального транзитного пути, а также обезопасить их от возможных ударов из горных земель, для чего следовало овладеть проходами во Внутренний Дагестан.

Согласно «Зафарнамэ», VI рейд начался тяжелыми и упорными боями за проходы во Внутренний Дагестан (Усиша, Аркас), а закончился захватом пунктов, лежащих восточ-

нее, — на предгорной трассе меридионального пути: Дургели; Пилаул (Тубден); возможно, Мекеги. Однако общая картина событий, как ее изображают протимуровские источники, вызывает некоторое недоумение: 1) уничтожены укрепления, прикрывавшие входы во Внутренний Дагестан, — почему же тогда не сообщается о попытках проникновения туда? 2) сравнительно близко от Усиша (в 25 км) к юго-западу лежал Кумух — важный транспортный узел с выходами в Ширван, Грузию, Предкавказье, однако в «Зафарнамэ» нет ни слова о попытке его захватить; 3) после разгрома трехтысячного войска дагестанских княжеств и капитуляции их верхушки какая была необходимость для Тимура преподнести побежденным богатые дары, затевать политические интриги (разжигание религиозной розни) и т.п.?

По нашему мнению, ответы на эти возникшие вопросы содержат местные исторические предания, дающие несколько иную версию событий весны 1396 г.

Кроме названных в «Зафарнамэ» Усиша, Аркаса, Дургели, Губдена (Балу) и, возможно, Мекеги (Мика), предания о Тимуре бытуют в селениях Муги, Шухты, Урахи, Мулебки, Мюрего⁷¹³, Кадаре⁷¹⁴, Казанище, Муслим-ауле, Кафыр-Кумухе⁷¹⁵, Кумухе⁷¹⁶. К этому следовало бы добавить и археологические свидетельства: из городищ, обнаруженных на территории от перевала Волчьих Ворота до верховьев реки Халагорк, некоторые прекратили свое существование на рубеже XIV—XV вв. (например, городище Сенгаши⁷¹⁷ в 7 км к северо-востоку от с. Леваша) — правомерно связать это с набегами отрядов Тимура.

Итак, есть основания полагать, что театр военных действий VI рейда Тимура был гораздо обширнее очерченного в обоих источниках «Зафарнамэ», где почему-то выборочно освещаются военные действия весны 1396 г.

Следует отметить, что местные предания, в отличие от «Зафарнамэ», сообщают о ряде случаев успешного отпора Тимуру. Так, в Кумухе бытовали историческая песня о Парту-Патиме и предание, связанное с ее могилой⁷¹⁸, — отряд героини не пропустил Тимура в Кумух и ценой больших потерь вынудил его отступить.

Наиболее ранняя запись предания о Тимуре в Дагестане (1728 г., И.-Г. Гербер) также повествует, что после успехов в приморских районах он «с немалым числом войска в самую средину Дагестани вошел. Дагестанцы, прадеды их, в скорости заложили все дороги и проходы, собрались и напали на него, и войско его все побили, что малое число из оных спаслося, между которыми Темир Аксак сам был...», далее следует притча о горячей каше, которая убедила Тимура в предпочтительности соглашения с дагестанцами⁷¹⁹. Предание об эмире Губдене⁷²⁰ тоже как будто показывает, что, перейдя в предгорья (то есть уже после Ушкуджи и Аркаса), Тимур идет на какие-то уступки местным силам, вступает в соглашение даже с мелкими владельцами, что опять-таки не согласуется с хвастливыми сообщениями обоих текстов «Зафарнамэ».

Таким образом, в какой-то мере фактическая сторона местных преданий и «Зафарнамэ» совпадает: обе эти группы источников говорят о вторжении Тимура во Внешний Дагестан, о сопротивлении ему населения, о каких-то соглашениях после начала военных действий. Однако местные предания освещают и вопросы, оставленные без внимания в «Зафарнамэ»: 1) Тимур не овладел важными путями Внутреннего Дагестана потому, что его туда не пропустили оказавшие сопротивление местные жители; 2) военные успехи Тимура были относительно, так как не везде он смог полностью сломить сопротивление — по этой причине ему пришлось прибегнуть к религиозной демагогии, к переговорам и подаркам, дабы расколоть и ослабить силы горцев.

Итак, тенденциозность «Зафарнамэ» очевидна — однако и предания в значительной мере субъективны (например, судя по записи Гербера, успехи местных сил в них явно преувеличены). В связи с этим обратим внимание на одно достаточно объективное, хотя и скупое, письменное свидетельство современника этих событий — Иоанна де Галонифонтибуса, бывшего в то время католическим архиепископом в Нахичевани. Эти сведения о событиях в Дагестане он, очевидно, получил из опроса купцов и своей агентуры⁷²¹. Дагестан он

рассматривал как единую замкнутую горную страну, население ее собирательно именовал Lagzi (хотя знал о некоторых дагестанских народностях) и писал о них: «Люди очень быстрые (подвижные), они прекрасные стрелки из лука. Тимур Ленк сделал попытку проникнуть в горы, т.е. в их земли, со ста тысячами людей. Но они вышли лесистыми проходами прямо навстречу его армии и причинили ей большие потери, поэтому Тимур Ленк дал приказ отступить. И когда этому властелину захотелось пройти Железные Ворота, он понял, что должен сначала завладеть этой землей мирным путем — таким образом он сможет входить в Великую Татарию»⁷²². Совершенно очевидно, что сведения Иоанна де Галонифонтибуса гораздо ближе к дагестанским преданиям, нежели к «Зафарнамэ». Из них явствует, что Тимур пытался, но не смог войти в глубь гор из-за эффективного сопротивления горцев, что он понес при этом большие потери, а его соглашение с горцами было вынужденным.

Итак, военные действия в ходе VI рейда дали ограниченные результаты: успехи в захвате Ушкуджи и Аркаса не удалось развить, впервые за все время северокавказских кампаний Тимуру пришлось обратиться к политическим средствам — это объективно свидетельствует о том, что теперь одни только военные усилия оказались недостаточны. Заметно стремление Тимура привлечь на свою сторону верхушку Аварии, Газикумуха, даже Зирихгерая⁷²³ (и, возможно, Губдена), дабы обеспечить для себя безопасность транскавказского прикаспийского пути, а по возможности и охрану его. Этим же объясняется и его распоряжение — укрепить Дербент.

Последующие события показывают, что Тимур контролировал этот транскавказский путь. Так, в ходе нашествия на Грузию в 1400 г. Тимур смог перебросить часть своих сил в Закавказье по Дербендской дороге к Дарьялу⁷²⁴. Находившийся при дворе Тимура в 1404 г. кастильский посол Рюи Тонсалес де Клавихо также сообщает: «...он (Тимур. — А.К.) владеет и Дербендом, и Дербендские Железные ворота приносят ему большой доход ежегодно»⁷²⁵.

Попытаемся дать общую оценку результатов трех рейдов Тимура в Дагестан (осень 1395 – весна 1396 гг.).

1. III рейд следует признать успешным: был захвачен один из старших эмиров Тохтамышша — Удурку и попутно разгромлены дагестанские противники Тимура в полосе северной Салатавии — Гимринского хребта — бассейна Шура-озени. Тем самым была ликвидирована возможность активизации вероятных союзников Тохтамышша.

2. IV рейд имел лишь частичный успех: если не считать покорения плохо защищенной равнины и островов, Тимуру в этот раз удалось разорить лишь Андию и уцелевшую часть Салатавии — глубже проникнуть во Внутренний Дагестан он не смог.

3. VI рейд в военном отношении был малоудачным: хотя были захвачены и разрушены крепости, прикрывавшие проходы во Внутренний Дагестан (Усиша, Аркас), но проникнуть туда Тимуру не удалось; несмотря на разгром войска Кумуха и Аухара, не было окончательно сломлено сопротивление горцев; прекратить же их действия и тем самым создать возможность овладения предгорным участком транзитного пути удалось не столько военными, сколько политическими средствами: интригами с целью усиления религиозной розни, переговорами, дарами и признаниями привилегий знати Дагестана (Авария, Кумух, даже Зирихгеран, Губден).

Итак, налицо постепенное военное ослабление Тимура. Нельзя считать причиной этого только тяжелую и голодную зиму 1395–1396 гг., на что намекают протимуровские источники⁷²⁶ — как раз армия Тимура снабжалась неплохо за счет грабительских походов (особенно в районы Нижней Волги с городами Сарай и Хаджи-Тархан во время V рейда).

Остается искать причину постепенного ослабления захватчиков в непрекращающемся сопротивлении горцев.

Стратегические итоги действий Тимура в Дагестане, на первый взгляд, были благоприятны для него: с 1396 г. нет никаких сведений о союзных (и тем более вассальных) отношениях дагестанцев с Тохтамышем и Ордой; проходящий

вдоль дагестанского побережья транзитный путь (с Дербентом) остался под контролем Тимура.

Но были ли эти итоги прочны? Да и являлись ли они следствием военных усилий Тимура? Вероятнее всего, нет.

1. Основная причина падения влияния Тохтамышша на Северном Кавказе совершенно иная — усиливающийся внутренний кризис и распад самой Орды.

2. Контроль Тимура над меридиональным транзитным путем и Дербентом продолжался лишь до его смерти (1405 г.). Затем ширваншах Шейх Ибрахим, которому Тимур поручил Дербент, воспользовался борьбой между Тимуридами и отделился от них.

В 809/1407 г. Шейх Ибрахим предоставил в Дербенде убежище бывшему хану Золотой Орды Шадибеку⁷²⁷, от имени которого стала чеканиться монета в Дербенде⁷²⁸ и Баку. Поскольку Шадибек никакой реальной власти не имел, эта чеканка стала своеобразной декларацией независимости Ширвана (и Дербенда) от Тимуридов⁷²⁹.

Попытка Тимура привлечь на свою сторону дагестанских владетелей и превратить их в охранников стратегически важного прикаспийского пути оказалась бесплодной: ни один из источников не дает свидетельств о каких-либо отношениях с Тимуром или Тимуридами. Скорее, напротив: около 1401 г. упоминавшийся выше кайтагец Антуан Солпан («францисканец, родившийся в Дагестане») добился от римского папы позволения возобновить антитимуровский проект, проваленный Л. Рекканой⁷³⁰. Несмотря на его неудачный исход, сам факт указывает на то, что даже в разгромленном Кайтаге уцелели силы, готовые продолжать борьбу против Тимура при условии их поддержки.

Для Дагестана вторжение Тимура явилось подлинной катастрофой. За один год (с весны 1395 г. по весну 1396 г.) нашествие захватчиков прокатилось по всем равнинным землям Дагестана (и даже по прибрежным островам), захлестнуло Кайтаг, Салатавию, Андию, низовье Аварского Койсу, всю восточную часть Дагестана от бассейна реки Шура-озень и до Зирихгерана — то есть около трети всех дагестанских

земель было разграблено и разорено. В горной части этой территории большая часть населения была истреблена. Разрушены почти все населенные пункты (среди них города Алмак, Аркас, Кадар, множество крепостей). Значительная часть уцелевших жителей угонялась в плен. Есть и отдельные свидетельства о беженцах из Дагестана в это время⁷³¹. Таким образом, предгорья и равнины, где в XIV в. впервые после хозяйничанья Орды начало появляться постоянное население, теперь вновь запустели и обезлюдели. И тем более примечательно, что обе группы источников — и «Зафарнамэ», и местные предания, — диаметрально противоположные в своей оценке событий, дают фактическую их сторону совершенно одинаково: массовые убийства, тотальные разрушения, огромные полоны, непрерывные повальные грабежи.

Всеми этими свидетельствами обусловлена и характеристика последствий нашествия для Дагестана, данная в отечественной историографии: «Никогда еще, даже после арабского и татаро-монгольского завоеваний, Дагестан не переносил таких больших жертв и разрушений, как при нашествии Тимура»⁷³². Отсюда, в свою очередь, следует, что нашествие Тимура имело долговременные последствия.

В отечественной историографии установлены три наиболее важных последствия нашествий Тимура: 1) огромные разрушения и опустошения⁷³³; 2) перелом в пользу ислама в Дагестане (массовые истребления иноверцев, побуждение газиев к активности)⁷³⁴; 3) толчок к дальнейшему развитию феодализма в Дагестане (утверждение прав местных владельцев, привнесение в Дагестан «союргала») ⁷³⁵.

Принимая эти бесспорные положения, мы тем не менее считаем, что сопоставление событий конца XIV в. в Дагестане и в более широком регионе (Закавказье, Прикаспий и Причерноморье) позволяет не только уточнить и углубить наши представления на этот счет, но и лучше понять истоки и взаимосвязь ряда явлений истории Дагестана следующего XV века. Даже простое хронологическое сопоставление событий внутри и вне Дагестана помогает сделать это.

1. Как показано выше, Кайтаг, начиная со второй четверти XIV в., был лидирующим княжеством Дагестана. Однако в XV в. положение изменилось. «Завещание Андуника» (1485 г.) ставит Кайтаг лишь на третье место среди княжеств Дагестана. Главную роль в такой перемене сыграл, очевидно, разгром Кайтага войсками Тимура весной 1395 г. Былой протекторат Кайтага над соседними землями был таким образом ликвидирован.

В XV в. Газикумухское княжество заняло лидирующее положение в Дагестане, а Табасаран стал самостоятельной политической единицей, выставлявшей к тому же больший воинский контингент (60–70 тыс.), чем его былой сюзерен Кайтаг (30 тыс.)⁷³⁶. Что касается более южных дагестанских земель, то они, очевидно, в той или иной мере попали под влияние ширваншахов, государство которых сравнительно мало пострадало от нашествия Тимура (так как было в то время его вассалом). О Дербенте и Мушкюре, о территории в среднем и нижнем течении Самура это можно утверждать определенно (заметим, что «Завещание Андуника» вообще не включает в пределы Дагестана земли южнее Табасарана и Газикумуха — вероятнее всего, ввиду усиления там ширванского влияния в XV в.).

2. Истребление населения в широкой полосе Салатавии, Андии и Внешнего Дагестана, бесспорно, повлияло на направление миграций из Внутреннего Дагестана в эти районы в XV – начале XVI вв. В местных источниках и преданиях отражено два пути освоения этих запустевших земель: 1) свободное крестьянское и 2) контролируемое феодалами.

Предания⁷³⁷, связанные с известным документом об уступке «эргенами» с Кутиша части земель султану Чупанилаву в 1499–1500 гг., свидетельствуют о контроле шамхалов над юго-западной частью Внешнего Дагестана (район Нижнего Чугли-Кутиша) и над Шуринской котловиной. Бесспорно, это должно было способствовать последующему контролю шамхалов над Терско-Сулакской равниной.

Менее ясно время экспансии нуцалов во Внешний Дагестан. Так, согласно преданию селения Чуни, оно было осно-

вано табунщиками нуцала в VIII в. х. (XIV в. н.э.), причем его власть существовала здесь, во всяком случае, более срока жизни одного поколения людей⁷³⁸, а подати он собирал с территории, простиравшейся на восток до Левашы и Лабко включительно⁷³⁹ (по некоторым вариантам предания, туда входили и акушинские земли⁷⁴⁰). Совместное выступление даргинских обществ вынудило нуцала отступить «за цудахарскую реку»⁷⁴¹ (Казикумухское Койсу либо его правый приток, впадающий напротив Цудахара).

Следует впрочем отметить, что рекомендация нуцала своим наследникам (в «Завещании Андуника») овладеть среди прочих также «Землями Алигиличилал», расположенными южнее земель «амиров Дженгутаевских»⁷⁴², очевидно, фиксирует именно это направление экспансии хунзахских владетелей.

Как видно, после нашествия Тимура границы владений нуцалов и шамхалов во Внешнем Дагестане имели весьма неясную и непостоянную конфигурацию. Но в любом случае феодальную экспансию шамхала и нуцала на здешние земли следует сопоставить с ослаблением Кайтага после его разгрома в 1395 г. Впрочем, Кайтаг удерживал контроль над приморской полосой вплоть до селения Тарки еще во второй половине XV в.⁷⁴³

3. Выше мы уже отмечали, что для владений Кайтага, протянувшихся от Тарки до реки Самур, предгорная трасса транзитного пути была главной коммуникационной линией. В свою очередь, она играла в XIII–XIV вв. роль «связки» между двумя трассами (севернее и южнее Каспия) «Великого шелкового пути» из Китая в Западную Европу⁷⁴⁴.

Уничтожение Тимуром в Северном Прикаспии и Причерноморье всей цепи городов-опор северной трассы этого пути привело к ее исчезновению⁷⁴⁵. Уничтожение тогда же опорных пунктов транзитного пути во Внешнем Дагестане, безусловно, также должно было подорвать его роль. Ж. Ришар, касаясь значения генуэзской колонии Матреги для торговли «вдоль пути, которым следовали торговцы, направлявшиеся в Дербенд», считает, что «торговые отношения возобнови-

лись очень быстро после прохождения Тимура»⁷⁴⁶. Но очевидно, что теперь значение пути через Кайтаг определялось лишь тем, что он связывал Дербент и Матрегу — прежнюю роль «связки» двух трансконтинентальных трасс этот путь утратил навсегда. Захват Константинополя турками в 1453 г. закрыл Черное море для западноевропейцев — и путь через Кайтаг фактически потерял свое транзитное значение. Он превратился в сутубо местную дорогу в дагестанских предгорьях. Вполне понятно, что это лишило Кайтаг мощной артерии, питавшей его экономику. От этого удара Кайтаг не смог оправиться — никогда впоследствии он уже не выходил на лидирующее место в системе дагестанских политических единиц.

4. Тем же объясняется и парадоксальное, на первый взгляд, явление: несмотря на то, что Дербенд не мог серьезно пострадать от нашествия Тимура (более того: согласно обоим текстам «Зафарнамэ» Дербенд по его приказу был даже укреплен⁷⁴⁷), с начала XV в. наблюдается медленный, но неуклонный упадок города — русский аноним 30–40 годов XV в. свидетельствует о запустении Дербенда (население не превышает 3 000 чел.) и его аграризации⁷⁴⁸, для Аф. Никитина Дербенд 1466 г. — не более чем один из административных округов Ширвана⁷⁴⁹, а А. Контарини (1476 г.) говорит о нем, как об аграризованном и сильно запустевшем городе (населена лишь шестая часть пространства между стен), связанном каботажными рейсами с Астраханью и вывозящем туда рис, шелк «и другие мелкие товары» в обмен на «предметы, требуемые в Дербенде»⁷⁵⁰.

В самом деле, экономическое оживление Дербента в XIV в. (особенно во второй его половине) определялось его ролью перевалочной базы на «связке» между северной и южной трассами «Великого шелкового пути». Нашествие Тимура и события 1453 г. на Босфоре лишили этот путь серьезного транзитного значения, что и предопределило прогрессирующий упадок города. Таким образом, Тимур нанес удар по «экономическому будущему» Дербента и Кайтага (т.е. всего Приморского и Внешнего Дагестана), хотя сам город не терпел никаких заметных разрушений.

5. Вторым из отмеченных в нашей историографии важнейших последствий нашествия Тимура был явственный перелом к ускорению исламизации Дагестана. В самом деле, несмотря на несомненные успехи с VIII по XIV вв., только после Тимура ислам начинает занимать в Дагестане господствующее положение. До этого он сосуществовал с христианством разных толков в Кайтаге, с православием в Аварии (а в бассейне Андийского Койсу, в верховьях Аварского Койсу и Каракойсу православие преобладало).

Решающие успехи ислама в XV в. трудно объяснить только массовыми убийствами иноверцев, разрушением «церквей и капищ», поощрением газийской активности местных владетелей и другими подобными мерами Тимура, так как все они по существу негативны⁷⁵¹. При этом источники вовсе не свидетельствуют о прямом распространении ислама Тимуром. Мы не можем согласиться с мнением царевича Теймураза о насаждении Тимуром в Дагестане «мулл из арабов», которым предписывалось учить местных детей «письму на арабском языке»⁷⁵². Эта идиллическая картина противоречит всему, что известно о свирепом, патологически кровожадном разрушителе, не говоря уже о невозможности осуществления этого в условиях короткой маневренной войны⁷⁵³.

При разборе конфессиональной ситуации в Дагестане конца XIV–XV вв. заметно, что успехи каждой из монотеистических религий и их толков во многом базировались на поддержке извне, из соответствующей «религиозной метрополии»: для православия это была Грузия, для католицизма — итальянские колонии Причерноморья, для грегорианства — по-видимому, Шеки (и Мушкюр?), а для ислама — Передняя Азия (включая Восточное Закавказье). Поэтому для объяснения изменения религиозной ситуации в Дагестане конца XIV–XV вв. необходимо рассматривать события, охватывающие более широкий регион.

а) Разорительные нашествия Тимура на Грузию продолжались с 1386 по 1403 гг. В это время, видимо, прекратилась всякая поддержка дагестанского православия из его грузинской метрополии, что очень быстро дало о себе знать. Выше

уже говорилось, что успех исламской пропаганды в Ай-Вицху и, по-видимому, в бассейне реки Рис-Ор относится именно к 80-м годам XIV в. — отметим, что эти сравнительно мирные проявления исламской экспансии имели место до появления в Дагестане Тимура с его подстрекательской политикой. Следствием последней, очевидно, было активное газийское наступление в западную горную (христианско-языческую) часть Дагестана: в полосе к югу от среднего течения Аварского Койсу оно осуществлялось из Кумуха, в полосе к северу от этой реки — из Хунзаха (отметим, кстати, что исламизация Анди, где христианство было сокрушено Тимуром в 1395 г., вероятнее всего произошла не позднее начала XV в.: только в этом случае можно объяснить факт копирования там уже в 872/1467 г. книги «Шарх ал-Мухаррар») ⁷⁵⁴. Такой ход событий с начала XV в. может быть сопоставлен с сильным разорением Грузии Тимуром. Внутренний Дагестан, напротив, избежал его прямого вторжения, благодаря чему уцелели два крупных мусульманских княжества (и газийских центра) — Кумух и Хунзах.

Процесс экспансии ислама в Дагестане после тимуровского времени имел свои подъемы и спады, в которых прослеживается обратное соотношение с периодами подъема и упадка Грузинского государства. Так, первая волна газийской активизации, инициированная, по-видимому, Тимуром, затухает в конце первой четверти XV в. в связи с временным усилением Грузии в период правления Александра I Великого⁷⁵⁵. Возобновление феодальных междоусобиц в Грузии сопоставимо с частным успехом исламизации в Дагестане — обращение в ислам джамаатов Караха около 1436 г. За распадом единого Грузинского государства, начиная с 1466 г., последовал очередной подъем газийской активности: к 1475 г. гидатлинцы вынуждены согласиться на принятие ислама, несколько позже кумухские газии подчиняют селение Тинди⁷⁵⁶ — очевидно, на рубеже XV–XVI вв.⁷⁵⁷. Последняя дата отмечает также и победу ислама (во всяком случае, формальную) в Высокогорном Дагестане. Таким образом к этому времени исламизация Дагестана в основном была уже завершена.

б) Искоренение католицизма во Внешнем Дагестане началось весной 1396 г. Примечательно, что приводимые в «Зафарнамэ» названия крепостей, разрушенных здесь Тимуром, отчасти могут быть сопоставлены с названиями епископских центров, которые, согласно булле 1401 г., были расположены здесь же (Таргу-Тарчу, Мика-Мичаһа, и, возможно, Деркелу-Dergweli).

Таким образом Тимур нанес первый тяжелый удар по католицизму в Дагестане. Однако папская булла 1401 г. все еще продолжала считать вышеупомянутые разрушенные пункты «епископскими (то есть миссионерскими) центрами»⁷⁵⁸, а римская курия оказывала здешним католикам сильную помощь. «В 1421 г. новый епископ, назначенный в Кутук, привозит с собой буллу-индугенцию для верующих Каспийских гор. В 1422 г. один генуэзский францисканец начал подыскивать миссионеров для усиления францисканских монастырей в этом районе, и в 1433 г. епископ Тарков (Atrachitanus) привел, в свою очередь, церковников, дабы укрепить в вере «очень многочисленный христианский народ Каспийских гор»⁷⁵⁹. Окончательным ударом по католицизму в Дагестане, предопределившим его постепенное исчезновение, следует считать захват турками в 1453 г. Константинополя⁷⁶⁰, а затем и итальянских черноморских колоний (последней пала в 1482 г. Матрега⁷⁶¹), что привело к прекращению всяких связей Кавказа с Римом. Вместе с тем И. Барбаро, живший в 1473–1479 гг. в Тебризе и побывавший около 1479 г. в Дербенде, сообщил: «...туда отправились братья св. Франциска и некий наш священник-латинист. Народы, которые живут в этих местах, называются кайтаги (Caitacchi)... говорят на языке, непохожем на другие; многие из них христиане, из которых часть верует по-гречески, часть по-армянски, а другие по-католически»⁷⁶². Затем он написал о своей беседе с миссионером-доминиканцем братом Винченцо, который подвизался в «той стране» около 1487 г.⁷⁶³ и сообщил ему, что дагестанцы-католики подверглись тогда массовому истреблению каким-то войском фанатиков-мусульман, ходивших из Ирана через Ширван, Дербенд и Терек

в «Черкассию» мечом распространять ислам: они «...вошли в Каспийские горы, где есть многие христиане-католики, и в каждом месте, где находили христиан, без всякого сожаления умерщвляли всех: женщин, мужчин, малых и взрослых»⁷⁶⁴. Судя по исходному пункту и дате этого похода, речь идет о вторжении Шейх-Хайдара, разбитого в Табасаране⁷⁶⁵. Примечательно, что отрезок маршрута этого похода (от Дербенда до Терека) приходится примерно на те же места, где 90 годами ранее истреблял дагестанских «иноверцев» Тимур. Точно датировать приведенные сообщения И. Барбаро трудно, во всяком случае, они относятся ко времени между 1487 г. и 1493 г.⁷⁶⁶ Таким образом, в конце XV в. И. Барбаро застал агонию дагестанского католицизма.

В то время как православные аварцы в массе своей были обращены в ислам, дагестанские католики массово уничтожались физически — сначала Тимуром, а затем Шейх-Хайдаром⁷⁶⁷. В этом, по-видимому, следует искать и объяснение того, почему в местных исторических преданиях почти не сохранилось воспоминаний о былом католицизме, тогда как во Внутреннем Дагестане предания о былом исповедании «грузинской веры» бытуют повсеместно.

6. Обратимся к третьему из названных выше последствий нашествия Тимура, которое послужило толчком к дальнейшей феодализации Дагестана.

Безусловно, признание Тимуром владельческих прав большой группы феодалов Аварского и Газикумухского княжеств⁷⁶⁸ было еще одним шагом к укреплению там феодальных отношений. Привнесение «союргала» в Дагестан при Тимуре⁷⁶⁹, бесспорно, в какой-то мере приблизило нормы местного земельного права к весьма развитым формам феодальной земельной собственности Ближнего и Среднего Востока. Однако такое «усовершенствование деталей», по-видимому, далеко не исключает роли других событий конца XIV в. в развитии феодализма в Дагестане. Гораздо большее значение в этом плане имеет, на наш взгляд, толчок к активному распространению ислама, данный нашествием Тимура. Р.М. Магомедов отмечал, что в Дагестане исламизация явля-

лась по существу формой феодализации⁷⁷⁰. Она влекла за собой религиозное санкционирование феодальных привилегий местной верхушки (при условии ее лояльности), внедрение в среду новообращенных такой хорошо организованной феодальной прослойки, как клерикалы, насаждение феодалов из числа газиев в «непокорных» областях. Местные письменные источники свидетельствуют о появлении в XV в. «амиров» из газийской верхушки в Хучаде⁷⁷¹, в бассейне Джурмута и в верховьях Андийского Койсу⁷⁷², а также в других исламизированных в то время землях.

Кроме того, вместе с исламской религией распространились и тесно связанные с ней социальные, правовые, культурные нормы, оформившиеся в более развитом феодальном обществе мусульманской Передней Азии. Через принятие так называемой «мусульманской» культуры исламизируемые земли Дагестана включились в ареал мусульманского феодального мира, может быть, и не более развитого, чем феодальная Грузия или итальянские колонии Причерноморья, но, безусловно, более обширного и находящегося в менее кризисном состоянии.

Примечания

461. Берже I. С. 1072–1073.
 462. Берже II. С. 1073–1077. Второе название дано А.Р. Шихсаидовым.
 463. Эти села под теми же названиями донныне существуют в Варташенском районе Азербайджана.
 464. Можно отметить, что Ильча-Ахмед в этом письме называет крепость Ихир «находящуюся в соседстве твоего (т.е. Султан-Алибека) владения», что лишний раз свидетельствует о контроле Кайтага над землями в долине Самура. — См.: Берже II. С. 1075.
 465. Исправлено по «Истории происхождения рода уцмиев и кайтагских беков» // Рук. Фонд ИИЯЛ. Ф. I, оп. I, д. № 286 (1645), л. 3 — у Берже (АКАК II. С. 1073) вместо «Куруш» стоит «Утмиш».

466. См.: С. 120–121 данной работы.
 467. О явной недостоверности этого см.: Айтберов Т.М. Еще раз о монгольском нашествии... С. 103, прим. 10.
 468. Ашурбейли С.Б. Указ. соч. С. 117.
 469. Али-Задэ А.А. Указ. раб. С. 377–381.
 470. Последнее, однако, весьма сомнительно.
 471. «История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков». С. 3 перевода. Сочинение это составлено в 1870 г. как довольно свободное сокращение и компиляция более ранних сочинений (в т.ч. «Кайтагской рукописи I»), а поэтому не может приравниваться к источникам.
 472. Малачиханов Б.Г. Указ. соч. С. 192–193, 194.
 473. Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 176–177.
 474. Али-Задэ. Указ. соч. С. 379. См. также: Дорн. Указ. соч. С. 561
 475. Берже I. С. 1072; См. также: Криштопа А.Е. К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. VII. Махачкала, 1976. С. 153, 174–178.
 476. Бакиханов А.К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 74.
 477. Малачиханов Б.Г. Указ. соч. С. 185–186.
 478. О существовании округа «Кабала, махали» см.: Шарифов Д. Обследование развалин Кабалы. Баку, 1927. С. 1.
 479. Берже II. С. 1075.
 480. Отметим попутно, что в тексте «послания Ахмад-багадура уцмию», включенного в «Хронику М. Хиналугского», крепость Ихир названа «находящаяся в соседстве твоего (т.е. уцмия. — А.К.) владения». — См.: Берже II. С. 1075.
 481. Разумеется, речь идет лишь о территории известного Докузпаринского общинного союза — упоминание Докузпары в источнике XVII в. отнюдь не доказывает, что она существовала и в XIV в.
 482. Тизенгаузен II: Шами. С. 119; Йезди. С. 175.
 483. На какие-то следы его в местной верхушке, возможно, есть указания в «Тарих Абу Муслим», где говорится о назначении «Абу Муслимом» еще до Султана Ибрагима (Дербенди?) в качестве наместника селений Рича и Мака некоего «Амир-Хамзы» — излюбленное уцмийское династическое имя. См.: «Тарих Абу Муслим». С. 84 (текст). С. 19 (перевод).

484. Лавров. Ч. I. С. 141 (№ 357).
485. Лавров. Ч. II. С. 80–81 (№ 583).
486. Единственное исключение — рутульское село Хнов, где в 1401 г. отмечено строительство минарета (причем мастерами-цахурцами). — См.: Шихсаидов А.Р. Надписи из Хнова. С. 267.
487. Лавров. Ч. I. С. 79, 84, 85, 288, 343, 346; Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 267–276; Его же: Новые эпиграфические памятники Дагестана. С. 137–139; Дебиров П.М. Указ. соч. С. 32, 129, рис. 62, 63.
488. Шихсаидов А.Р. Надписи из Хнова. С. 267. Ввиду недостаточной сохранности надписи Шихсаидов дает как равно допустимые варианты «Х. зсаз», «Х. нсан», «Х. зсан» — последнее при отнесении точки к «х» читается «Хурсан». Одновременно это позволяет уточнить датировку надписи путем ее сопоставления с датированной Хновской.
489. Лавров. Ч. I. С. 85, № 79 — здесь мастер назван «Харус», однако, при восстановлении точки над конечным «син» читается имя «Хурсан». Айтберов Т.М. уже указывал на то, что дата «677 г.х.» (1278 г. н.э.) зафиксирована там в неверном, обратном чтении — следует читать ее как «776 г.х.» (раджаб 776 г.х. = декабрь 1374 г. н.э.).
490. К XIII в. она отнесена по чисто палеографическим соображениям: вполне возможна ее передатировка рубежом XIV–XV вв.
491. Лавров. Ч. I. С. 133–134 (№ 346).
492. Подобное явление отмечалось в Рутуле во второй половине XIII в. — См.: Лавров. Ч. I. С. 84. Примечание № 76.
493. Родственная связь этих лиц позволяет уточнить датировку № 84: конец XIV — начало XV вв.
494. Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 270.
495. Там же. С. 274; Его же: Дагестан в X–XIV вв. Махачкала, 1975. С. 139.
496. Указывая на их «кунйа», Шихсаидов отмечает их прямое родство (Указ. соч. С. 275). Период смены 4-х поколений в среднем равен веку, т.о. смерть амира Абакара можно отнести примерно к середине XIV в., а начало выделения «амиров» в Хнове — не позднее первой пол. XIV в.
497. Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 271.

498. Там же. С. 272.
499. Маркс К. Из парламента: предложения Робака и Булвера // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. II. С. 372.
500. Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 272.
501. Там же. С. 273 — впрочем, Шихсаидов замечает, что это может быть школьный преподаватель.
502. Там же. С. 275.
503. Там же. С. 267.
504. Там же. С. 272.
505. Шихсаидов А.Р. Новые эпиграфические памятники Дагестана. С. 139; Лавров Ч. 3. С. 34 (№ 694).
506. Лавров Ч. I. С. 85 (№ 79).
507. Лавров Ч. I. С. 118–119 (№ 288). Традиция крупных пожертвований на культовое строительство прослеживается в Цахуре по меньшей мере с XIII в. — См.: Там же. С. 87 (№ 85).
508. Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 274; Его же: Дагестан в X–XIV вв. С. 139.
509. Шихсаидов А.Р. Надписи из Хнова. С. 270.
510. Лавров Л.И. Ч. I. С. 190, комментарий к № 85.
511. Там же. С. 132 (№ 343).
512. Дебиров П.М. Указ. соч. С. 129, рис. 62–63.
513. Любезное сообщение старшего научного сотрудника ЛО ИВ АН СССР К.Н. Юзбашьяна (перевод и комментирование этих надписей).
514. Еще в конце XVIII в. они населяли 62 из 260 шекинских сел. — См.: Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана. М., 1958. С. 180; С 40-х годов XV в. там правит мусульманская династия армянского происхождения. См.: Петрушевский И.П. Государства Азербайджана XV в. // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. I. Баку, 1949. С. 184.
515. Берже П. С. 1076.
516. Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. (очерк социально-экономической характеристики): Дис. ... докт. ист. наук. — Махачкала, 1974. С. 53.
517. См.: С. 112 настоящей работы.
518. Иванов А.А. О датировке... С. 180.

519. Иванов А.А. Там же; Его же: О связях Грузии и Дагестана в XIV–XV вв. // II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977. С. 4–5.
520. Иванов А.А. Кубачинский бронзовый котел XIV в. С. 57.
521. Хронологические соображения — см. в указ. раб. А.А. Иванова. С. 181; См. также замечание акад. И.А. Орбели о том, что котлы закрытого типа до сих пор вне Дагестана нигде не были обнаружены (Орбели И.А. Албанские рельефы и бронзовые котлы // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 310).
522. Иванов А.А. О датировке... С. 178.
523. Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 179.
524. Определение Башкирова А.С. См.: Его же. Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931. С. 57.
525. Магомедов Р.М., Криштопа А.Е. Борьба против татаро-монгольских захватчиков на Северном Кавказе и ослабление власти Золотой Орды // Известия СКНЦВШ (обществ. науки). 1978. № 3. С. 13.
526. В булле папы Бонифация IX, отрывок из которой приводит Ф. Брун (См.: Путешествие Ивана Шильтбергера / Изд. и примеч. Ф. Брун. Одесса, 1866. С. 138).
527. История Дагестана. Т. I. М., 1967. С. 186 (Шихсаидов А.Р.).
528. Малачиханов Б.Г. С. 185–187.
529. Лакские эпические песни. С. 90, 198.
530. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 112.
531. حيس غمق بالايادی الاسب، где глагол حيس имеет, скорее, значение «закрывать, заключать, удерживать».
532. Берже П. С. 1075.
533. Шихсаидов А.Р. Дагестан X–XIV вв.: Дис. ... докт. ист. наук. — Махачкала, 1974. С. 55.
534. Сведения и ссылки об этом даем по статье: Richard J. Op. cit. P. 606–612. См. также нашу статью: Криштопа А.Е. Сведения западноевропейских путешественников XV в. о Дагестане.
535. Richard J. Ibid. P. 610, an. 9. Ришар считает епископа Лазаря штатным главой Таркинского епископского центра. Кроме того, он сообщает, что несколько епископов «Кумуха» (так идентифицирует он *Chomek* латинских текстов) были назначены (или утверждены?) папой римским, и полагает, что именно *Chomek* был

- центром «епископства Каспийских гор» — к сожалению, он при этом не указывает своего источника.
536. Richard J. Op. cit. P. 608.
537. Ibidem. P. 610.
538. Richard J. Op. cit. P. 607, 610, an. 8.
539. (Брун Ф.) Путешествие Ивана Шильтбергера. С. 138.
540. Попытка более детальной идентификации этих названий в нашей статье: Криштопа А.Е. Сведения западноевропейских путешественников XV в. о Дагестане. С. 112–113.
541. Хожение за три моря Афанасия Никитина. М.-Л., 1948. С. 10–11.
542. Берже П. С. 1072; См. также: Криштопа А.Е. К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане. С. 175–176.
543. Этот факт изложен в монографии Али-Задэ А.А., который использовал неизданные рукописи «Матла ас-са'дайн» Абд ар-Разака и «Тарих-и салатин». Однако сам Али-Задэ не считает этот факт достоверным, исходя из одного лишь предположения о том, что Дербенд оставался в руках Орды (см.: Его же: Указ. соч. С. 379). Выше мы постарались обосновать прямо противоположный взгляд о подчинении Дербенда ширваншаху и потому считаем достоверным сообщение о пребывании Хушенга в Дербенде в 777/ 1375–6 г.
544. Хан-Магомедов С.О. Дербенд. М., 1958. С. 62–64.
545. Указание обоих маршрутов см. в раб.: Richard J. Op. cit. P. 609.
546. Лавров. Ч. I. С. 120 (№ 289).
547. Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 182.
548. Сейфедины М.А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII–XV вв. Баку. 1979. С. 108.
549. Лавров. Ч. I. С. 198, комментарий к № 289.
550. См.: Dorn B. Op. cit., t. IV, SPb, 1840; Али-Задэ А.А. Указ. соч. С. 382–383; Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 181, 182, 187.
551. См.: Али-Задэ. Там же; Минорский. Там же. С. 181.
552. Минорский В.Ф. Там же. С. 182.
553. Там же. С. 187.
554. Тизенгаузен II: Йезди. С. 151, Шами Н. (Тизенгаузен II: Шами. С. 109) называет то же число. К этому близко и исчисление армии Тохтамыша у З. Казвини (Тизенгаузен II: З. Казвини. С. 98) в 100 000 человек.

555. Тизенгаузен II: Йезди. Там же.
 556. Тизенгаузен II: Казвини. Там же.
 557. Тизенгаузен II: Йезди. С. 152.
 558. Тизенгаузен II: Там же.
 559. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896. С. 485 (№ 1077).
 560. Айтберов Т.М., Иванов А.А., Казанбиев А.Д. Указ. соч. С. 45; См. также: Магомедов Р.М. Дагестан... Вып. II. С. 263.
 561. Айтберов Т.М. Материалы... С. 83–84.
 562. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря (1728 г.) // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958. С. 114.
 563. Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 15.
 564. Босворт К.Э. Мусульманские династии. М., 1971. С. 198.
 565. Тизенгаузен II. С. 61–63, 108; Сафаргалиев М. Распад... С. 150.
 566. Тизенгаузен II. С. 124, 186.
 567. Атаев Д.М. Нагорный Дагестан... С. 212.
 568. Там же. С. 210.
 569. См.: Гл. II. С. 60 настоящей работы.
 570. Айтберов, Иванов А.А., Казанбиев А. Д. Указ. соч. С. 45.
 571. См.: Гл. I, § 7 настоящей работы.
 572. Джанашвили М. Указ. соч. С. 50–51 (эта рукопись датирована 5 марта 1333 г.).
 573. Ломтатидзе Г.А. Выступление на заключительном заседании сессии 14 мая 1959 г. // МАД II. Махачкала, 1961. С. 295.
 574. Айтберов Т.М. Материалы... С. 82–88.
 575. Генко А.Н. Указ. соч. С. 100.
 576. Атаев Д.М. Указ. соч. С. 205–206.
 577. Там же. С. 198.
 578. Башкиров А.С. Указ. соч. С. 75–76.
 579. Дебиров П.М. Указ. соч. С. 104, рис. 22.
 580. Там же. С. 124, рис. 54.
 581. Там же. С. 124, рис. 54.
 582. Любезное сообщение краеведов А. Керимова и М. Газичилова (с. Согратль).
 583. Атаев Д.М. Указ. соч. С. 204, 201 (данная ссылка относится ко всем пяти названиям перед сноской).

584. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 115.
 585. Джанашвили М. Указ. соч. С. 50.
 586. Исаков М. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966. С. 67, табл. 10, № 850.
 587. Малачиханов Б.Г. Указ. соч. С. 185–186.
 588. Атаев Д.М. Указ. соч. С. 190, 243.
 589. Атаев Д.М. Указ. соч. С. 233, 235, 237, 239. Хотя автор не устанавливает времени упадка Бежтинского очага, но везде дает X в. как верхний предел его функционирования.
 590. Их анализу специально посвящена наша статья: Средневековый очаг металлургии в бассейне Кара-Койсу // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980. С. 231–237.
 591. Халифа-задэ Ч.М., Аббасова С.М. Сидеритовые залежи Дагестана. М., 1963. С. 14, 61.
 592. Атаев Д.М. Некоторые средневековые могильники Аварии // МАД II. Махачкала, 1961. С. 239, сн. 2.
 593. Полевой материал. 1973. С. Согратль / (инф. Шейхил-Абдулла (1887 г.р.).
 594. Полевой материал. 1975. С. Согратль / (запись М. Ахдуханова).
 595. Полевой материал 1973–1974 гг., 1975 г. С. Согратль / (запись М. Ахдуханова).
 596. Известный любитель старины согратлинец М. Шахбанилав (ныне покойный) сообщил в свое время, что в двух рукописных книгах видел одну и ту же глоссу — об участии отряда из Селукья в ополчении, сражавшемся в 1240 г. у селения Хосрех на стороне шамхала против монголов. Он же и научный сотрудник ДКРМ Нурмагомедов М.Г. сообщили о памятной записи, гласившей, что при воцарении первого шамхала каждое из 12-ти селений Ай-Вицху подарило ему по быку, причем по некоторым вариантам этой записи такой «дар» давался каждому шамхалу Кумуха при восхождении на престол.
 597. Лавров Л.И. Новое о Зирих-Геране и кумухских шамхалах. С. 216–218. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М.: Наука, 1984. С. 375–376.
 598. Джанашвили М. Указ. соч. С. 50.

599. Стела зарисована нами в 1973 г. Имеет розетку в верхней части и вертикальные бордюры с волнистыми стеблями по бокам. Тогда же записано связанное с ней предание.
600. Шихсаидов А.Р. Новые эпиграфические памятники Дагестана. С. 40.
601. Иванов А.А. О датировке кубачинских памятников. С. 172, рис. 26.
602. Сообщавший эти сведения соградец Г.-М. Мухучев (1910 г.р.) услышал это предание в 50-х годах в с. Вачи от представителей тамошнего тухума, основанного младшим братом Амир-Хасана.
603. Подсчитано на основании эпитафий Магди-Мухаммада (ум. 1250/1840, «кунйа» 11 поколений) и Мухаммада б. Хусейн-Дибера (ум. в 1343/1924, «кунйа» 15 поколений), найденных М. Ахдухановым на соградецком кладбище, а также надвратных надписей дома Чинтиловых (1309/1892, «кунйа» 15 поколений) с добавлением поколений ныне живущих родственников и потомков этих лиц (все названные «кунйа» восходят к Амир-Хасану).
604. Шихсаидов А.Р. Ислам... С. 209.
605. Там же. С. 208.
606. Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1969. С. 53–55.
607. Атаев Д.М. Нагорный Дагестан... С. 206.
608. Полевой материал 1973 г. С. Согратль / инф. А. Ахдуханов (1911 г.р.).
609. Сообщение М. Шагбанилава и М.Г. Нурмагомедова основанно на памятных записях. Они же любезно сообщили дату смерти Мухаммада б. Сатмара (1306/1627). Известно, что его отец Сатмар умер будучи главой большой семьи, поэтому наиболее активный период деятельности последнего следует отнести к середине XVI в.
610. Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Тбилиси, 1976. С. 131–132; Джанашвили М. Указ соч. С. 54.
611. Вахушти. Указ. соч. С. 132–133; Джанашвили М. Указ. соч. С. 55.
612. Тизенгаузен II. С. 119, 175.
613. См. предыдущий раздел настоящей работы.
614. Tardy L. Op. cit. P. 90, 91 (авары), 90 (kumuch), 91 (газикумухцы). Следует учесть, что записи Иоанна III содержали его наблюдения

- за длительный период пребывания на востоке (с 1377 г.), хотя были окончены в 1404 г.
615. Повторяя слова Н. Шами о том, что зимой 1395–1396 гг. Тимуру подчинилась «область Мамукту» близ Бугаз-кумских песков, т.е. Терско-Сулакское междуречье (Тизенгаузен II. С. 123), III. Йезди добавляет «...и Гази-Кумук» (Тизенгаузен II. С. 184 — причем «Гази-Кумук» есть во всех списках сочинений Йезди). Если это не позднейшее «уточнение» (соответственно ситуации конца XV в.), то отсюда следовало бы, что власть Шамхала еще до 1395 г. распространялась на равнину между реками Сулак и Терек. Но это было бы возможно только с согласия Тохтамыша, что, в свою очередь, предполагает вассалитет шамхала к Орде (тем более, что в 80–90-х годах XIV в. на равнине Дагестана находились войска Тохтамыша).
616. Тизенгаузен II. С. 124, 185.
617. Бакиханов А.Г. Указ. соч. С. 65.
618. Магомедов Р.М. Общественно-экономический... С. 170.
619. Айтберов Т.М. Новое о карачибеках и салаузденях // I конференция молодых ученых Дагестанского филиала АН СССР: (тез. докл.). Махачкала, 1978. С. 14–15. Работа указывает на возможность существования владения «карачи» Асилдара ал-Гадари (ум. 860/1455–6 г.) в районе Кадара-Аркаса.
620. Тизенгаузен II. С. 122–123, 182.
621. Магомедов Р.М. Дагестан... Вып. II. С. 264–265.
622. Сообщение уроженца этого селения, студента ИФ ДГУ Сулейманова С., сделавшего фотографию остатков постройки.
623. Сообщение сотрудника ИА АН СССР индийца Амирханова Х.
624. Айтберов Т.М. Материалы... С. 84.
625. Тизенгаузен II. С. 124, 185.
626. Бакиханов А.К. Указ. соч. С. 64. Там изложено своего рода резюме из исторических записей, устных преданий и, возможно, эпиграфики: см. вводную фразу к этим сведениям: «Теперь послушаем рассказы дагестанских народов, сохранившиеся в древних записках и преданиях, поверенных большей частью с памятниками и надписями».
627. Она включала земли Алмака и хуторов («кули»): Шорто (ныне необитаем), Куриман (ныне Ленин-аул), НахIа-утар (быв. Ста-

- лин-аул, ныне Калинин-аул), КТарачил-нохЮ, Гъайли (ныне звероферма). Полевой материал собран в марте 1977 г. по нашей просьбе Х. Магомедовым — тогда старшим лаборантом ИЭМ ДГУ. Информаторы: Жантемиров И. (1898 г.р.) — с. Алмак; Газиев О. (1909 г.р.) — с. Ленин-аул.
628. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 125.
629. См.: Криштопа А.Е. Еще раз о маршруте Тимура на Северном Кавказе // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 139.
630. Извлечение из истории Дагестана... С. 24, прим. 30.
631. Тизенгаузен П. С. 123, 183; См. также: Криштопа А.Е. Указ. соч. С. 142.
632. Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 84.
633. Тизенгаузен П. С. 124, 184–187.
634. Там же. С. 119, 123, 175, 185.
635. О тождестве «Нергес» и Аркас (Гъаркас) — см.: Криштопа А.Е. К исторической географии Дагестана XIV в. // Тезисы докладов конференции, посвященной 20-летию организации Дагестанского филиала ГО СССР. Вып. XII. Махачкала, 1979. С. 93.
636. Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С. 32.
637. Алиев Б.Г., Шихсаидова Р.С. О маршруте похода Тимура в 1395–1396 гг. через Дагестан. УЗД Т. XX (сер. обществ. наук). Махачкала, 1970. С. 229–232.
638. Richard J. Op. cit. P. 607.
639. Тизенгаузен П. С. 124, 185–186.
640. Алиев Б.Г., Шихсаидова Р.С. Указ. соч. С. 230; Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Вып. I. С. 132.
641. Тизенгаузен П. С. 122, 181–182.
642. О проблеме их соотношения см.: Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 14–15.
643. Тизенгаузен П. С. 123, 184. О возможном распространении сюда в XIV в. власти шамхала говорилось выше.
644. Goldschmidt E.P. Op. cit. P. 276 (см. также карту).
645. См.: Шнитников А.В. Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. Л., 1969. С. 67; Рычагов Г.И. Четвертичные ритмы Каспия // Ритмы и цикличность в природе. Вопросы географии. Вып. 79. М., 1970. С. 122–123.

646. Тизенгаузен П. С. 173 (Йезди); См. также с. 118 (Шаами).
647. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С. 363–364, 370–371; Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 121–122; Алиев Б.Г., Шихсаидова Р.С. Указ. соч. С. 221; Ичалов Г. Борьба народов Дагестана против Тимура. С. 128–130 и др.
648. Тизенгаузен П. С. 174.
649. Там же. С. 119, 174.
650. Там же. С. 175.
651. Там же. С. 119, 175.
652. Там же. С. 175.
653. Там же. С. 119, 175.
654. Там же. С. 119–121, 176–178.
655. Там же. С. 122.
656. Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Т. IV. Грозный, 1976. С. 124–126; Криштопа А.Е. Еще раз... С. 138.
657. Подробный разбор см.: Криштопа А.Е. Указ. соч. С. 135–137; перс. текст дает для них два разных термина — «угьрук» (обоз) и «лашкар» (войско) — см.: Histoire... par Nizāmuddin Sāmi... P. 158–165.
658. Тизенгаузен П. С. 180.
659. Тизенгаузен П.: Ибн Баттута. С. 289.
660. В нашей историографии существуют в основном два варианта реконструкции маршрута III рейда Тимура — «балкарский» и «дагестанский» (соответственно предполагаемому театру военных действий). Мы придерживаемся второго, по-нашему мнению, более соответствующего источникам. Подробное обоснование см. в статье: Криштопа А.Е. Указ. соч. С. 137–139.
661. Месяц определяется тем, что I рейд начался не ранее 16.x.1395 г. (первый день 798 г.х.), затем, в ходе II рейда, пришлось вырубать дорогу в лесу, брать крепости, «много сражаться» — это завершилось пиром в обозе в течение нескольких дней — на все это ушло значительное время. Только затем последовал III рейд (см.: Тизенгаузен П. С. 122).
662. Тизенгаузен П. С. 122, 182.
663. Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 77–78; Бакиханов А. Указ. соч. С. 64–65.

664. Магомедов Р.М. Дагестан... Вып. II. Махачкала, 1975. С. 264–266; Гаджиев Б.И. Ворота в горы Дагестана. Махачкала, 1966. С. 8; Алиев Б., Шихсаидова Р.С. Указ. соч. С. 230–235; Ичалов Г. Указ. соч. С. 129.
665. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 125.
666. Там же.
667. Бакиханов А. Указ. соч. С. 64; Гаджиев Б.И. Указ. соч. С. 8 («Путь от Чиркея до хребта Анчи-мезр», другое название «Акъсакъ-Тимур-йоли»).
668. Бакиханов А. Указ. соч. С. 64 (отождествляет с Ахатлинской переправой через Сулак).
669. Гаджиев Б.И. Указ. соч. С. 7 — автор собрал их в селениях Казанище, Муслим-аул, Кафыр-Кумух, однако следует учесть, что они могут отражать и более поздние события весны 1396 г.
670. Бакиханов А.К. Указ. соч. С. 64.
671. Полевой материал Х. Магомедова 1977 г. / информатор И. Жантемиров.
672. Там же.
673. Тизенгаузен II. С. 122.
674. «Аркас – Араканы – Зирани – Балахъуни — вот исторически известный и кратчайший путь, который вел из низин на плоскогорье» (Малачиханов Б. О прошлом Аварии. Махачкала, 1928. С. 14).
675. Примечательна группировка этих пунктов, соответствующая отрезку маршрута Тимура по «Зафарнамэ»: местность Балкъан — «лесистое ущелье» — крепость Капчигай (Тизенгаузен II. С. 122–123, 182). По-нашему мнению, это соответствие — один из наиболее убедительных доводов за то, что III рейд Тимура проходил именно по Дагестану.
676. Тизенгаузен II. С. 122–123, 182–183.
677. Там же.
678. Там же. С. 123.
679. Там же. С. 182.
680. Там же.
681. Там же.
682. Там же. С. 183.
683. Полевой материал Х. Магомедова 1977 / инф. И. Жантемиров.

684. Магомедов Р.М. Дагестан... Вып. II. С. 265; Магомедов М.Г. Остатки оборонительных стен у Андийских ворот // МАД III. С. 84.
685. Магомедов М.Г. Там же.
686. Магомедов Р.М. Дагестан... Вып. II. С. 265
687. Тизенгаузен II. С. 183; См. также с. 123.
688. Там же.
689. Там же.
690. Тизенгаузен II. С. 183; См. также с. 123.
691. Полевой материал Х. Магомедова 1977 / инф. И. Жантемиров и О. Газиев.
692. Тизенгаузен II. С. 123.
693. Там же. С. 183–184.
694. Тизенгаузен II. С. 123; См. также с. 183.
695. Тизенгаузен II. Там же.
696. Там же. С. 184; См. также с. 123.
697. Там же. С. 123, 184–185.
698. Там же. С. 123–124.
699. Там же. С. 185.
700. Тизенгаузен II. С. 123–124, 185, 186.
701. Там же. С. 124, 186.
702. Опираясь на материалы деловой переписки папской курии, Ж. Ришар (Указ. раб. С. 608–609, 611, прим. 22), сообщает, что «один генуэзец, Антуан Реккана, основал общество с целью спустить на Каспийское море суда, собрать воинов и положить конец нашествию...» но, обзаведясь кораблями, он тотчас же отказался от борьбы с Тимуром и использовал их для торговли.
703. Тизенгаузен II. С. 186.
704. Там же.
705. Там же. С. 124.
706. Там же. С. 186. Если бы Аркас входил в Аварское княжество, то, очевидно, на него распространялось бы «прощение», выданное ранее Тимуром «старшинам аухарским». Трагическая участь города указывает на его прежнюю самостоятельность.
707. Там же. С. 124 (это указывает на то, что сопротивление продолжалось в другом месте).

708. Тизенгаузен II. С. 186–187; Бакиханов (Указ. соч. С. 65) записал предание, бытующее донныне, что воины Тимура, скрытые в сундуках, были внесены в «город Кадар» (недалеко от Аркаса). Их удар изнутри привел к захвату Кадара Тимуром. Очевидно, что и это предание, и приведенное сообщение Ш. Йезди имеют в основе общее: ящики с находящимися внутри воинами, несущими гибель осажденным. Все это позволяет отнести описанные события к с. Кадар — к тому же его ландшафт соответствует описанию Ш. Йезди.
709. Тизенгаузен II. С. 187.
710. Там же. Постройка там медресе всего 8 лет спустя (в 1404–5 г.) косвенно подтверждает, что Зирихгеран избежал серьезного ущерба от войск Тимура. См.: Лавров. Ч. I. С. 129.
711. Тизенгаузен II. С. 124, 187.
712. Там же.
713. Алиев Б.Г., Шихсаидова Р.С. Указ. соч. С. 231–233.
714. Бакиханов А. Указ. соч. С. 64
715. Гаджиев Б.И. Указ. соч. С. 7.
716. Лакские эпические песни. С. 23–35, 125–136, 236; Габиев С. Лаки, их прошлое и быт // СМОМПК 36. Тифлис, 1906. С. 105.
717. Магомедов А.Р. Отчет о работе археологической экспедиции ДГУ им. В.И. Ленина в 1978 г. Махачкала, 1979 (хранится на кафедре всеобщей истории ДГУ). С. 36.
718. Габиев С. сообщил о «могиле Парту Фатимы» с надгробным памятником, которая была местом посещения (См.: Лаки, их прошлое и быт). По сообщению Х. Халилова могила, которая ныне сравнивалась с землей, находилась между селениями Хуна и Хури в долине Партувалу, выходящей к Кумуху с северо-востока (См.: Лакские эпические песни. С. 236) — песня, впрочем, гласит, что сражение происходило на «широкой равнине», а героиня осталась невредима (Там же. С. 133).
719. Гербер И.-Г. С. 78–79.
720. Бакиханов А. Указ. соч. С. 65; Алкадари Г. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929. С. 30.
721. Tardy L. Op. cit. P. 89 (предисловие издателя).
722. Там же. С. 98.

723. Тизенгаузен II. С. 187 — о жителях покорившегося Зирихгерана: «Милость царская удостоила их разных почестей и наград».
724. Джанашвили М. Указ. соч. С. 53; Какабадзе С.С. Хроника ксанских эриставов // ППВ 1968. М., 1970. С. 103.
725. Клавихо Р.Г. де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. // Сборник отделения русского языка и словесности ИАН. Т. XXVIII, № 1. СПб., 1881. С. 231.
726. Тизенгаузен II. С. 185.
727. Тизенгаузен II: Аноним Искандера. С. 133–134.
728. В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся тенги 809/1407, 811/1408-9, 813/1410, 815/1412, отчеканенные от имени хана Шадибека в Дербенде. — См.: Марков А. Указ. соч. 1896. С. 936 (№ 353-в); С. 486 (№ 1354–1358).
729. Али-Задэ А.А. Указ. соч. С. 396–397.
730. Richard J. Op. cit. P. 608. Позволение было получено, «участникам этого предприятия была пожалована индульгенция», «Антуан Солпан был назначен главнокомандующим» — на этом, собственно, и кончилось содействие Рима. «Опасность миновала, и мы не слышим более разговоров об организации крестового похода против Тамерлана, чтобы защитить кайтагцев», — констатирует Ж. Ришар.
731. Джанашвили М. Указ. соч. С. 54.
732. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 122
733. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 121–123; История Дагестана. Т. I. С. 207.
734. Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 127; История Дагестана. Т. I. С. 198.
735. История Дагестана. Т. I. С. 208–209.
736. Айтберов Т.М. Материалы... С. 84.
737. Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 204–206, 260–261.
738. Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Вып. I. С. 134.
739. Там же. С. 133.
740. Там же. С. 134–135.
741. Там же. С. 135.
742. Айтберов Т.М. Материалы... С. 84.
743. Хожение за три моря Афанасия Никитина. М.-Л., 1948. С. 10–11. Любопытно, что западноевропейцы продолжали называть жителей Внешнего Дагестана «кайтаками» и в XV в. См.: Криштопа А.

- Сведения западноевропейских путешественников XV в. о Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1970.
744. Richard J. Op. cit. P. 608–609.
745. Сафаргалиев М.Г. Распад... С. 170.
746. Richard J. Op. cit. P. 609.
747. Тизенгаузен II. С. 124, 187.
748. Бегунов Ю.К. Указ. соч. С. 126–127.
749. Хожение за три моря Афанасия Никитина. С. 10–11.
750. Путешествия Амвросия Контарини... // Библиотека иностранных писателей о России. Т. I. СПб., 1836. С. 79, 83.
751. Ртвеладзе Э.Р. Указ. соч. С. 125–126.
752. Джанашвили М.Г. Указ. соч. С. 51.
753. К тому же Теймураз не дает никаких ссылок на источники, не говоря уже о случаях неприемлемого обращения с ними. — См.: Такайшвили Е.С. Описание рукописей библиотеки Общества распространения грамотности среди грузинского населения // СМОМПК XXXVI. Тифлис, 1906. С. 5–6.
754. Саидов М.С. Возникновение письменности у аварцев // Языки Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1948. С. 137.
755. Джанашвили М.Г. Указ. соч. С. 54; Бердзенишвили Н. и др. История Грузии. Ч. I. С. 303.
756. Малачиханов Б.Г. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане. С. 185.
757. Айтберов Т.М. приводит сообщение сотрудника ДКРМ Нурмагомедова М.Г. о дате принятия ислама жителями с. Хуштага, указанной на плите стены тамошней мечети (910/1504–5 гг.) и предполагает, что исламизация соседнего с. Тинди должна быть хронологически близка к ней. — См.: Айтберов Т.М. Источники для социальной структуры Дагестана XV–XVI вв.: Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1980. С. 57–58.
758. Richard J. Op. cit. P. 607.
759. Richard J. Op. cit. P. 608, дано также примечание: «...Епископ Атрашитанус Корнель не должен быть перепутан с Астраханским (епископом Земли Сарматской в Астрахани) — упомянут в 1434 г.» (P. 610, an. 15).

760. «Завоевание османами берегов Черного моря ставило отныне страны Кавказа в положение изоляции. Миссионеры, шедшие из Италии и Польши, не имели теперь возможности добраться до страны кайтаков, где христианская община Дагестана приближалась к исчезновению при неясных обстоятельствах» (Richard J. Op. cit. P. 609).
761. Ibidem.
762. Криштопа А.Е. Сведения западноевропейских путешественников XV в. о Дагестане. С. 116.
763. Там же. С. 121 — мы даем обоснование такой датировки (И. Барбаро ошибочно дает 1486 г.).
764. Там же. С. 117.
765. Криштопа А.Е. К вопросу об участии народов Дагестана в борьбе против первых Сефевидов // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1970. С. 95–99.
766. Год смерти И. Барбаро.
767. Ж. Ришар считает, что именно газийские походы ардебильских шейхов Сефевидов завершили это истребление («Нет сомнения, что эти рейды, возобновлявшиеся непрерывно, способствовали исчезновению христианства и обращению кайтагцев в ислам». — Richard J. Op. Cit. P. 608).
768. Тизенгаузен II. С. 124, 186.
769. Там же. С. 123, 183.
770. Магомедов Р.М. Дагестан... С. 52–61; Шихсаидов А.Р. Дагестан X–XIV вв. С. 159.
771. Магомедов Р.М. Дагестан... Вып. II. С. 227.
772. Айтберов Т.М. Аноним Муслима из Урады. С. 65–67.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Заключение

Подведем краткие итоги предпринятому исследованию политической жизни Дагестана XIII – начало XV вв.

1. Постепенный переход от раннефеодального общества к развитому феодализму, принявший в XIII–XIV вв. особенно динамичные и кризисные формы, проходил в различных землях Дагестана крайне неравномерно⁷⁷³. В этом, очевидно, следует видеть главную причину того разнообразия существовавших здесь политических форм, которое достаточно ясно прослеживается в сообщениях источников о периоде XIII–XV вв. и в котором, тем не менее, можно выделить три основных типа.

а) Княжеское владение во главе с династией, наследственно обладающей верховной властью. В отечественной историографии уже отмечалось⁷⁷⁴, что в дагестанских княжествах власть наследовалась не по прямой линии, а считалась принадлежащей всему «владельческому дому» — правящей родственной группе в целом, переходя каждый раз к наиболее влиятельному ее представителю (это отчасти напоминает древнерусскую «лествичную» систему). Такая форма правления наблюдалась повсеместно, от Дербента до Аварии — независимо от происхождения династии. Следует отметить, что современники вполне осознавали обоснованность такого порядка⁷⁷⁵.

б) Политическое образование во главе с феодальной олигархией. Социальным лидером при таком порядке являлась общинная верхушка, успевшая выделиться в более или менее

оформленную сословную группу, нередко с титулами, правом приказывать и т.д. (XIII в. — Рича, возможно, Мишлец; вторая половина XIV в. — Хнов)⁷⁷⁶. Нет никаких признаков удержания власти родственной группой или передачи власти по наследству, но, вероятнее всего, именно передача власти «из одной руки в другую» позволяла такой сословной группировке сохранять ее.

в) Самоуправляющаяся сельская община. Здесь носителем верховной власти выступал «джамаат», что являлось традиционной формой общинного правления. Бесспорно существование здесь имущественного неравенства (на что может указывать наличие отдельных богатых жертвователей), хотя следующее отсюда неравенство социальное еще не получило сколько-нибудь четкого оформления. Такого картину дают эпиграфические и письменные источники для Рутула, Цахура. Последние, однако, фигурируют в них как отдельные сельские общины. Только начиная с середины XIV в. встречается первое указание (Курах, 1356 г.) на союз сельских общин — политическую форму правления, столь распространенную в Дагестане впоследствии. Есть основание считать, что в образовании Курахского союза значительную роль сыграл военно-политический фактор: необходимость обороны от феодальной экспансии с юга.

Разумеется, ни в одном дагестанском политическом образовании ни одна из этих форм правления не существовала в «чистом» виде (появление «беков» в самоуправляемых общинах; существование «старшин» и знатных «домов», ограничивающих единоличную власть владетелей; живучесть общинных традиций). Наиболее яркий пример в этом отношении — Гумик: шамхальская власть даже в моменты серьезных своих успехов была явно ограничена олигархической группой «старшин» и знатных домов, которые в свою очередь действовали от имени Кумуха как единой общины. Весьма вероятно при этом, что и сама шамхальская власть попеременно переходила от одного знатного «дома» к другому (такую возможность Т.М. Айтберов объяснял именованьем шамхалов в источниках потомками то Хамзы, то Аббаса).

2. В XIV–XV вв. в Нагорном Дагестане происходило образование довольно крупных политических объединений. Ядром каждого из них являлось обычно сильное княжество. Причем присоединялись к такому княжеству не обязательно соседние земли и общины. Таким образом, в XIV в. политическое влияние Кайтага распространилось в полосе Внешнего Дагестана от Тарков до Самура; в XV в. влияние Газикумуха охватило бассейн Каракойсу, Гидатль и достигло Тинди. Нетрудно заметить, что в обоих случаях направление феодальной экспансии определялось линией прохождения транзитного пути (соответственно: предгорной трассой дербентского пути или восточной ветвью «великого пути через горы»). Таким образом значение этих путей для Дагестана не сводилось только к транзитной торговле — одновременно они были средством связи и условием создания политических объединений (имевшего, разумеется, более глубокие социальные причины)⁷⁷⁷. Здесь нам кажется правомерной аналогия с той ролью, которую играл в IX в. меридиональный транзитный путь «из варяг в греки» для оформления ядра Древнерусского государства.

3. Особая роль международных транзитных путей в истории Дагестана определяется местом его в Кавказском регионе и тем положением естественного барьера, которое занимал Кавказ между переднеазиатским и восточноевропейским регионами. Через этот барьер существовало всего два прохода, доступных практически круглый год, — Дарьяльский и Дербентский, причем последний был наиболее надежен и, соответственно, наиболее важен. Ввиду постоянства географических условий указанный фактор оказывал свое влияние на жизнь Дагестана на протяжении почти всей его истории. Но в интересующий нас период его роль отмечена некоторым своеобразием: благодаря росту значения (начиная с XI–XII вв.) трансконтинентальных широтных путей и прежде всего «Великого шелкового пути», наметилось некоторое падение торговых функций Дербентского пути, а после нашествия монголов и Тимура окончательно утратившего свое былое значение. Это привело к примечательным изменени-

ям во внешних связях Дагестана: с XIII в. прослеживаются явные признаки начавшихся отношений со Средней Азией, а с XIV в. — с Западной Европой, продолжавшихся до XV в. и прекратившихся в силу неблагоприятных политических перемен чисто внешнего характера (разгром Тимуром перевалочных пунктов на Нижней Волге и в Причерноморье; образование Османской империи, блокировавшей черноморские пути в Европу).

Ослабление торговли по Дербентскому пути отнюдь не уменьшило его стратегического значения. Главным образом это обусловило здесь и военную активность обеих чингизидских держав, и последующие нашествия Тимура. Уничтожение значительных людских и материальных ресурсов, длительные периоды изоляции равнины от горных районов серьезно нарушили нормальный ход исторического развития Дагестана, вызвав долговременные неблагоприятные последствия.

Итак, положение Дагестана у важнейшего прохода из Азии в Европу, его роль самого «горячего» участка ордыно-ильханской границы определили его место в исторической жизни Евразии XIII–XV вв. Таким образом весьма значительная часть дагестанского исторического материала этого периода не может быть правильно интерпретирована без сопоставления его с исторической жизнью огромных регионов Евразии — от Верхнего Поволжья до Египта, от Средней Азии до Европы, а в еще большей степени — с исторической жизнью Кавказского региона.

4. Драматические события XIII–XIV вв. окончательно стерли следы политической карты, отраженной в произведениях арабской классической географии IX–XI вв. В XIII–XV вв. сложились новые политические образования — Кайтагское, Газикумукское, Аварское княжества, которые стали играть ведущую роль в жизни дагестанских земель. Они заметно отличались от прежних Хайдака, Гумика и Серира. В то же время Дагестан XIII–XV вв. по своей политической структуре остался системой феодальных политических единиц⁷⁷⁸. Весьма вероятно, что сама изоляция (полная, а затем

частичная) горных земель Дагестана стала фактором их политической консолидации. В самом деле: в XIII в. горные земли оказались в одинаковом положении, оборонительные задачи встали перед населением каждой из них. История знает немало примеров, когда необходимость обороны от внешней опасности превращается в серьезный объединительный фактор.

На нынешнем уровне исторических знаний преждевременно ставить вопрос о том, почему в Дагестане не сложилось единое централизованное государство. Однако правомерно предположение, что в XIII — начале XV вв. создались условия для формирования важных политических факторов, способствующих окончательному оформлению Дагестана как цельной историко-географической единицы, представлявшей собой по своей политической структуре систему средневековых политических образований.

Примечания

773. Магомедов Р.М. Дагестан... Вып. II. Махачкала, 1975. С. 65.
 774. Айтберов Т.М. Источники по истории Аварии XVI–XVII вв. Феодальные отношения в Дагестане. Махачкала, 1981. С. 179–194.
 775. Шихсаидов // ППВ 1972. С. 106–107.
 776. Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв. Махачкала, 1975. С. 139.
 777. В предельно общем виде этот вопрос был затронут в статье С.В. Юшкова. Однако автор уделил основное внимание социальной, а не политической стороне вопроса и принял во внимание только приморскую трассу Дербендского пути (см.: Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане // Уч. записки Свердловского госпединститута. Вып. I (исторический). Свердловск, 1938. С. 66–68.
 778. Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 47.

Список сокращений

**NOT FOR
PUBLIC RELEASE**

АКАК. II — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Том II, Тифлис, 1868.

ВИ — Вопросы истории (журнал).

ГО — Географическое Общество.

ИАН — Императорская Академия наук.

ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР. Том ...Махачкала.

КЭС — Кавказский этнографический сборник. Вып. ...Москва.

ЛО ИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения.

МАД — Материалы по археологии Дагестана. Том ...Махачкала.

ППВ — Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования: Ежегодник ...Москва.

СКНЦВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы.

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. ...Тифлис.

ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. ...Тифлис.

УЗД — Ученые записки Института истории, языка и литературы им.

Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР. Том ...Махачкала.

УЗ ЧИГПИ — Ученые записки Чечено-Ингушского государственного педагогического института.

Библиография

Г. Источники

а) опубликованные

- 1.1. Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Книга талхис ал-асар ва аджа'иб алмалик ал-каххар. М., 1971.
- 1.2. Айтберов Т.М. Аноним Муслима из Урады (XV—XVI вв.) // Письменные памятники и проблемы истории культуры Востока: XIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: Доклады и сообщения по арабистике. М., 1978.
- 1.3. Айтберов Т.М. Магергалы по истории Дагестана XV—XVII вв. // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980.
- 1.4. Айтберов Т.М., Иванов А.А., Казанбиев А.Д. Новые эпиграфические памятники с территории Аварии // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976—1977 гг. (тезисы докладов). Махачкала, 1978.
- 1.5. (Ал-Гарнати) Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1154 гг.). М., 1971.
- 1.6. Ал-Истахрий. Книга путей и царств // СМОМПК 29, 1901.
- 1.7. Ал-Мукаддаси. Лучшее из делений для познания климатов // СМОМПК 38, 1903.
- 1.8. Ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад. Жизнеописание султана Джадал ад-Дина Манкбурны. Баку, 1973.
- 1.9. Армянские источники о монголах (извлечения из рукописей XIII—XIV вв.) / Перевод, предисл. и примеч. А.Г. Галстяна. М., 1962.

- 1.10. (Барбаро И.) Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина // Библиотека иностранных писателей о России. Отд. I. Т. I. СПб., 1836.
- 1.11. Бегунов Ю.К. Древнерусское описание Дербенда и Ширвана // Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы: Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом), XXI. М.-Л., 1965.
- 1.12. (Берже I, II) Берже А. Кайтахские рукописи (I, II) // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. II (АКАК II). Тифлис, 1868.
- 1.13. (Брун Ф.) Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 гг. / Перевод и примеч. Ф. Бруна. Одесса, 1866.
- 1.14. Военские повести Древней Руси. М.-Л., 1949.
- 1.15. Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК 22, 1897.
- 1.16. Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Херсонесе, Готфии, Осетии, Хазарии, Дидоэти и России // СМОМПК 26, 1899.
- 1.17. Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль. Баку, 1940.
- 1.18. Ибн ал-Факих. Книга стран // СМОМПК 31, 1902.
- 1.19. Ибн Рустә. Книга драгоценностей // СМОМПК 32, 1903.
- 1.20. Ибн Хаукаль. Книга путей и царств // СМОМПК 38, 1908.
- 1.21. Из дагестанских памятных записей (составители Айтберов Т.М., Шихсаидов А.Р.) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980.
- 1.22. Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом Рафии // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Вып. V. Тифлис, 1871.
- 1.23. (Вардан, Ст. Орбелиан, Сембат) История монголов по армянским источникам. Вып. I, заключающий в себе извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиана и коннетабля Сембата / Перевод и объяснения К.П. Патканова. СПб., 1873.

- 1.24. (Гандзакеди) История монголов по армянским источникам. Вып. 2, заключающий в себе извлечения по истории Киракоса Гандзакеди / Перевод и объяснения К.П. Патканова. СПб., 1874.
- 1.25. Какчабадзе С.С. Хроника ксанских эриставов // ППВ 1968. М., 1970.
- 1.26. Клавихо Р.Т. де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг. // Сборник отделения русского языка и словесности ИАН. Т. XXVIII, № I, СПб., 1881.
- 1.27. (Контарини А.) Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей Венецианской республики, к знаменитому персидскому государю Узун-Хасану, совершенное в 1473 г. // Библиотека иностранных писателей о России. Отд. I. Т. I. СПб., 1836.
- 1.28. (Лавров Ч. 1) Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. М., 1966.
- 1.29. (Лавров Ч. 2) Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 2. М., 1968.
- 1.30. (Лавров Ч. 3) Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 3. М., 1980.
- 1.31. Лакские эпические песни / Сост., перев. и прим. Х. Халилова. Махачкала, 1969.
- 1.32. Марко Поло. Путешествие. Л., 1940.
- 1.33. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896.
- 1.34. Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. Книга предупреждения и пересмотра // СМОМПК 38, 1908.
- 1.35. Мхитар Айриванец. Хроника // Армянские источники о монголах. М., 1962.
- 1.36. (Никитин Аф.) Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.-Л., 1948.
- 1.37. Предание о происхождении чеченцев / Перевод подп. А.Я. Чернышёва // Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.
- 1.38. Рашид ад-Дин Фазлуллах. Джамии ат-таварих. Т. III. Баку, 1957.
- 1.39. Рашид ад-Дин. Переписка. М., 1971.

- 1.40. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1 и кн. 2. М.-Л., 1952.
- 1.41. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л., 1960.
- 1.42. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.-Л., 1946.
- 1.43. Рубрук, Гильом де. Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- 1.44. Себастиани. Летопись // Армянские источники о монголах. М., 1962.
- 1.45. Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XVIII. СПб., 1913.
- 1.46. Степанос, еп. Летопись // Армянские источники о монголах. М., 1962.
- 1.47. Тарих Дербенд-намэ / Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898.
- 1.48. (Тизенгаузен I) Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: (извлечения из сочинений арабских). СПб., 1884.
- 1.49. (Тизенгаузен II) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: (извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным). М.-Л., 1941.
- 1.50. Цулая Г.В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // КЭС VII. М., 1980.
- 1.51. Шихабудинов М.Ш., Айтберов Т.М. Документы по истории средневекового Дагестана (нач. XV – конец XVI вв.) // Вопросы истории Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1975.
- 1.52. Шихсаидов А.Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафии // ППВ 1972. М., 1977.
- 1.53. Шихсаидов А.Р. Новые данные по средневековой истории Дагестана // УЗД. Т. IX. 1961.
- 1.54. Шихсаидов А.Р. Новые эпиграфические памятники // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978–1979 гг.: Тезисы докладов. Махачкала, 1980.
- 1.55. Шихсаидов А.Р. Новые эпиграфические памятники Дагестана // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974.

- 1.56. Якут. Алфавитный перечень стран // СМОНПК 29, 1901.
- 1.57. Goldschmidt E.P. The Lesina portolan chart of the Caspian Sea. — *The Geographical Journal*, vol. CIII, № 6, June 1944. The Royal Geographical Society, London (перевод Чутуевой-Юнусовой Т.Г.).
- 1.58. Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnama par Nizamiddin Sami avec des additions empruntées au Zubdatu-t-Tavarih-I Baïsunguride Hafiz-i-Abri. Edition critique par Felix Tauer. Tome I. Texte persan du Zafarnama, Praha, 1937.
- 1.59. Notice d'un Atlas en langue catalane, manuscrit de l'an 1375, conserve parmi les manuscrits de la Bibliothèque Royale, sous le № 6816, fonds ancien, in-folio maximo; par mm. J.A.C. Buchon et J. Tastu. — In: Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi et autres Bibliothèques. T. XIV. Paris. MDCCCXLI.
- 1.60. Tardy L. The Caucasian peoples and their neighbour in 1404. — *Acta orientalia hungarica*, t. XXXIII, fasc. 1. Budapest, 1978 (перевод Чутуевой-Юнусовой Т.Г.).

б) неопубликованные

- 1.61. Тарих Абу Муслим / Перевод, вступительные пояснения и комментарии А.Р. Шихсаидова // Рук. Фонд. ИИЯЛ. Ф. 3, оп. I, д. №158/3703.
- 1.62. Сказание об основании аула Аргвани / Перевод, вступительные пояснения и комментарии А.Р. Шихсаидова // Рук. Фонд ИИЯЛ. Ф. 3, оп. I, д. №158/3704.
- 1.63. Хроника аула Ихран / Перевод, вступительные пояснения А.Р. Шихсаидова // Рук. Фонд ИИЯЛ. Ф. 3, оп. I, д. №168/3938.
- 1.64. Хроника Герей-хана / Перевод и вступительные пояснения А.Р. Шихсаидова // Рук. Фонд ИИЯЛ. Ф. 3, оп. I, д. №168/3938.
- 1.65. История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков // Рук. фонд ИИЯЛ I, оп. I, д. № 286 (1654).
- 1.66. Магомедов А.Р. Отчет о работе археологической экспедиции ДГУ в 1978 г. Махачкала, 1979 (хранится на кафедре всеобщей истории ДГУ им. В.И. Ленина).

- 1.67. Viaggio di Josafa Barbaro, gentilhuomo venetiano, nella Persia, parte seconda. — In: Delle navigationi et viaggi, raccolte da M. Gio. Battista Ramusio et illustrati con molti vaghi Discorsi da lui dichiarati. T. II. Venetia, 1558–1559 (перевод Смирновой Л.).

2. Книги

- 2.1. Алиев Б.Г. Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. Махачкала, 1972.
 2.2. Али-заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956.
 2.3. Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929.
 2.4. Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
 2.5. Ашурбейли С.Б. Очерк истории средневекового Баку (VIII–начало XIX вв.). Баку, 1964.
 2.6. Багров Л.С. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. СПб., 1912.
 2.7. Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.
 2.8. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Соч. Т. II, кн. I. М., 1963.
 2.9. Бартольд В.В. О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира // Соч. Т. VIII. М., 1973.
 2.10. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. I. М., 1963.
 2.11. Башкиров А.С. Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931.
 2.12. Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С. История Грузии: (с древнейших времен до начала XIX в.). Ч. 1. Тбилиси, 1950.
 2.13. Босворт К.Э. Мусульманские династии. М., 1971.
 2.14. Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Тбилиси, 1976.
 2.15. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1934.
 2.16. Гаджиев Б.И. Ворота в горы Дагестана. Махачкала, 1966.

- 2.17. Гаджиева С.Ш. Жумыки. М., 1961.
 2.18. Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа (материалы региональной научной конференции). Махачкала, 1980.
 2.19. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950.
 2.20. Дебиров Л.М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966.
 2.21. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966.
 2.22. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.
 2.23. Исаков М. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966.
 2.24. История Дагестана. Т. I. М., 1967.
 2.25. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.
 2.26. Магомедов А.Р. Хозяйственная жизнь и социальный строй Нагорного Дагестана в XV–XVII вв. Ростов-на-Дону, 1985.
 2.27. Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Вып. I. Махачкала, 1971.
 2.28. Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Вып. II. Махачкала, 1975.
 2.29. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Т. 1, 2. Махачкала, 1999.
 2.30. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961.
 2.31. Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1969.
 2.32. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII–начале XIX вв. Махачкала, 1957.
 2.33. Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1977.
 2.34. Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1979.
 2.35. Магомедов Р.М. Хронология истории Дагестана. Махачкала, 1959.
 2.36. Малачишвили Б.Т. О прошлом Аварии. Махачкала, 1928.
 2.37. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.
 2.38. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963.

- 2.39. Народы Кавказа. Т. I, II. М., 1960.
- 2.40. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972.
- 2.41. Очерки истории Дагестана. Т. I. Махачкала, 1957.
- 2.42. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I. Грозный, 1967.
- 2.43. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.
- 2.44. Рычагов Г.И. Четвертичные ритмы Каспия // Ритмы и цикличность в природе: Вопросы географии. Вып. 79. М., 1970.
- 2.45. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- 2.46. Сейфединов М.А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII–XV вв. Баку, 1979.
- 2.47. Тахнаева П.И. Христианская культура средневековой Аварии в контексте реконструкции политической истории (VII–XV вв.). Махачкала, 2004.
- 2.48. Халифа-заде Ч.М., Аббасова С.М. Сидеритовые залежи Дагестана. М., 1963.
- 2.49. Хан-Магомедов С.О. Дербент. М., 1958.
- 2.50. Шарифов Д. Обследование развалин Кабалы. Баку, 1927.
- 2.51. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. М.-Л., 1949.
- 2.52. Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV вв.: (опыт социально-экономической характеристики). Махачкала, 1975.
- 2.53. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969.
- 2.54. Шихсаидов А.Р. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969.
- 2.55. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.
- 2.56. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984.
- 2.57. Шнитников А.В. Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. Л., 1969.
- 2.58. Dorn B. Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen. Versuch einer Geschichte der Schir-

vanschache. — In: Mémoires de l'Académie imperial des sciences de S.-Petersbourg. 6-me série. T. IV. SPb., 1840.

- 2.59. Hammer-Purgstall von J. Geschichte der Ilchane, das ist der Mongolen in Persien... Darmstadt, 1842.

3. Статьи

- 3.1. Абакаров А.И. Некоторые предметы вооружения монгольского времени из горного Дагестана // Древности Дагестана (МАД V). Махачкала, 1974.
- 3.2. Абакаров А.И. Топография раннесредневековых городищ горного Дагестана // V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975.
- 3.3. Аглавов М. Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана // Дагестанский этнографический сборник. Вып. I. Махачкала, 1974.
- 3.4. Айтберов Т.М. Еще раз о монгольском нашествии на Дагестан // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XII годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщ.). Ч. I. М., 1977.
- 3.5. Айтберов Т.М. Новое о карачибеках и салаузенях // I конференция молодых ученых Дагестанского филиала АН СССР: (тезисы докладов). Махачкала, 1978.
- 3.6. Айтберов Т.М. О хронике «Тарих Дагестан» // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений (май, 1978). Л., 1978.
- 3.7. Айтберов Т.М. Центральная часть Восточного Дагестана в VII–XII вв. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.
- 3.8. Алиев Б.Г., Шихсаидова Р.С. О маршруте похода Тимура в 1395–1396 гг. через Дагестан // УЗД Т. XX (серия общественных наук). Махачкала, 1970.
- 3.9. Али-Заде А.А. Монгольские завоеватели в Азербайджане и сопредельных странах в XIII–XIV вв. // ВИ № 8. 1952.
- 3.10. Атаев Д.М. Некоторые средневековые могильники Аварии // МАД II. Махачкала, 1961.

- 3.11. Ахмедов Ш.М. К вопросу о распространении ислама в Дагестане // Вопросы истории Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1975.
- 3.12. Бартольд В.В. Абу Муслим // Соч. Т VII. М., 1971.
- 3.13. Бартольд В.В. Дагестан // Соч. Т III. М., 1965.
- 3.14. Бартольд В.В. Дербенд // Соч. Т III. М., 1965.
- 3.15. Бартольд В.В. Рец. на кн.: Багров Л.С. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря // Соч. Т III. М., 1965.
- 3.16. Бартольд В.В. Чупан // Соч. V. М., 1968.
- 3.17. Бартольд В.В. Ширваншах // Соч. Т II. Ч. I. М., 1963.
- 3.18. Виноградов В.Б. Еще раз о месте убийства Михаила Тверского // УЗ ЧИГПИ. № 26. Грозный, 1968.
- 3.19. Габиев С. Лаки, их прошлое и быт // СМОМПК 36. Тифлис, 1906.
- 3.20. Галстян А. Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и в Европе. М., 1970.
- 3.21. Гамбашидзе Г.Г. К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа // II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977.
- 3.22. Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды II сессии ассоциации арабистов. М.-Л., 1941.
- 3.23. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря (1728 г.) // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958.
- 3.24. Егоров В.Л. Государственное и административное устройство Золотой Орды // ВИ. 1972. № 2.
- 3.25. Иванов А.А. Кубачинский бронзовый котел XIV в. // Сообщения Государственного Эрмитажа. XLII. Л., 1977.
- 3.26. Иванов А.А. О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Л., 1976.
- 3.27. Иванов А.А. О связях Грузии и Дагестана в XIV–XV вв. // II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977.
- 3.28. Ичалов Г.Х. Борьба народов Дагестана против Тимура // Вопросы истории Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1975.

- 3.29. Ичалов Г.Х. Борьба народов Дагестана с татаро-монголами в первой половине XIII в. // Вопросы истории Дагестана. Вып. 1. Махачкала, 1974.
- 3.30. Ичалов Г.Х. Дагестан — арена военных столкновений хулагидов и ханов Золотой Орды // Вопросы истории Дагестана. Вып. 3. Махачкала, 1975.
- 3.31. Котович В.Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Баланджара и Таргу // Древности Дагестана (МАД V). Махачкала, 1974.
- 3.32. Криштопа А.Е. Дагестан XIII–XIV вв. по сообщениям восточных авторов // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. IV. Махачкала, 1974.
- 3.33. Криштопа А.Е. Еще раз о маршруте Тимура на Северном Кавказе // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
- 3.34. Криштопа А.Е. К вопросу об участии народов Дагестана в борьбе против первых Сефевидов // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1970.
- 3.35. Криштопа А.Е. К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана (сборник научных сообщений). Вып. VII. Махачкала, 1976.
- 3.36. Криштопа А.Е. К исторической географии Дагестана XIV в. // Тезисы докладов конференции, посвященной 20-летию организации Дагестанского филиала ГО СССР. Вып. XII. Махачкала, 1979.
- 3.37. Криштопа А.Е. О возможном происхождении дагестанского титула «нуцал» // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989.
- 3.38. Криштопа А.Е. Сведения западноевропейских путешественников XV в. о Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1970.
- 3.39. Криштопа А.Е. Средневековый очаг металлургии в бассейне Кара-Койсу // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
- 3.40. Кушева Е.Н. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1960.

- 3.41. Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX // КЭС IV. М., 1969.
- 3.42. Лавров Л.И. Новое о Зирих-Геране и кумухских шамхалах // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976.
- 3.43. Ломтатидзе Г.А. Выступление на заключительном заседании сессии 14 мая 1959 г. // МАД II. Махачкала, 1961.
- 3.44. Магомедов М.Г. Остатки оборонительных стен у Андийских ворот // МАД III. Махачкала, 1973.
- 3.45. Магомедов Р.М., Криштопа А.Е. Борьба против татаро-монгольских захватчиков на Северном Кавказе и ослабление власти Золотой Орды // Известия СКНЦВШ (общественные науки): 1978. № 3.
- 3.46. Малачиханов Б.Г. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане (материалы по истории нагорного Дагестана) // УЗД. Т. XIV (серия историческая). Махачкала, 1965.
- 3.47. Маркс К. Из парламента: предложения Робака и Булвера // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. II.
- 3.48. Орбели И.А. Албанские рельефы и бронзовые котлы // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.
- 3.49. Петрушевский И.П. Государства Азербайджана XV в. // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. I. Баку, 1949.
- 3.50. Петрушевский И.П. Иран и Азербайджан под властью Хулагидов // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- 3.51. Петрушевский И.П. Рашид ад-Дин и его исторический труд // Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.-Л., 1946.
- 3.52. Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Т. IV. Грозный, 1976.
- 3.53. Саидов М.С. Возникновение письменности у аварцев // Языки Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1948.
- 3.54. Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана 1796 г. // История, география и этнография Дагестана. М., 1958.
- 3.55. Такайшвили Е.С. Описание рукописей библиотеки Общества распространения грамотности среди грузинского населения // СМОМПК 36, 1906.

- 3.56. Федоров-Давыдов Г.А. «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1969.
- 3.57. Шихсаидов А.Р. К вопросу о локализации Филана // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.
- 3.58. Шихсаидов А.Р. Надписи из Хнова // Древности Дагестана (МАД V). Махачкала, 1974.
- 3.59. Diamond M.S. A stone relief from the Caucasus // Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. New York, dec. 1938, v. XXXIII, № 12.
- 3.60. Lettre de m. Khanykov à m. Dorn 8 (20) avril 1857, Tebris // Melanges asiatiques. T. III. 1859.
- 3.61. Richard J. Les missionnaires latins chez les Kaitak du Daghestan (XI-XV sc.) // Материалы XXV Международного конгресса востоковедов. Т. III. М., 1963 (перев. Смирновой Л., Даниловой С.).

4. Диссертации и авторефераты

- 4.1. Айтберов Т.М. Источники для изучения социальной структуры Дагестана XV-XVI вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.
- 4.2. Тамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.: Дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1971.
- 4.3. Шихсаидов А.Р. Дагестан в X-XIV вв. (очерк социально-экономической характеристики): Дис. ... докт. ист. наук. Махачкала, 1974.
- 4.4. Федоров Я.А. Происхождение кумыков: Автореф. Дис. ... докт. ист. наук. М., 1961.

